

"Нечаянная любовь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Хелен БРУКС

НЕЧАЯННАЯ ЛЮБОВЬ

(Роковое путешествие)

Глава 1

- Мисс Квинтон! Я знаю, что вы дома, черт побери! У вас ровно шестьдесят секунд - открывайте, или я взломаю дверь!

Рия, спотыкаясь, вышла в небольшую прихожую. От бешеного стука звенело в ушах, дверь сотрясалась под градом сыпавшихся на нее ударов. Было только шесть часов утра, и она могла себе представить реакцию соседей по площадке. Ей и так уже досталось за Поппи, которая жила здесь в ее отсутствие, - целый ворох жалоб в почтовом ящике. А теперь, как назло, еще и это...

- Ну ладно, юная леди! - окончательно разозлился нежданный гость, как раз в тот момент, когда Рия отперла замок. - Потом не говорите, что я вас не предупредил!

Тяжелая дубовая дверь распахнулась, и огромный мужчина ввалился в квартиру, едва не рухнув на пол. Придя в себя, он схватил Рию за плечи, оторвал от двери и отшвырнул к дальней стене.

- Кретинка!

Отведя от лица волну серебристых волос, Рия со страхом смотрела на свирепого незнакомца.

- Кто же так открывает дверь? Неужели в этой кукольной головке ни одной извилины?

Его грубость разозлила Рию, и она мгновенно овладела собой.

- Да как вы смеете? - заявила она на удивление твердым голосом. - Вот уже несколько минут вы барабаните в мою дверь, как сумасшедший, а теперь еще и упрекаете? Вы... вы...

- Если ищете подходящее выражение, то не утруждайте свои куриные мозги, - с издевкой и угрозой сказал ее обидчик. - Лучше поинтересуйтесь, кто я такой. Или открывать дверь в шесть утра неизвестно кому для вас дело привычное?

Голубые, отливающие сталью глаза нагло осмотрели ее с головы до ног. Губы незнакомца были сердито сжаты, а взгляд был оскорбительным.

- Мне все равно, кто вы такой, - негромко ответила Рия, чувствуя, как холодные мурашки поползли по спине.

Ее толстый махровый халат распахнулся, когда она с грохотом ударилась о стену, а прозрачная ночная рубашка не оставляла работы воображению. Поймав презрительный взгляд, скользивший по ее высокой полной груди, тонкой талии и длинным стройным ногам, Рия поспешила запахнуть халат и трясущимися руками завязала пояс.

- Скоро вам будет не все равно. Поверьте, мисс Квинтон, вам будет очень даже не все равно, - угрожающе произнес он.

Рия с надеждой взглянула на лестничную площадку за его спиной и тут же поняла, что он

догадался о ее намерении убежать. В нем было столько неистовой мужской силы, что сердце у нее заныло, а кровь бешено понеслась по жилам. Таких она еще не встречала.

- Что вам угодно? - нервно сжимая руки в кулаки, спросила она. Серые мягкие глаза ее казались огромными на побледневшем лице.

- Всею свое время, дорогая.

Он закрыл дверь ногой и небрежно прислонился к косяку, скрестив руки на груди и чувствуя себя здесь как дома. По акценту и бронзовой коже она поняла лишь, что он не англичанин. Однако ни цель его визита, ни причина его злости были ей совершенно непонятны.

Проницательные глаза незнакомца опять заскользили по ее настороженной фигурке.

- Есть на что посмотреть, - пробормотал он с видом знатока.

Краска залила ее нежные щеки, и он ухмыльнулся.

- Сколько вам? Восемнадцать, девятнадцать?

Рия нахмурилась.

- Двадцать один. Но вам-то что до этого? - спохватилась она.

- Скоро узнаете, киска! В тот день, когда вы наострили коготки на моего родственника, вы и все, что с вами связано, попали в сферу моих интересов. И частые визиты в сомнительные ночные клубы, и достойный сожаления образ жизни...

- Послушайте, вы! - гневно воскликнула Рия, распрямляя плечи. - Я не знаю, о чем вы говорите, да и не желаю знать. Я вас впервые вижу, а вы позволяете себе врыватья ко мне в дом, набрасываетесь на меня, да еще и оскорбляете...

Незнакомец обвел ее презрительным взглядом и прошел в гостиную. Рия озадаченно замолчала.

- Проходите, присаживайтесь, - насмешливо и повелительно пригласил он. - Вообще-то обычно я не опускаюсь до разговоров с женщинами такого пошиба. Но нам надо кое-что обсудить, и я советовал бы вам попридержать язык в течение ближайшего часа.

- Нам не о чем говорить, - возразила Рия, обходя его стороной и с облегчением опускаясь в глубокое кресло.

Зачем только она открыла дверь? Разве можно быть такой дурой? Куда девалась ее обычная осторожность? Видимо, еще не пришла в себя с дороги, тоскливо подумала она, украдкой из-под длинных ресниц следя за незнакомцем, по-хозяйски осматривавшим ее маленькую квартирку. Целых шесть недель она провела в Америке, где гастролировал их небольшой, но известный дом моделей, и вся подготовительная работа была на ней: договориться о помещении, подготовить зал, реквизит, обеспечить явку персонала в нужное время и в нужное место, разрядить обстановку, когда в этом возникает необходимость... Все это, конечно, очень утомительно, однако ей нравилось быть личным помощником художественного руководителя. Из Америки она прилетела только накануне вечером, а до дома добралась уже на рассвете.

- Насколько я понимаю, мы одни, - без всякого выражения сказал незнакомец, и это взбесило

Рию.

- А что вы ожидали здесь увидеть?

Он невесело рассмеялся.

- Не будем вдаваться в подробности, дорогая Поппи. Могу ли я называть тебя так? Насколько я понимаю, с тобой редко кто церемонится. - Рия раскрыла рот, чтобы возразить, но он властно и угрожающе поднял руку. —Давай договоримся: я никуда не «врывался», как ты только что заявила, и ни на кого не «набрасывался», а если ты чувствуешь себя оскорбленной, то просто оттого, что мне необходимо повнимательнее присмотреться к той отвратительной эгоистичной бабочке, которую ты собой представляешь.

Рия наконец-то стала понимать: этот сумасшедший принял ее за кузину!

Что же еще натворила эта бесшабашная и ветреная девица? - лихорадочно соображала Рия. Она уже и так жалела, что позволила Поппи пожить в ее квартире, пока сама была в Америке.

Вечно она из меня веревки вьет, с тоской подумала Рия. Но Поппи с ее бархатными глазами могла уговорить кого угодно. «Такого у меня еще не было, - вкрадчиво мурлыкала она. - Нам бы хоть немного пожить вместе!» Поппи снимала квартиру вместе с пятью другими девушками, и даже Рия, когда приходила к ней в гости, была уже лишней.

- Ага, мы уже что-то начинаем соображать. - Холодный голос вернул ее к действительности, и она в испуге подняла глаза на незнакомца. - У тебя очень выразительное личико, дорогая, не совсем то, чего я ожидал.

Рия яростно блеснула глазами, но ничего не ответила. Он сухо усмехнулся.

- На сей раз придется расплачиваться за свою ошибку, крошка. Скажи «спасибо», что напала на такого, как я. К твоему и так уже длинному списку я добавлю еще одно маленькое приключение.

- Пожалуйста, выслушайте меня. Я должна вам кое-что объяснить. Вы все перепутали...

Он нетерпеливо прервал ее.

- Я не собираюсь тебя слушать. - Ледяные глаза с презрением смотрели на нее. - Лучше помолчи и сама слушай. Я не люблю повторять.

Он явно привык повелевать, а Рия настолько устала, что не нашла в себе сил противоречить. Совершенно сбита с толку, она подобрала под себя ноги и спряталась в глубоком кресле, точно маленький испуганный кролик. Незнакомец, видимо, заметил это, и когда вновь заговорил, голос его уже не был так резок, однако стальные глаза ни на секунду не выпускали ее из виду.

- Меня зовут Димитриос Кутсупис, я дядя Никоса, - начал он и, поскольку Рия никак не отреагировала, опять разозлился. - Ты помнишь Никоса, я надеюсь? - спросил он едко. Но, не получив ответа, раздраженно покачал головой. - Когда ты порвала с ним, он вернулся в Грецию сам не свой. Он не может ни работать, ни есть, ни спать. Ты хоть понимаешь, что ты с ним сделала?! Обнадежила и бросила, да еще так цинично! Неужели тебе это доставляет удовольствие? - резко выпалил он, разозленный молчанием девушки. Глаза его сузились в две голубые щелки.

Рия смотрела на него, не находя, что ответить, и только пожала плечами.

- Я зря трачу порох, - простонал он сквозь стиснутые зубы.

Резко развернувшись, он порывисто подошел к большому окну, словно не мог больше смотреть на нее. Он стоял к ней спиной, скрестив на груди руки, и смотрел на уже просыпающийся внизу Лондон. От всей его фигуры веяло ледяным холодом.

Сколько он так простоял, Рия не знала. Необузданный грек настолько ошеломил ее, что она сидела не двигаясь, лихорадочно пытаясь соединить несколько разрозненных фактов. Поппи опять что-то отчудила, а мне расхлебывать, хмуро думала она. Правда, обычно все выходило проще: один или два телефонных звонка от брошенного поклонника, просившего ее уговорить Поппи, чтобы та позвонила ему, а то какой-нибудь понурый юнец с кругами под глазами подстерегал ее у дома или по дороге на работу, допытываясь, что он такого сделал, и умоляя о помощи.

Любовные связи Поппи закаливались всегда одинаково: она отрезала их от себя, как хирург скальпелем, - быстро, напрочь и без малейшего колебания. Ну, берегись, Поппи, думала Рия. Разве можно так издеваться над людьми? За три года, что они прожили в Лондоне, жестокость кузины не переставала удивлять ее, хотя она и понимала, что Поппи, как воздух, нужны новые победы и обожание.

Рия настолько была поглощена своими мыслями, что даже вздрогнула, когда Димитриос отвернулся от окна и вновь заговорил. Теперь, когда он взял себя в руки, акцент его стал менее заметен.

- Прошу прощения за такое поведение. Я не собираюсь навязывать вам свои мысли и свое мнение. К вам это не имеет никакого отношения.

На нем был безупречный темный костюм, белоснежная сорочка и умело повязанный красный шелковый галстук. На смуглом запястье поблескивали золотые часы. Все говорило о силе и власти.

- Что вам нужно? - осторожно спросила Рия, понимая, что перед нею настоящий леопард, который в любой момент может выпустить когти и броситься на нее в смертоносном прыжке.

- Мне нужно... ваше содействие, - тщательно подбирая слова, ответил Димитриос. - Мать Никоса поправляется значительно медленнее, чем мы ожидали. - Он замолчал, заметив ее вопросительный взгляд. - Вы что, не в курсе наших семейных дел? - холодно спросил он и, когда она отрицательно покачала головой, не смог скрыть своего удивления. - Извините еще раз. Когда Никое рассказал мне о ваших отношениях, - губы его презрительно скривились, - я, совершенно естественно, заключил, что вы в курсе всего, что касается нашей семьи. Обычно, по крайней мере у меня на родине, когда два человека обмениваются кольцами в знак помолвки, у них не остается тайн друг от друга. Серые глаза Рии округлились. На сей раз дело зашло слишком далеко, такого она не могла предположить. Она знала Поили, как саму себя, - брак никогда не входил в ее планы. Что же касается колец, то это просто смешно. Что ты натворила, оборотка? - мысленно обругала она свою кузину. И почему я должна за тебя отвечать?

- Мать Никоса, моя сестра Кристина, была серьезно больна, - тем временем продолжал Димитриос, проводя ладонью по жестким волосам, и на лицо его набежала тень. - Нарушения в костных тканях. Теперь она пошла на поправку. Но все еще страдает от сильнейших болей и с трудом передвигается. Со временем это пройдет. На данном же этапе чрезвычайно важно,

чтобы она не потеряла интерес к жизни и продолжала бороться. К несчастью, лекарства, которые она принимает, имеют один неприятный побочный эффект они вызывают депрессию.

Он сделал выразительный жест рукой, и Рия понимающе кивнула.

- Когда Никое объявил, что влюблен в англичанку, его мать, естественно, расстроилась. - Он поджал губы. - Гречанка была бы предпочтительнее. Но в наши дни молодежь сама выбирает свою судьбу, хотя потом частенько сожалеет о своей ошибке.

Он хотел, чтобы у нее не осталось сомнений: выбор Никоса - явная ошибка.

- Со временем, однако, моя сестра смирилась с этим... прискорбным фактом и даже приободрилась. И сейчас она живет только одним желанием познакомиться с девушкой, в которую так скоропалительно и так безоглядно влюбился Никое, и убедиться в том, что у него будет хорошая семья. В ней вся эта история пробудила интерес к жизни, и как раз тогда, когда она в этом очень нуждается.

Если уж Поппи поставила на Никосе крест, недоумевала Рия, то зачем этот самонадеянный гигант прилетел сюда за тысячи километров? Что ему нужно?

- Кристина просто жаждет с вами познакомиться, и я не намерен ее разочаровывать, - закончил он все тем же ровным голосом, и Рия не сразу поняла, что он хочет сказать.

Но когда смысл сказанного дошел до нее, она вскинула голову и сразу натолкнулась на твердый взгляд его голубых глаз. Димитриос медленно кивнул.

- Именно, - спокойно подтвердил он, заметив ее удивление. - Вы поедете со мной в Грецию и сыграете для моей сестры спектакль. Вы должны убедить ее в том, что вы вполне уважаемая юная леди, которая только о том и думает, как бы одарить ее чадо сказочным счастьем и нарожать ему целую кучу здоровеньких детей.

- Вы с ума сошли! - в ужасе пробормотала Рия. - Вы просто сошли с ума!

Странно - он был доволен ее реакцией. Сев прямо напротив нее, он вытянул длинные ноги и откинулся назад, сцепив пальцы на затылке.

- Само собой разумеется, что дата вашего возвращения в Англию будет зависеть от ваших сценических способностей. Я понимаю, для такого человека, как вы, эта задача не из легких, - с иронией, больше похожей на издевку, произнес он, - но посмотрите на это как на испытание вашего несомненного таланта.

Еще час назад Рия и не подозревала, что может так сильно кого-нибудь ненавидеть. Боль пульсировала у нее в голове, ее подташнивало. Я должна сказать этому маньяку, кто я такая, вяло подумала она и встала. Но комната вдруг поплыла у нее перед глазами, кровь схлынула с лица, и она покачнулась.

- Не надо так волноваться, - с раздражением пробормотал Димитриос, помогая ей сесть обратно в кресло. - Вы ведете слишком активный образ жизни.

Рия в изнеможении закрыла глаза, думая только о том, как бы не расплакаться. В одном она была уверена: он не видел Поппи даже на фотографии. Они одного возраста и примерно одного роста, но в остальном - небо и земля. У Поппи копна вьющихся рыжих волос и живые карие глаза, а Рия, по мнению окружающих, олицетворяет собой холодную английскую красоту. Ну-

ну, злорадно подумала она. Хотела бы я посмотреть на тебя в Греции, когда ты поймешь, что ошибся адресом. Ты вполне это заслужил, самовлюбленный тип!

Головокружение прошло, и она осторожно открыла глаза. Он сидел на корточках возле кресла и, склонившись над ней, внимательно рассматривал ее лицо. Как только она открыла глаза, он выпрямился, продолжая с нескрываемым удивлением смотреть на нее. На загорелой щеке подергивался мускул.

- Сидите спокойно, - коротко приказал он и вышел в малюсенькую кухню, где начал бесцеремонно копать в шкафах.

- Чувствуйте себя как дома! - язвительно крикнула она, хотя и не так резко, как хотелось.

Неожиданно для нее он поставил перед ней чашку свежесваренного чая. - Вот вам ваша британская панацея от всех бед, - сказал он, и Рия машинально взяла чашку. - Вам не по себе, я это вижу, хотя и не понимаю, почему. - Он пожал плечами. - Сожалею. Дело в том, что у меня два билета на самолет - вылет сегодня после обеда. И вы полетите со мной в Грецию, даже если мне придется нести вас на руках до самого трапа.

- Никуда я не полечу, - безучастно возразила Рия, с удовольствием потягивая горячий сладкий чай и пытаясь привести мысли в порядок.

- Речь идет вовсе не о приглашении.

- А о приказе, вы хотите сказать? Вы любите отдавать приказы? Если вы думаете, что удастся меня запугать, то очень ошибаетесь, - отважно заявила Рия. И останетесь в дураках, мысленно добавила она, с вызовом глядя в его непроницаемое лицо.

Он усмехнулся так, что кровь застыла у нее в жилах.

- Вот, возьмите. - Он протянул ей две белые таблетки.

Рия отдернула руку, словно обожглась.

- Что это? - Глаза у нее в ужасе расширились. - Откуда у вас это? Что вы собираетесь со мной делать?

Он вздохнул, с трудом сдерживая раздражение.

- О чем вы думаете, глупая девчонка? Это аспирин из шкафчика на кухне. Я проворачиваю много разных сделок, но можете быть уверены, что наркотики и работоторговля не входят в сферу моих интересов. Он поднял с ковра таблетки и, с презрением взглянув на нее, принес из кухни упаковку, держа ее двумя пальцами в вытянутой руке.

- Угощайтесь, но только зарубите себе на носу, что вы полетите со мной, чего бы это ни стоило.

От его низкого голоса по коже у нее побежали мурашки. Она многое бы отдала, чтобы больше никогда не видеть этого ужасного грека! Его мужественность действовала на нее самым странным образом, и, вероятно, дело не просто в усталости.

Резко зазвонил телефон, и она чуть не подскочила от неожиданности, но все же успела снять трубку прежде, чем Димитриос дотянулся до аппарата. Поднося ее к уху, посмотрела на часы. Семь? Подруги не имели обыкновения звонить ей в такую рань.

- Рия? Слава Богу, ты дома! Я считала минуты до твоего возвращения, быстро говорила Поппи, еле сдерживая рыдания. - Я попала в страшный переплет, выручай!

Всем своим существом ощущая присутствие огромного смуглого мужчины, не сводившего с нее тяжелого взгляда, Рия заставила себя говорить как ни в чем не бывало.

- Привет, Сара, только ты можешь звонить в такую рань. Что, срочно вызывают? - скороговоркой бормотала она, отворачиваясь от его безжалостного взгляда, казалось проникавшего в ее мысли.

- Кто у тебя, Рия? - в ужасе прошептала Поппи, и перед глазами Рии вдруг встала картинка из прошлого.

Две маленькие девочки, заигравшись, не заметили, как оказались на скользких после неожиданной летней грозы шлюзовых воротах над каналом. Одна поскользнулась и неминуемо свалилась бы вниз, но вторая поймала ее за руки. Если бы не ее упорство, то Рия наверняка бы погибла в темной воде. Тогда в голосе Поппи было столько же ужаса, как и сейчас, но она держала и держала ее до тех пор, пока не подоспела помощь. А сегодня Рия ни за что не отдаст свою кухню на растерзание этим жестоким южанам!

- Извини, Сара, мне трудно говорить. Я не очень хорошо себя чувствую.

Как бы Поппи ни поступила с племянником этого грека, то, чего он сейчас требует, не имеет никакого оправдания. Какая-то средневековая дикость.

- Что происходит? - едва слышно прошептала Поппи.

- Да, конечно, скоро увидимся. Мне пора. Тут из Греции приехал дядя Никоса, представляешь?

Короткие гудки на другом конце провода ясно дали ей понять, что Поппи очень хорошо это себе представила.

- Пока, позвони позже.

Димитриос пристроился на стуле и не сводил с нее равнодушного взгляда. Положив трубку, Рия повернулась к нему.

- О'кей? - спросил он, и Рия, хотя и не поняла, к чему это было сказано, на всякий случай кивнула.

Пока она разговаривала, он снял галстук и расстегнул несколько пуговиц на рубашке - из ворота показались курчавые черные волосы. Какое-то странное возбуждение вдруг овладело Рией, и она судорожно сглотнула.

- Это Сара, - прошептала она невпопад, и он едва заметно кивнул, рассматривая ее холодными, ничего не выражающими глазами.

- Ровно через пять часов мы отправляемся в аэропорт, - сухо сказал он. - Не теряйте времени зря. Если вам нужен врач, я вам помогу. Если нет, то приведите в порядок свои дела, чтобы уехать на некоторое время. - Все это очень странно, - с тревогой в голосе начала она. - У меня работа, квартира. Неужели вы думаете, что я...

- Думаю, думаю. - Димитриос жестко смотрел на нее, и на скулах у него выступили желваки. -

Хоть раз в жизни вы сделаете то, что вам говорят.

- Да кто вы такой, чтобы мне приказывать? - бессильно возмутилась она.

Он самодовольно ухмыльнулся.

- Я уже вам говорил, кто я такой. А кто вы, я и так знаю. - Она вздохнула в отчаянии, и он продолжал: - Вы манекенщица, верно? Никое говорил, что вы высоко котируетесь, - пренебрежительно произнес он. - Для вас не в новинку собраться за несколько часов и отправиться на край света. Даже если и не так, меня это не интересует. А вот моя сестра меня очень интересует. И я намерен сделать все, чтобы она была спокойна. Вы будете играть влюбленную невесту моего племянника столько, сколько понадобится.

У нее было чувство, что она может биться головой о стену и все равно ничего не докажет.

- Вы все перепутали.

Он приподнял черную бровь.

- Разве? - Он заметил ее колебания, и его горящие глаза презрительно сузились. - Может, мою пресыщенную попутчицу соблазнит то, что все расходы оплачены, включая и возмещение за вынужденное отсутствие на работе? На какую сумму вы хотели бы получить чек?

И он назвал такую цифру, от которой глаза у Рии расширились и она покраснела.

- Вы хотите купить меня? - произнесла она полным удивления голосом. С какого рода людьми вы обычно имеете дело?

Лицо его превратилось в непроницаемую маску.

- Не советую вам заходить слишком далеко, мисс Квинтон. Хорошо быть мне другом, и плохо - недругом. На первое вам рассчитывать не приходится, но молитесь, чтобы не случилось второго.

Он придвинулся, и от него повеяло такой силой, что она поняла: противиться ему бесполезно. Она застыла, не в силах пошевелиться, точно кролик перед удавом.

- Не подходите ко мне, не подходите ко мне!

- Вы не в том положении, чтобы приказывать. - Лицо у него стало суровым. - Вам не кажется?

Она сердито посмотрела на него серыми глазами.

- А что вы сделаете, если я откажусь? Будете бить меня? Вот вам и мужчина - звериная сила, и только.

- Кто дал вам право судить меня? - прорычал он, хотя глаза остались холодными, как лед. - Вам, такой высоконравственной особе...

И неожиданно привлек ее к себе, прижав спиной к стене. Она оказалась полностью в его власти.

- Есть несколько способов обучить манерам такую бродячую кошку, как вы. - Он дышал ей прямо в лицо. Побледнев, Рия изо всех сил пыталась освободиться от его железной хватки, и он

хмыкнул, наблюдая за тем, как она мотает головой из стороны в сторону, избегая его губ. – Вы, без сомнения, любите, чтобы вас обожали, чтобы вам поклонялись. И у бедного Никоса не было ни малейшего шанса, верно?

Он дотронулся до нее губами, и ее как огнем обожгло. Охваченная животным страхом, она яростно брыкалась и извивалась всем телом в его крепких объятиях. Димитриос что-то пробормотал и так перегнул ее в пояснице, что ей пришлось за него ухватиться, чтобы не упасть.

Он страстно прижался к ее губам и, раздвинув их, дотронулся до мягких теплых глубин ее рта. Сердце у нее бешено колотилось, а он все не отпускал и не отпускал. Чувства, захватившие ее, напугали ее больше, чем сами объятия. Она и не знала, что поцелуй может быть столь сокровенным: несколько случайных легких поцелуев, которые были у нее на счету, ровно ничего не значили по сравнению с этим. Она оказалась неготовой к буйству чувств. Когда он коснулся губами ее шеи, она изо всех сил заколотила кулаками по его спине и, задыхаясь, всхлипывая, прокричала:

- Не надо! Прошу вас, не надо!

Он медленно поднял голову.

- Похоже, вы искренни, – удивленно пробормотал он.

- Да, да!

Она уже ничего не видела вокруг, ощущая одно только мощное мужское тело.

Димитриос отодвинулся на расстояние вытянутых рук и внимательно посмотрел в ее полные ужаса глаза.

- Я думал, что вы уже взрослая девушка, – мягко пробормотал он с каким-то непонятным для нее блеском в глазах. – А вы едва не убедили меня, что такое обращение для вас в новинку.

- Вы сделали мне больно, – с трудом прошептала она, трясущимися руками откидывая с лица волосы.

- Да что вы? – скептически спросил он, изучая ее лицо. – Видимо, теряю квалификацию. Обычно женщины не так реагируют на мои поцелуи.

Рия ничуть в этом не сомневалась. За те несколько минут, что она провела в его руках, в ней пробудилось древнее, как мир, чувство женщины, с радостью отдающей себя во власть мужчине. По коже у нее все еще бегали мурашки, но она отстранилась, и руки его упали вдоль тела, а в глазах снова загорелся какой-то странный огонек.

- Итак... – неожиданно произнес он прежним ледяным тоном. Атака продолжалась. – Прикажете собрать ваши вещички или будете благоразумны и сделаете это сами?

Она пожала плечами, краснея. А что, если действительно поехать? Что он с ней сделает, в конце-то концов? Она не Поппи, последнее слово будет за ней, а кузина получит столь необходимую ей передышку. Разве Поппи справится с таким громиллой?

- Вообще-то у меня осталась часть отпуска, – пробормотала она.

Это было правдой. В прошлом году она отдохнула только неделю и с тех пор так и не догуляла положенное. Она оставит на работе записку для Поппи, где все ей объяснит, паспорт у нее в порядке, благо она только что прилетела из Америки, да и ничего срочного на ближайшее время не предвидится. Конечно, скоро все раскроется, но это лучше, чем бросать бедную Поппи на растерзание этому леопарду.

Она медленно подняла голову и кивнула, глядя в его внимательные глаза.

- Хорошо, я поеду, - глухо сказала она, - но только потом не жалуйтесь, что я вас не предупреждала.

На какое-то мгновение на его лице проступила почти дикая радость победы, но он тут же взял себя в руки.

Что я наделала? - слабо спросила она себя. Что я наделала?

Глава 2

Они летели первым классом, и при других обстоятельствах Рия наслаждалась бы полетом, но сейчас ее осаждали беспокойные мысли. У нее даже пересохло во рту, а ладони стали влажными.

Если уж Димитриос кажется мне сумасшедшим, то кто же тогда я сама? тоскливо подумала она, искоса поглядев на спящего спутника. Едва они взлетели, он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и его огромное тело обмякло. Но теперь, к своему удивлению, Рия обнаружила, что голубые глаза Димитриоса задумчиво смотрят на ее лицо. Сердце у нее забилося.

- Вам это не надоело?

- Что именно? - не поняла она.

- Да строить из себя обиженную с табличкой «Не беспокоить» на шее.

Она растерялась, однако ответила твердым голосом:

- Не понимаю, о чем вы. - И прямо посмотрела ему в глаза.

- Я ожидал встретить энергичную амазонку, которая не преминет воспользоваться либо шармом, либо женской хитростью, чтобы настоять на своем. А вместо этого нахожу равнодушную снежную королеву. - Он задумчиво покачал темноволосой головой. - Хитрая тактика. Видимо, я поторопился с выводами.

Рия, нервничая, все-таки выдержала его взгляд - кого-кого, а Поппи он раскусил. Именно так она бы себя и повела. Надо держать ухо востро: этот супермен к тому же очень пронизателен.

Она отвела глаза от его всевидящего взгляда.

- Я не несу ответственности за ваши выводы, - пробормотала она. - Мне кажется, вы просто тиран, для которого ночью все кошки серы.

- Не совсем так. - В его басовитом голосе впервые послышались нотки сдерживаемого смеха. - Я тоже пытаюсь быть гибким, но это не так-то просто.

Стюардесса поставила перед Рией высокий фужер, в котором позвякивал лед. Разговор

прервался, Рия с улыбкой поблагодарила, но аккуратно подведенные глаза блондинки, не скрывая животной страсти, смотрели на смуглокожего мужчину, сидевшего подле Рии.

- Вы что-нибудь хотите, сэр?

Явно заигрывает, с раздражением подумала Рия, но на Димитриоса блондинка не произвела никакого впечатления.

- Нет, спасибо.

Он улыбнулся стюардессе, не замечая ее, и опять откинулся в кресле и закрыл глаза. Теперь в его чертах не было обычной холодной суровости, и она разглядела темные от усталости круги под глазами. Сколько ему лет? рассеянно подумала она. Тридцать - тридцать пять. Больше его точенному лицу и крупному мускулистому телу дать было невозможно.

- Я подарю вам фотографию с автографом, если хотите. - Спокойный, с едва заметной издевкой голос заставил ее вздрогнуть. Глаза у него были по-прежнему закрыты. - Но я вас понимаю - настоящий мужчина ныне редкость.

- Да вы просто...

Он хмыкнул, видя, что она не может найти подходящих слов. - Не продолжайте, я и так все понял. Вы все еще бледны. Почему бы вам не вздремнуть?

- Как только захочу, я это непременно сделаю, - по-детски запальчиво ответила она. Он насмешливо фыркнул, и ей стало совсем тошно.

Она откинулась в кресле, но упрямо не закрывала глаз, хотя и была бы рада поспать. Голова у нее болела, и вообще она чувствовала себя совершенно разбитой. Переутомление. Может, это вообще мой последний полет? мрачно подумала она. События развивались с поразительной быстротой, и теперь она была слишком измучена, чтобы уснуть.

- У вас есть родственники?

Голос у него был мягкий, как бы приглашающий к разговору, и она, поддавшись его теплоте, чуть было не покачала отрицательно головой. Ее родители и младший братик погибли в страшной автокатастрофе, когда ей было семь лет. Она осталась совсем одна, и брат отца, овдовевший за два года до этого, взял ее к себе в дом, надеясь, что она станет хорошей подругой для его избалованной дочери.

- Отец у меня в Эссексе, а в Лондоне - кузина.

Она ненавидела ложь, и потому сейчас ее голос слегка дрожал. Так дело не пойдет. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять себя в руки.

- А, да. Никое говорил мне что-то про вашего отца. - Голос у него был осуждающий. - Вы, видимо, с ним не в ладах. Слишком уж властный, так ведь?

- Пожалуй. - И она украдкой посмотрела на него.

- Бедняга, - холодно пробормотал Димитриос.

- Вы его совсем не знаете, так что придержите ваше мнение при себе, резко сказала она, вспомнив холодное, бесстрастное лицо дядюшки Джона. Ее он терпел, не более того, а с Поппи

обращался порой даже жестоко, отвергая ее гипертрофированную потребность нравиться.

- Но я знаю вас, и этого уже достаточно, - тихо заметил Димитриос, и в голосе его опять зазвенела сталь. - Не сомневаюсь, что вы легко сможете оправдать любую беспринципность, но когда окончательно запутываетесь, то бежите к папочке. Разве я не прав?

- Все совсем не так, - запротестовала она, хотя и понимала, что относительно Поппи он отчасти прав. - Вы уверены? - досадливо спросил он. - Тогда убедите меня.

С отчаянием взглянув в насмешливое лицо, Рия отвернулась.

- Какой смысл? - пробормотала она. - Вы не поверите ни одному моему слову.

- Как вы проницательны!

Она возмущенно уставилась на него.

- Я знал бесчисленное множество женщин, похожих на вас, дорогая, сказал он насмешливо. - Избалованы с детства. Вы далеко не единственная такая.

Щеки ее зарделись, но она сдержалась и ничего не сказала, чтобы не выдать себя. Она вспомнила, как была рада Поппи, когда впервые увидела ее у себя дома. Между двумя совершенно непохожими девочками почти сразу же установилось полное взаимопонимание. Каждая искала в подруге то, в чем сама испытывала недостаток. Они были предоставлены самим себе в этом старинном неухоженном доме, но вдвоем не страшно и не скучно, и они были довольны. По большей части они носились по округе, посещая школу лишь в случае крайней необходимости.

Почтенные деревенские жители привыкли видеть вместе этих маленьких девочек. Одна - тихоня с длинными платиновыми локонами, вторая - озорная, как беспризорница, с переливающимися медными кудрями и насмешливыми карими глазами. Их можно было встретить в любое время дня и ночи на сладко пахнущих аллеях и лугах...

Рия улыбнулась своим воспоминаниям, и у смотревшего на нее Димитриоса перехватило дыхание.

- Чему вы так улыбаетесь? - хрипло спросил он. - Вспомнили еще одного дурака, которого вам удалось обвести вокруг пальца?

Ее удивила горечь, с которой он это произнес, - она не знала, что от детских воспоминаний лицо ее стало на удивление мягким и привлекательным.

- Впрочем, мне-то что? - спохватился он. - Просто ваша хитрость обескураживает меня. Зачем я трачу на вас время?

Оскорбление было настолько неожиданным, что она даже потеряла дар речи и съежилась. Он бросил на нее уничтожающий взгляд и опять закрыл глаза. Постепенно тело его расслабилось, и по его ровному дыханию она поняла, что он уснул.

Рия сидела не двигаясь. Каждый мускул ее ныл, а в затылке чувствовалась тупая боль. Так плохо и одиноко ей еще никогда не было. Неожиданно горячие слезы потекли из-под ее плотно сжатых век, и она захлюпала носом. Ну и влипла же я! Какой ужас! - подумала она и уткнулась лицом в спинку кресла.

Неожиданно перед ее носом появился огромный накрахмаленный белый платок. Димитриос осторожно повернул ее к себе лицом и неторопливо промокнул слезы.

- Assimienios, assimienios, - пробормотал он мягко. - Ну зачем же плакать?

Рия глубоко вздохнула, безуспешно пытаясь сдержать слезы, и через мгновение он привлек ее голову к себе на грудь.

Несмотря на унижение, она вдруг почувствовала себя очень уютно и безмятежно.

- Успокойся, малышка, закрой свои опасно красивые глазки.

Он произнес эти слова почти неслышно, и в них ей опять почудился едва сдерживаемый смех, но на этот раз ей было все равно. Она, как зачарованная, прислушивалась к ритмичному биению его сердца, наслаждаясь исходившей от него силой и нежностью.

- Бедный ребенок, совсем измучилась...

Голос его звучал необычайно успокаивающе, а от пиджака исходил терпкий запах одеколона и сигар. Ей вдруг неодолимо захотелось расстегнуть его рубашку и прижаться щекой к жестким черным волосам на груди. Она невольно содрогнулась и резко отстранилась, ругая себя на чем свет стоит. Щеки ее горели, она едва сдерживала дрожь. Если он и заметил ее волнение, то не подал виду - откинулся на спинку и закрыл глаза, совершенно спокойный.

- Ну и штучка, - пробормотал он. - А я все думал, на сколько же вас хватит с этой игрой в снежную королеву?

Да он просто издевается! Он прекрасно понял, какую имеет над ней власть, и вот теперь жестоко смеется над ней.

- Я вас ненавижу! - сквозь зубы процедила она, сжимая руки в кулаки.

- Почему? Не потому ли, что я запросто разгадываю все ваши хитрости?

- Он не открывал глаз, и его профиль казался высеченным из гранита. — Поверь мне, маленькая вероломная сирена, ты еще просто не доросла до взрослых игр. Что ж, пробуй на собственный страх и риск свои трюки на мне.

Она гордо откинула голову, но молчала, боясь выдать себя, хотя ей было очень больно оттого, что он плохо о ней думает. Только благодаря диаметрально противоположным характерам они с Поппи дружат столько лет. Ураган, который всегда приносила с собой Поппи, наполнял размеренную, замкнутую жизнь Рии радостью и страстью, которых ей так не хватало.

- На сколько дней вас отпустили?

Он опять говорил спокойно, словно желая поболтать. Изменчив, как хамелеон!

- Сколько будет нужно, - коротко ответила она, не в состоянии говорить так же спокойно.

- Да ну! У вас хорошие отношения с боссом.

- Что вы хотите этим сказать? - насторожилась она.

Димитриос открыл глаза.

- А что вы так переполошились? Совесть нечиста?

Он пытливо на нее посмотрел, и щеки ее порозовели.

- Он мой друг, вот и все, - холодно ответила она. - Просто друг. Она не будет обсуждать Джулиана с этим бесчувственным монстром. Когда Джулиан Брэнд брал ее на работу в качестве помощницы в свой небольшой, но процветающий бизнес, он покупал кота в мешке. Из всех претендентов, среди которых были люди значительно более квалифицированные и опытные, чем она, выбрал именно Рию, заметив блеск горячей надежды в ее глазах. Он знал, что на подиуме она чувствует себя не в своей тарелке. В манекенщицы Рия пошла за компанию с Поппи (они работали на конкурента Джулиана) и каждый раз тихо умирала под светом юпитеров от врожденной застенчивости.

- Три месяца, дорогая, - улыбнулся ей в тот день Джулиан. Этот женоподобный человек был блестящим фотографом и умным бизнесменом. - У тебя три месяца, ты должна показать, на что способна. Иначе я брошу тебя назад, на съедение волкам!

Он редко ошибался, не ошибся и на сей раз. По окончании трех месяцев он повысил ей зарплату вдвое, благословляя интуицию, подсказавшую ему остановить свой выбор на ней. В первые полгода она работала по шестнадцать часов в сутки и не пожалела ни об одной минуте. И очень скоро стала просто незаменимой. Там, где ей не хватало опыта, она компенсировала работоспособностью. Теперь же, по прошествии двух лет, дом моделей Брэнда пользовался отличной репутацией - его ценили как за качество работы, так и за надежность.

- Один из тех «друзей», с которыми вы так часто танцуете целые ночи напролет? - ворвался в ее воспоминания бас Димитриоса.

- Вполне возможно, - усмехнулась она, представив Джулиана танцующим всю ночь с женщиной. Время от времени она ужинала в ресторане со своим боссом и его другом Келвином, но в основном все вечера посвящала работе и частенько засиживалась до рассвета. Ей это даже нравилось. Романы были не в ее духе. Ни одному мужчине еще не удалось заставить ее кровь кипеть, и она даже стала подозревать, что Поппи права, когда говорит, что она фригидна. Но теперь, познакомившись с этим греком, она была уверена в обратном.

- Не думал, что такая молоденькая девушка может позволить себе снимать квартиру в Лондоне. - Димитриос поменял угол атаки. - Квартплата, видимо, просто разорительна.

- Я не плачу никакой квартплаты, - сказала Рия. - Это моя квартира.

Он резко выпрямился, перестав притворяться, что отдыхает.

- Так-так-так... А я-то боялся, что поставил вас в затруднительное положение на работе. - Под его взглядом кровь застыла у нее в жилах. - А Никое знал о вашем... бизнесе?

- Нет у меня никакого бизнеса, - невыразительно ответила она, опуская глаза. - Если уж вам так хочется знать, то деньги, на которые я ее купила, были мне завещаны, хотя я и не понимаю, почему должна вам все это объяснять.

- Объяснять? - прошипел он, и она чуть не подпрыгнула. - Не оскорбляйте мои мыслительные способности, мисс Квинтон. Моему племяннику такое объяснение вполне могло бы показаться правдоподобным, но я не наивный юноша, которого можно обвести вокруг пальца. С тех пор как умер отец Никоса, он находится под моей опекой. И мне бы не хотелось, чтоб он связывался с...

- С кем, с кем? – спросила Рия, так же рассерженно, как и он. Если бы они были не в самолете на высоте нескольких тысяч футов и не в окружении многих людей, он бы наверняка ее ударил.

- Я не сомневаюсь, что вы не хуже меня знаете, как называется эта профессия.

Его слова разорвали воздух, точно удар хлыстом.

Рия вся сжалась, – не зная, как быть. Не может же она объяснить ему, что дядюшка купил ей квартиру на деньги, которые удалось выручить за имение ее отца и которые находились под его попечительством до тех пор, пока она не достигла совершеннолетия! Она смотрела на него молча, лихорадочно размышляя. Он же с презрением отвернулся, плотно сжав губы.

- Невероятно, просто невероятно, – горько пробормотал он, приподнимаясь в кресле. – За таким прекрасным фасадом – и вдруг такая грязь. Я ошибся, вы уже вполне доросли до взрослых игр. – Он поднялся и направился было к выходу из салона, но вдруг вернулся и наклонился над ней. – Там, в Лондоне, вы заставили меня почувствовать себя развратником. В следующий раз вам это не удастся. Вы получите именно то, к чему привыкли, так что будьте поосторожней. Я не мальчик, которого можно водить за нос.

В его безжалостных глазах горели дьявольские огоньки, и Рия съежилась, а сердце у нее ушло в пятки.

Греческий аэропорт оказался маленьким, грязным и чрезвычайно душным. Влажный воздух, облепивший ее со всех сторон, едва они вышли на улицу, вонял маслом и дымом. Рия, как во сне, с трудом спустилась по крутой лестнице. Перед глазами у нее все плыло, и она дрожала, хотя после их последней стычки Димитриос вернулся в свое кресло окруженный сильным запахом виски и не произнес больше ни слова.

- Садитесь.

Она с опаской забралась в блестящий белый «феррари», припаркованный у дверей аэропорта. Черная обивка пахла натуральной кожей. Когда он запустил двигатель, Рия осторожно глянула в его напряженное лицо.

- Нам далеко ехать?

- Ровно столько, сколько нужно.

Он не собирался идти на примирение.

Небо почти сразу потемнело, превратившись в черное бархатное одеяло, на котором мерцали мириады маленьких звездочек, спокойных и мирных. Но внутри автомобиля атмосфера была грозовая. Проехав несколько миль по шоссе, Димитриос двинул свою мощную приземистую машину в сторону холмов, и они какое-то время упорно поднимались по узкой неровной дороге. Наконец он остановился на небольшой автомобильной стоянке и со вздохом откинулся на спинку сиденья, не снимая рук с рулевого колеса в кожаной оплетке. Рия бросила на него осторожный взгляд.

- Не смотрите на меня так, будто я сейчас проглочу вас живьем, – сказал он густым басом, и уголок его рта угрожающе дернулся. – Мне просто показалось, что вы хотите выпить.

Он открыл дверцу и помог ей выбраться из машины, слегка дотронувшись до ее руки. От этого прикосновения у нее тут же побежали мурашки по коже, напоминая ей, что надо быть начеку.

Небольшой дворик был совершенно пуст, если не считать малюсенькой разукрашенной голубятни и нескольких расставленных тут и там деревянных столов и скамей. Здесь было не так жарко. Димитриос вошел в арку и через несколько секунд появился с двумя высокими фужерами, в которых плавало много всяких фруктов и позвякивали кусочки льда.

- Как вы себя чувствуете?

Живые голубые глаза разом проглотили ее бледное лицо.

- Не знаю, - ответила она тупо, желая только одного - положить раскальвающуюся голову на деревянный стол и уснуть, вдыхая ароматный воздух. Он осторожно сел, стараясь не дотрагиваться до нее, и вытянул ноги под резным столом. Она неуверенно на него посмотрела.

- Вы боитесь меня. Почему? - медленно спросил Димитриос, перехватив ее взгляд. - Разговор в самолете? - Сильные твердые губы искривились в усмешке. - Сейчас, немного подумав, я решил, что, наверное, был излишне суров. Я не знаю, да и не хочу знать, где вы взяли деньги на квартиру, добавил он после секундного колебания и поднял руку, не давая ей возможности вставить хоть слово. - Как бы то ни было, я не думаю, что вы принадлежите к женщинам с плохой репутацией, так что давайте на этом закончим.

- А почему вы вдруг поняли, что я не... та, о ком вы говорили? - поинтересовалась Рия, твердо глядя ему в глаза.

- Скажем так, я знал немало женщин и вполне могу распознать куртизанку, - сухо объяснил Димитриос. - А вы явно к ним не относитесь.

Рия покраснела, вспомнив, как испугалась, когда он так беспардонно приставал к ней еще в ее квартире.

- Да и этого они делать не умеют, - мягко пробормотал он, слегка поглаживая пальцем ее раскрасневшуюся щеку.

От этого легкого прикосновения ее предательское тело вдруг содрогнулось, и она резко отстранилась. Он фыркнул.

- Oreos, oreos, - прошептал он медленно, рассматривая каждую черточку ее лица, и маленький дворик вдруг стал тревожно интимным.

- Что означает ваше «oreos»? - спросила Рия, делая вид, что с ней все в порядке, и нервно отпивая глоток коктейля, - надо было как-то нарушить эту атмосферу интимности.

- Oreos? Ну-ну, дорогая, я уверен, что вы уже слышали это слово, спокойно сказал Димитриос. И что-то вдруг изменилось. - Не поверю, чтобы Никое не говорил вам, как вы красивы и как манят эти мягкие серые глаза, а затем вдруг скрываются за ресницами, как за ширмой, и доводят человека до безумия. Как ваши губки...

- Прекратите, - умоляюще произнесла она дрожащим голосом. - Пожалуйста, Диметриос!

- Надо же, вы впервые назвали меня по имени, - мягко сказал он, как бы обволакивая ее лаской слов. - Не так уж трудно, а?

Его смуглое лицо казалось особенно красивым в полумраке южного дворика, белые зубы поблескивали в улыбке.

Она резко поднялась, нечаянно толкнув свой стакан – он упал на пол, покрытый брусчаткой, и с резким звоном разбился на тысячу мелких осколков. – Ой, извините! – воскликнула она, прижимаясь к побеленной стене таверны, еще хранившей дневной жар.

Димитриос спокойно подобрал ноги и встал, не сводя с нее насмешливых голубых глаз.

– Что это вы так заторопились, моя маленькая голубка? – вкрадчиво спросил он, приподняв ее подбородок так, что она вынуждена была посмотреть ему в лицо. Другой рукой он придерживал ее за спину. – Мне казалось, что вам доставляет удовольствие слышать, как вы нравитесь мужчинам, как запросто вы можете завоевать их бедные сердца.

Он говорил, а рука его неумолимо привлекала ее все ближе и ближе. В конце концов она оказалась прижатой к нему всем телом, чувствуя дурманящий запах его кожи.

– Или вы испытываете отвращение ко мне?

Она была как в тисках между стеной таверны и его мощным телом, и стоило ей пошевелиться, как объятие становилось еще теснее.

– Вы полны противоречий. Это что, часть игры? А эта застенчивая наивность – продуманный способ держать мужчину в напряжении? Должен вам заметить, что вы стоите на краю пропасти, но именно это меня и привлекает. Очень привлекает, – добавил он, проводя пальцем по ее подрагивающим губам.

– Пожалуйста, отпустите меня, – судорожно прошептала она, чувствуя, как кровь приливает к ее животу и ее заполняет такая нега, о которой раньше она и понятия не имела. Он глянул на нее сверху вниз, этот загадочный иностранец, и она вдруг почувствовала, что и в нем зарождается страсть, и у него перехватило дыхание.

Он медленно наклонился и ласково дотронулся губами до ее шеи и мочки уха. Легкая дрожь возбуждения прокатилась по ее телу, и каждая клеточка наполнилась жизнью. Она отчаянно пыталась удержать в руках свои чувства, подавляя в себе страсть, грозящую испепелить ее.

– Не надо, – слабо прошептала она, а сама инстинктивно прижалась к его телу.

Его руки гладили ее по спине именно там, где ей этого хотелось, притягивая и притягивая ее к себе в мягком ритме и постепенно преодолевая сопротивление. Он прижался к ее губам в глубоком обжигающем поцелуе, вытягивая из нее душу, и она приглушенно застонала. Боль в голове стала тупой, и Рия потеряла всякую способность думать. Она беспомощно дрожала в его руках, и все чувства в ней были обострены до крайности.

Она не сразу сообразила, что он отпустил ее и лишь слегка поддерживает ее дрожащее тело. Он поднял голову, насмешливо прищурился.

– Ммм, очень даже, – мягко сказал он, отступая на шаг и опуская руки вдоль тела, – но, пожалуй, опасно. – Он внимательно изучал ее, не выдавая ни одной своей мысли. – Бедняжка Никое!

Она тупо смотрела на него, слишком потрясенная, чтобы говорить, как бы со стороны видя, насколько хорошо он себя контролирует, – и это тогда, когда она сама едва держится на ногах!

– Хитрая маленькая распутница, – сказал он так, будто разговаривал с самим собой, не замечая ее. – Снежная королева тает и заставляет тебя думать, что все это только для тебя. Что ж,

умно, приходится признать. Он и не подозревал, что эти произнесенные полупшепотом слова вызвали в ней нестерпимую боль. Неужели он решил, что она ведет себя так с любым мужчиной? Когда эта мысль пробилась сквозь дурман, она всмотрелась в его глаза и разглядела там только лед, только циничное презрение. Он считал, что разгадал ее.

Она подошла к нему так тихо, что застала его врасплох. От пощечины, в которую она вложила всю свою силу, голова его резко дернулась. На какое-то мгновение ей показалось, что время остановилось и звук пощечины все еще вибрирует в напоенном ароматами воздухе. На него было просто смешно смотреть – такое у него было обескураженное выражение лица, но когда красный отпечаток от ее руки проступил у него на коже, она вдруг осознала, что натворила. Он был взбешен, и ей захотелось бежать как можно дальше от ненависти, загоревшейся в его глазах. Но она заставила себя стоять на месте, мужественно сжимая руки в кулаки и держась прямо, как тростинка.

- Все? – спросил он сквозь сжатые зубы, и она вдруг почувствовала себя совершенно опустошенной и ужасно одинокой.

- Вы это заслужили, – страстно произнесла она, и глаза ее наполнились слезами.

- Вы так думаете? – В его голосе прозвучало искреннее удивление, смешанное с неприкрытой злостью.

Он подошел к ней, взял ту руку, которой она нанесла ему пощечину, и раскрыл ее длинные пальцы на своей ладони. Затем медленно поднес к губам и поцеловал каждый пальчик, не сводя глаз с ее побелевшего лица.

Она смотрела на него молча, широко раскрытыми глазами, напуганная силой, исходившей от его ласки.

На его губах играла легкая суровая улыбка.

- Если вам когда-нибудь взбрдет в голову повторить это маленькое представление, я сделаю так, что вы пожалеете о том, что родились на этот свет.

От его бесстрастного голоса ей стало жутко. Она отдернула руку с легким испуганным возгласом:

- Я вас ненавижу!

- Вы мне уже говорили об этом. – Неожиданно его ледяные глаза засветились едва сдерживаемым гневом и еще чем-то таким, чего Рия не могла определить. – Что ж, прекрасно, продолжайте в том же духе.

Димитриос отвернулся и ушел в таверну. Однако уже через несколько секунд грубо схватил ее за руку и потащил к машине. Почти силой затолкал ее внутрь и захлопнул дверцу.

- Сидите тихо и не говорите ни слова. У меня нет желания с вами разговаривать, у меня нет желания на вас смотреть, – сказал он, садясь за руль. Греческий акцент вдруг снова появился у него.

Остаток пути они проделали в оглушительном молчании. Рия чувствовала себя совершенно разбитой. За последние сорок восемь часов она почти не спала, а тут еще эта стычка с Димитриосом и мучительные переживания за Поппи... От всего этого тело у нее ныло, голова

была как в огне.

Она сидела, съжившись, на своем сиденье до тех пор, пока Димитриос не свернул с основной дороги. Вскоре они миновали большие открытые ворота и по узкой, покрытой гравием дорожке подъехали к заасфальтированной площадке, за которой смутно проступали контуры Огромного белого дома. Как в тумане, она видела огни, осветившие автомобиль каким-то розовым светом, и темные фигуры, приближающиеся к ним, но когда попыталась выбраться из машины, дрожащие ноги подкосились и она погрузилась во тьму.

- Ну ладно, хватит представлений, - раздался у нее в ушах грубый голос Димитриоса, тянувшего ее за руку, но она не могла говорить, то теряя сознание, то приходя в себя, и в голове у нее мелькали обрывки каких-то видений.

Ей послышался женский голос, громко отдававший приказания на непонятном языке, потом почудилось, что к ее горящему лбу притронулась чья-то ласковая рука, потом ее куда-то понесли. Яркий свет давил на закрытые глаза, но очень скоро она оказалась в прохладной темноте. Шум и суета стихли, и ей было спокойно, как в мягком коконе.

Рия проснулась в большой светлой солнечной комнате. Ее разбудил лай, как ей показалось, сотни собак, раздававшийся где-то внизу. Легкий теплый ветерок шевелил прозрачную занавеску, а через огромное распахнутое окно в комнату текли пьянящие летние запахи. Она сонно повернула голову, с удивлением рассматривая странную комнату, и в голове у нее был какой-то сумбур.

- Вам лучше? - спросил ее низкий мягкий голос с едва заметным акцентом. - Не пугайтесь.

Рия повернулась в другую сторону - в большом кресле возле нее сидела пожилая женщина, которая тепло улыбнулась и взяла ее вялую руку.

- Где я?

Рия попыталась сесть, но от слабости тут же откинулась назад на мягкие подушки. Она смутно сознавала, что вся ее квартира меньше этой огромной, прекрасно обставленной спальни. Так вот какой дом у Димитриоса! В каждой мелочи ей чудилось его присутствие...

Внимание ее привлекла большая фарфоровая статуэтка стройной гречанки с цветами в длинных волосах. Она стояла возле открытого окна, и тонкое кружево, вздымаясь, нежно гладило матовую фигурку. Рия живо себе представила большие смуглые руки, нежно дотрагивавшиеся до ее тела.

- Добро пожаловать в наш дом, дорогая. Я так хотела с вами познакомиться, - ласково сказала женщина.

- Вы Кристина? - заикаясь, спросила Рия.

В доброй улыбающейся женщине, сидевшей подле нее, не было и грана злой агрессивности и гордой самонадеянности, столь характерных для ее горячего брата. Кристина кивнула, и ее нежные голубые глаза мягко заблестели - единственное живое пятно на ее бледном худом лице. Димитриос не преувеличивал - болезнь сильно истощила ее, избородив морщинами волевое, некогда красивое лицо.

- Вы переутомились, моя дорогая. - Кристина умело поправила под ней подушки. - Врач сказал, что лучшее лекарство для вас - это сон. И он, как всегда, оказался прав. - Сколько я

проспала? – слабо спросила Рия, вдруг заметив, что на ней ее тонкая ночная рубашка и что она лежит меж двух простыней в самой большой кровати, которую ей когда-либо приходилось видеть.

– Димитриос привез вас сюда почти тридцать шесть часов тому назад. Мягкий голос слегка звенел. – Не понимаю, как мой брат, обычно такой внимательный, на этот раз не обратил внимания на многочисленные симптомы нервного истощения? Что вы с собой сделали?

– Я слишком много работала, – сказала Рия, надеясь, что Кристина не будет вдаваться в подробности.

– Вы говорили Димитриосу, что плохо себя чувствуете?

Взгляд ее голубых глаз стал пронизательным, что насторожило Рию, впервые заметившую, как она похожа на своего брата. И в этот момент он сам открыл тяжелую дубовую дверь спальни, освободив Рию от необходимости отвечать на вопрос. Тут же страшный шум наполнил комнату – целая свора собак влетела и окружила ее кровать. Кристина протестующе встала.

Рия насчитала три йоркширских терьера, которые тут же умыли ее своими маленькими розовыми язычками, двух спаниелей, смешную собачонку неопределенной породы, которая ни на секунду не оставляла в покое присутствующих, и красивого рыжего сеттера, который грациозно уселся возле кровати и радушно положил лапу на край простыни. Две огромные английские овчарки по-королевски расположились прямо в центре спальни, не издав ни звука. За ними высилась фигура хозяина.

– Димитриос! Убери отсюда собак! – крикнула Кристина, перекрывая собачий лай. Ее неожиданно сильный для такого хрупкого тела голос тут же заставил собак замолчать.

Как только терьеры спрыгнули с постели, Рия подтянула простыню до самого подбородка, каждой порой чувствуя присутствие Димитриоса. Против воли она подняла на него глаза, и по спине у нее побежали мурашки от стального взгляда. О Боже, почему он так поразительно красив? – в замешательстве думала она. В этой светлой женской спальне он казался еще более мужественным, и паника овладела всем ее существом. Как он будет зол, когда узнает всю правду! А может, он уже знает?..

– Доброе утро. – Его глубокий голос был все таким же холодным, но немного озабоченным. – Вам лучше?

– Да, спасибо. – Рия заставила себя отвернуться, чувствуя почти физическую боль от его взгляда. – Простите, что доставила вам столько хлопот, – вымученно добавила она. – Я мало что помню из последнего дня.

– Да что вы? – Он вложил очень много смысла в эти слова. – Но, я надеюсь, вы помните, как мы ехали из аэропорта? Мы еще заезжали в таверну...

От неприкрытой издевки кровь бросилась ей в голову. Он намекал, как легко она ему поддалась и тем самым подтвердила все его сомнения. Ладонь, которой она дала ему пощечину, все еще горела, и, вспомнив, что осмелилась поднять руку на эту самодержавную глыбу льда, она съежилась от ужаса.

– Нет? Ничего не припоминаете? Странно, а тогда мне показалось, что вы хорошо себя чувствуете.

Он внимательно изучал ее лицо, читая ее мысли в огромных серых глазах. Она сгорала от стыда, но ему все это вдруг надоело.

- Ладно, забудьте, - медленно сказал он, когда она спрятала горящее лицо под дождем тяжелых серебристых волос. - Для меня это путешествие тоже не очень весело кончилось.

Из-под длинных ресниц Рия украдкой бросила на него взгляд. Как я могу так тебя ненавидеть и в то же время так к тебе тянуться? - с тоской подумала она, презирая себя за слабость. Но, может, он решил забыть о том поцелуе? Она не знала, что послужило причиной смены настроения, но была благодарна за эту короткую передышку в нескончаемом потоке колких намеков. Кристина переводила взгляд с нахмуренного лица брата на молодую девушку, лежавшую на огромной кровати, не понимая причины напряженных взаимоотношений между ними.

В приоткрытую дверь робко постучали, и в спальню вошла маленькая старушка с огромным подносом, на котором были горячие булочки, несколько видов варенья, апельсиновый напиток и кофе.

- Это наша служанка Роза.

Поставив поднос на столик, старушка кротко улыбнулась Рии и заторопилась прочь, как напуганный мышонок.

- Она боится Димитриоса, - извиняющимся тоном объяснила Кристина, и за ее спиной Рия перехватила язвительную ухмылку ее брата. Насмешливо отсалютовав, он резко развернулся и щелкнул пальцами собакам, которые немедленно последовали за ним.

- Странно, - произнесла Рия, уже не страшась того, что все греки будут действовать на ее нервную систему столь же разрушительно.

Кристина, направляясь к двери за братом и тяжело опираясь на резную палку черного дерева, бросила на нее еще один пронзительный взгляд.

- Я вернусь позже, дорогая, - любезно сказала она, медленно выходя из комнаты. - Пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Мы же, со своей стороны, сделаем все, чтобы вам у нас понравилось.

Димитриос задержался в дверях, пропустил сестру и, дождавшись, когда шаги ее стихнут, быстро вернулся в спальню и подхватил полный яств поднос. При его приближении Рия глубже закуталась в простыню, а он ухмыльнулся, довольно поблескивая голубыми глазами, и поставил поднос ей на колени.

- Ну вот, ты на моей территории, маленькая английская роза, - произнес он надменно. - Здесь ты будешь играть по моим правилам. Если будешь пайнкой, то тебе действительно понравится в нашей прекрасной стране, но если...

Он не закончил, пожав плечами, и глаза его сузились.

Рия смотрела на него в ужасе.

- Я могу быть добрым и внимательным хозяином, - насмешливо бросил он через плечо, выходя из комнаты, - и я уверен, что где-то в глубине этого маленького кошачьего умишка живет тоска по твердой руке, желание быть завоеванной. Кто знает?

Его огромное, сильное тело загоразживало собой весь проем. Дула глаз были наставлены на ее белое лицо.

- Мне кажется, я могу обеспечить тебе интересное времяпрепровождение в Греции, каков бы ни оказался исход.

Он неторопливо раздвинул губы в улыбке и с преувеличенной осторожностью закрыл за собой дверь.

Она дрожала всем телом, чувствуя, что нечаянно забрела в логово царя зверей.

Глава 3

Оставшись одна, Рия, к своему удивлению, обнаружила, что страшно голодна, и мигом опустошила поднос. Лишь после этого она поднялась и решила осмотреться. Прошла босиком по толстому мягкому ковру к боковой двери, а за ней обнаружила прекрасно оборудованную ванную и гардеробную, где в огромном встроенном шкафу одиноко висели ее немногочисленные пожитки.

Подойдя к окну, она отодвинула тюль и вышла на балкончик. От восхищения у нее даже перехватило дыхание - перед ней открылся сказочный рай. Дом стоял на вершине одной из двух пологих гор, вдававшихся в море и образующих живописный залив, что спал под лучами жаркого солнца. Вдали ослепительно белели домики, прилепившиеся к склонам соседней горы. Бирюзовое море сливалось на горизонте с таким же небом. Снизу, от залива, серпантинном поднималась в гору дорога, по которой трусил навьюченный ослик - прямо как несколько веков тому назад.

- Невероятно, - тихо пробормотала она, босыми ногами впитывая тепло мраморного пола. Перегнувшись через старинные каменные перила, она увидела внизу многоярусный сад, в котором бушевали сочные краски: благоухающие экзотические цветы и фруктовые деревья боролись за пальму первенства. Под тенистыми деревьями тут и там стояли деревянные столы и стулья, а прямо под ней несколько ленивых кошек самых разных пород и расцветок сонно нежились на кафельном полу веранды.

- Вы прекрасно выглядите!

Едва услышав его голос, она сообразила, что почти не одета, и отпрянула назад, а от каменной стены, окружавшей сад, вслед ей раздался пренебрежительный смешок. Она бросилась в спальню, обожженная презрением, прозвучавшим в голосе Димитриоса. Все, что бы она ни делала, как назло, подтверждало его и без того невысокое мнение о ней.

Стоя под душем, растворившим остатки сна, она вспомнила отчаяние, прозвучавшее в голосе Поппи, когда они говорили по телефону в Лондоне. Что бы ни произошло между ее кухней и племянником Димитриоса, это, скорее всего, не мимолетный роман... И тут только она сообразила, что ни разу не произнесла имени Никоса в присутствии Кристины. Да, не очень-то она похожа на влюбленную невесту.

- Нет, у меня ничего не получится, - уныло пробормотала она, обращаясь к кафельной стене ванной.

Помыв голову необыкновенно душистым шампунем, стоявшим на полочке, Рия завернулась в большое махровое полотенце и вышла на балкон. Села в шезлонг, подставила лицо солнцу и распустила серебряную пряжу волос по плечам, чтобы они просохли.

Горячий неподвижный воздух был напоен сотнями ароматов. Она закрыла глаза, расслабляясь в этом маленьком безопасном оазисе посреди враждебного мира.

...Позади замаячила угрожающая, неумолимая, холодная тень. Только не смотреть на нее! Бежать без оглядки! Но ноги не подчинялись ей – это гнусное чудовище имело над ней какую-то странную власть. Вот-вот тень догонит ее, чудовище уже протягивает к ней свои лапы... Рия проснулась, обливаясь потом. Кошмар был настолько ощутимым, что она даже вскрикнула от ужаса, когда вдруг заметила рядом с собой какую-то темную фигуру.

- Успокойтесь, - сказал Димитриос. - Просто вам приснился плохой сон.

Все в порядке.

Рия изумленно взглянула в его глаза, и за секунду до того, как он вновь надел на себя обычную циничную маску, разглядела в них какое-то странное выражение. Этот взгляд напугал ее больше, чем кошмар; она увидела неприкрытое желание и еще что-то такое, чего ни разу не видела в лицах других людей, - горькую неизбывную тоску.

- Вы всегда выставляете себя напоказ, когда принимаете воздушные ванны?

Небрежно прислонившись к косяку балконной двери, он не отрывал взгляда от залива. Окончательно освободившись от кошмара, Рия встала, пошатываясь и тщательно кутаясь в полотенце.

- Я никому себя не выставляла. Кстати, здесь никого и нет, - с вызовом бросила она в его широкую спину. Он резко обернулся с горящим взглядом.

- А я? Я что, плод вашего воображения? - язвительно спросил он, медленно оглядывая ее с ног до головы. Ей стало не по себе, будто она стояла перед ним нагая. Щеки ее зарделись.

- Вы не в счет! - бросила она сердито, заведенная его самонадеянностью, и с удовольствием отметила, что насмешливое выражение на мгновение слетело с его лица. Он медленно двинулся к ней.

- Так, значит, я не в счет? - Голос его был подозрительно мягок. Может, проверим?

Она попыталась проскользнуть мимо, но было уже поздно. Он схватил ее за тонкие запястья так крепко, что, видимо, у нее останутся синяки. Она попыталась вывернуться, но полотенце вдруг стало соскальзывать с нее, и она тут же прекратила всякое сопротивление, горько сожалея о своих словах и страшась пробужденной ими холодной злобы. Он возвышался над ней, как башня, закрывая широченными плечами солнце, и лицо у него было мрачнее тучи.

- Я уже предупреждал вас, чтобы вы не выпускали коготки, - хмуро произнес он, слегка встряхнув ее за плечи.

- Мне больно, - едва слышно прошептала Рия, уже не владея собой от его близости. Полотенце скользнуло еще ниже, и теперь ее обнаженная грудь касалась его рубашки. По телу у нее пробежал ток.

- Пожалуйста, Димитриос...

- Вы же сами этого хотели, разве не так? Вы же знали, что я приду. —Голос у него был густым и обвиняющим. - Я уже предупреждал вас, что со мной шутки плохи.

Полотенце опять заскользило вниз, задержавшись только на бедрах. Она физически ощущала, как его взгляд скользит по каждому изгибу ее тела.

Он резко отодвинулся, все еще не выпуская ее запястий, и развел ее руки в стороны. Она стояла почти совсем нагая, беззащитная под его взглядом.

- Посмотрим, что нам предлагают...

Рия почувствовала себя настолько униженной, что предпочла бы тут же умереть, чем так стоять перед ним. Она ничего не видела от ужаса и позора. Наконец Димитриос заметил это, и выражение его лица резко изменилось.

- Да что с тобой, в самом-то деле!

Он выругался вполголоса, вновь резко привлек ее к себе и набросил полотенце на ее вздрогнувшие плечи.

Они простояли неподвижно несколько секунд, и она слышала его судорожное дыхание и бешеный стук сердца.

- Вы заставляете меня чувствовать себя животным, - пробормотал он ей в растрепанные волосы. Конвульсивно дернувшись, Рия вывернулась из его объятий.

- Я ничего такого не сделала. Это вы, все время вы! - всхлипывая, простонала она. - Почему вы не оставите меня в покое? - На лице у нее появилось какое-то дикое выражение. - И в моем кошмаре виноваты тоже вы! Под его удивленным взглядом она опустила в горячий шезлонг, кутаясь в полотенце.

- Вообще-то мне уже следовало бы знать, как ведут себя женщины в подобной ситуации, но вы сбили меня с толку, - медленно произнес он. И с такой силой ухватился за перила, что костяшки его пальцев побелели. —Каким это образом я виноват в вашем кошмаре?

- Я не видела его уже несколько лет, - дрогнувшим голосом объяснила Рия, но, сообразив, что опасность еще не миновала, решила, что чем меньше она будет говорить, тем лучше.

- Вы часто видите этот кошмар? - спросил Димитриос, не сводя с нее пронизательного взгляда. - Откуда он взялся? Молодая девушка не может без причины видеть все время один и тот же кошмарный сон.

Рия с трудом отвела взгляд от его гипнотизирующих глаз и наклонилась вперед, пряча лицо за опустившейся ширмой серебристых волос.

- Причина была, - согласилась она осторожно и, встав, положила конец разговору, собираясь уйти в спальню.

Но резкий голос Димитриоса разрезал воздух, как нож.

- Сядьте, пожалуйста. Давайте поговорим. - Не могу.

Чувствуя, что больше не выдержит, и понимая собственную уязвимость, Рия нервно ухватила пальцами за спинку шезлонга. Как объяснить ему, что после трагической смерти родителей этот сон преследовал ее годами? Ведь Димитриос думает, что ее отец жив. - Пожалуйста, Димитриос, я действительно не могу.

- Нет, можете. Я намерен выяснить, что заставляет вас дрожать. У меня такое впечатление, что у вас раздвоение личности, и я хочу знать, почему, - безжалостно закончил он.

- Мне надо в тень. Солнце сильно жжет, и у меня начинает кружиться голова. - Димитриос посмотрел на ее покрасневшие плечи, и под его взглядом ее передернуло, как на морозе, несмотря на то что солнце обжигало ее. - Прошу вас!

Он долгим взглядом обвел ее обеспокоенное лицо и, взяв за руку, отвел в прохладную спальню, в слабый аромат свежих цветов, стоявших в изящной вазе.

- Совсем забыл, что у англичан тонкая кожа, а вы к тому же еще не совсем поправились. Отдохните после ленча. Роза принесет его вам сюда. А потом спускайтесь к нам, обед в восемь. - Он медленно подошел к двери и, уже поворачивая ручку, обернулся. - Больше вам не удастся так легко отделаться от моих вопросов, леди. Мне нужны кое-какие ответы, и чем быстрее, тем лучше. Я нетерпелив. Под его испытующим взглядом она опустила глаза и отвернулась, нервно скользя пальцами по гладкому фарфору грациозной статуэтки.

- Похоже, это вы позировали для этой статуэтки. - (Пораженная, она подняла на него глаза, заметив в голубых глубинах какой-то потаенный огонь.) - Белокожая недотрога или жестокая распутница? Да, да, очень даже скоро нас с вами ждет серьезный разговор.

Произнеся эти слова, он осторожно закрыл за собой дверь, оставив ее одну, дрожащую и потрясенную. В его последних словах прозвучала явная угроза.

После легкого, но восхитительного ленча - холодного мяса с салатом и лимонного мусса со взбитыми сливками Рия, слишком возбужденная, чтобы заснуть, решила пойти осмотреться. Она надела длинную юбку в цветочек, простую белую блузку и зачесала свои позолоченного серебра волосы в «конский хвост». И никакой косметики.

Размеры виллы ошеломили ее. Великолепная полированная лестница спускалась двумя полукольцами от залитой солнцем веранды в огромный зал, занимавший почти весь первый этаж дома. Вдоль белой стены стояли вазы в рост человека, с чудесной росписью, и в каждой было какое-нибудь необычное растение, так что вся стена утопала в зелени, покачивающейся под дуновением ветерка, залетавшего сюда через открытые окна.

Огромные застекленные двери вывели ее в сад. Кошки все еще нежились на полуденном солнце и при ее приближении лениво шевелили хвостами.

- Я так и думал, что вы не последуете моему совету и откажетесь от сестры.

Выйдя на солнце, она увидела Димитриоса, который в одних легких шортах лежал в тени апельсинового дерева, а вокруг него стелился целый ковер из собак.

Она замерла в дверях, пораженная его мощным, сильным телом. Грудь и живот его были покрыты курчавыми черными волосами, единственным белым пятном на его бронзовой коже был неровный шрам.

- Напоминание о буйной юности, - коротко объяснил он, заметив ее взгляд. - Некая леди забыла предупредить меня, что замужем, и вспомнила об этом, только когда объявился ее муж с двенадцатифутовым ножом.

Рия смотрела на него как зачарованная. Тяжелые веки его насмешливо дрогнули.

- Боюсь, я порядочный грешник, - пошутил он. - Два сапога пара, вам не кажется?

Кровь бросилась ей в лицо, и она поторопилась отвести от него взгляд, случайно наступив на спящую кошку. До каких пор она будет принимать его слова так близко к сердцу?

Димитриос поднялся и пригласил ее к столу, на котором стояли бутылка шипучего вина и два хрустальных бокала.

- Два бокала? - удивилась она, оглядываясь по сторонам. Он улыбнулся, обнажив крепкие белоснежные зубы.

- Я не сомневался, что рано или поздно вы спуститесь. Я уже говорил вам.

Он налил ей кипящего вина и, подавая бокал, случайно коснулся ее пальцами. Она отдернула руку, лицо его напряглось.

- Не беспокойтесь, я не собираюсь насиловать вас здесь, в моем саду, - раздраженно сказал он, разваливаясь на стуле и закрывая глаза.

- Знаю, - сказала Рия, хотя никак не могла забыть то унижение, что пережила этим утром. Нервно откашлявшись, она тут же добавила: - Извините.

Те девять месяцев, что она проработала манекенщицей в Лондоне, были для нее очень трудными. Но тогда, позируя в купальниках и в декольтированных вечерних платьях, она делала это по необходимости. Да и появлялась она перед совершенно не знакомыми ей людьми. Она всю жизнь будет благодарна Джулиану за то, что он вытащил ее из этого ада. Неприкрытая похоть, горевшая в глазах мужчин, заставляла ее уходить все глубже и глубже в себя. Именно поэтому она как за соломинку ухватилась за Джулиана - дружба с ним ни к чему ее не обязывала.

Она искоса глянула на Димитриоса, раздосадованная впечатлением, которое произвело на нее его тело, - а она-то думала, что у нее иммунитет против мужчин.

- У вас прекрасный дом, - начала было она, радуясь тому, что голос ее звучит почти спокойно.

- Да, к счастью, это действительно так, - согласился он, открывая глаза и всматриваясь в робкий блеск ее глаз. - Если бы я не был уверен в этом, то подумал бы, что вы просто не привыкли находиться в компании полуобнаженных мужчин.

Она едва не подпрыгнула от очередной колкости и опять покраснела. Димитриос протянул большую загорелую руку и погладил ее разгоряченную щеку.

- Мне это нравится, - сказал он одобрительно, на мгновение сбросив с себя обычную ироническую маску. - Я и не знал, что женщины еще умеют краснеть.

Рия смотрела на него молча, в полном замешательстве, злясь больше на себя и на свою неуклюжесть, нежели на его колкости. Она резко дернула головой, и волосы ее взвились.

- Это что, часть вашего имиджа? - Лицо у него опять стало холодным, а глаза сузились, хотя он и продолжал терзать ее волосы.

- Не понимаю, о чем вы.

- Ну да, вам и невдомек, что с такой прической вы выглядите пятнадцатилетней девчонкой, -

сказал он уничтожающе. – Невинность и непорочность?

– Я завязала их, потому что так прохладнее, – объяснила она, сердясь на то, что он придирается даже к прическе. – А кто вы такой, чтобы ставить под сомнение мою порядочность?! – И тут же поняла, что дала ему еще один повод для оскорблений.

Он ответил не сразу. Отпив вина, наклонился вперед и посмотрел ей прямо в глаза.

– Поппи, Никое был очень расстроен, когда в последний раз приезжал домой. Он мне рассказывал... вещи, которые в нормальном состоянии никогда бы не рассказал.

– Да? – уныло спросила она, понимая, что ей не понравится то, что она сейчас услышит.

Он раздраженно вздохнул.

– Ну зачем вы все так усложняете? Неужели вы хотите, чтобы я облачил все это в слова? Может, освободите меня от подобной неприятной задачи? Тон был оскорбителен, и ее хрупкие плечи напряглись, но посмотреть ему в глаза она не отважилась. Не дай Бог, он что-нибудь заподозрит.

– Так что же он рассказывал?

Димитриос едва слышно чертыхнулся.

– С чего это мы перешли на такие темы?

– Что он вам рассказал? – настаивала она.

– Послушайте, он был в стрессовом состоянии, – заявил Димитриос, явно не желая продолжать этот разговор. – Он говорил, что вы спали вместе, и, хотя для него это было впервые, вам достало смелости сознаться, что у вас до этого были мужчины.

Слова падали на сердце Рии, как маленькие льдинки.

– Зачем вам понадобилось говорить ему, что других вы не любили, что он – ваша единственная любовь? – резко спросил Димитриос. – Он был без ума от вас и все принимал за чистую монету. Зачем вы согласились выйти за него, если с самого начала знали, что все это фарс? – В голосе его было столько чувства, что Рия непроизвольно подняла на него глаза и съежилась от ненависти, которая готова была испепелить ее. – Вы сломали его, Поппи, и только Богу известно, где он сейчас.

– Так его здесь нет?

– Конечно, его здесь нет. Неужели вы думаете, что, если бы он был здесь, мы сидели бы сейчас вот так?

– Я не знала, – тихо прошептала она.

– А вы и не спрашивали, – продолжал обвинять он. – Я с самого утра жду, когда же вы о нем спросите. А вы даже ни разу не произнесли его имени.

– Он не сказал, куда отправился? – глухо спросила она, чувствуя, что больше не вынесет. Придется рассказывать правду. Все как-то стало сразу разваливаться.

- Прямо перед моим отъездом в Англию ему кто-то позвонил, и он тут же уехал, оставив у Розы записку для матери, что, мол, у него какое-то очень деликатное дело.

- Вы ему не верите? - нервно спросила Рия, чувствуя, что Димитриос колеблется.

- Я и верю, и не верю ему, - холодно ответил он. - Вообще-то мой племянник не имеет привычки лгать. Так что я не сомневаюсь, что у него есть веские основания для такого поведения. Но когда он вернется, его будет здесь ждать сюрприз - вы.

- А вы не думаете, что он способен совершить какую-нибудь глупость? спросила Рия дрогнувшим голосом.

- Уже совершил одну, связавшись с вами, - отрезал Димитриос. - Хуже этого он ничего не сделает. Никое - грек.

Он считал, что этим все сказано.

- А Никое знал, что вы поехали за мной? - медленно спросила Рия, начиная что-то подозревать.

- Я бы не сказал. - Димитриос прищурил глаза. - Я глава дома, и все его обитатели на моей совести. Племянник мой еще молод и слишком впечатлителен. Мне пришлось быть с ним потверже, чтобы не расстроить Кристину. - Никое не просил, чтобы вы меня привезли?

- Я привез вас. - В голосе его зазвучали металлические нотки, и Рия сочла за благо быть поосторожней с вопросами. - Этого уже достаточно. Застав вас здесь, в своем доме, Никое поймет всю бессмысленность продолжения... дружбы с вами, а через несколько недель я увезу Кристину в длительный круиз, чтобы она восстановила силы. Когда мы вернемся, вас уже здесь не будет, а Никое известит мать, что вы мирно расстались.

Рия вдруг рассмеялась. Его холодная наглость начинала действовать ей на нервы.

- Минутку, - вставила она, напрягаясь всем телом. - А кто вам дал право строить все эти планы и судить, что лучше для всех нас?

- Не для всех, - спокойно ответил он. - Только для моих родственников. Вы для меня не имеете никакого значения.

Он сказал это так спокойно, что ей стало невыносимо больно. Димитриос смотрел на нее с полным безразличием, совершенно спокойно. Но ей вдруг показалось, что это спокойствие внешнее, на самом же деле он напряжен, как леопард, готовящийся к прыжку.

Ею вдруг овладело непреодолимое желание бросить вызов его холодной самонадеянности, и она медленно поднялась с каменным лицом.

- Великий и просвещенный Димитриос, - хмуро произнесла она, - праведный, совершенный, стоящий выше всех нас, простых смертных. Знаете что? Мне вас жаль, это правда. Вы просто высушенная раковина.

- Прекратите.

Рия не услышала ультиматума в его приглушенном голосе.

- Вы не сомневайтесь, что всегда правы! Мне от вас тошно. Никое тот, по крайней мере, еще способен любить, а это больше того, на что способны вы. Вам незнакомы человеческие чувства.

И вы наверняка никого не любили в своей жизни...

Он вскочил и прервал ее на полуслове. Притянул к себе и закрыл ей рот, запрокинув ее голову так, что шейные позвонки затрещали.

- Замолчи! - прорычал он сквозь стиснутые зубы. Лицо его было сплошной маской ярости. - Не тебе меня критиковать! Чтобы гулящая женщина говорила мне о любви?! Тебе просто повезло, что Кристина отдыхает, а то бы я избил тебя до полусмерти.

Она извивалась всем телом, и он освободил ей рот, глядя на нее сверху вниз полными злости глазами.

- Зря я тебя сюда привез. Только лишние проблемы.

- Я и не хотела ехать, - бросила она пылко, дрожа в его руках.

- Но раз уж ты здесь, - тихо сказал он, и что-то в его лице изменилось, - мы используем ситуацию на сто процентов. На нем опять была его холодная броня, а на лице - циничная маска.

- Вы достаточно опытны, чтобы понимать, как вы на меня действуете... - Он говорил с хрипотцой, и она почувствовала волнение его плоти. - Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Это просто похоть, извечная и самая обыкновенная похоть, дорогая. Я хочу твоего тела, только тела, не больше и не меньше. - Он ухмыльнулся. - Для мужчины не составляет проблемы воспользоваться женщиной, не переставая презирать ее.

Ноги у Рии подкашивались. Ей было страшно от его близости. Об этой стороне жизни она почти ничего не знала, а его мужественность была покоряющей.

- Женщины вашего типа мне противны, но я вынужден признать, что вы несколько выбиваетесь из общей схемы. - Он все плотнее прижимал ее к себе, и голос его становился вкрадчивым, а когда она попыталась вывернуться, он опять ухмыльнулся. - Будьте осмотрительны. - И вдруг отпустил ее.

Он ушел, не произнеся больше ни слова. Рия еще долго сидела под деревьями в компании с кошками и собаками, чье ненавязчивое присутствие помогало зализывать нанесенные им раны. Маленькие нефритово-зеленые ящерицы выползали временами из трещины в замшелой каменной стене взглянуть на незваную гостью, посмевающую нарушить их покой, и тут же прятались назад. Высоко в знойном небе монотонно гудел самолет, собаки спали, уткнувшись носами в землю. Веки ее отяжелели, и она задремала. А когда проснулась, в саду уже сгущались сумерки и маленькие пташки шумно устраивались на ночлег высоко в деревьях. Сон успокоил и освежил ее, мысли прояснились.

- Надо сказать ему всю правду, - прошептала она в темноту, чувствуя острую боль в сердце. - Надо уезжать отсюда.

Но не попыталась понять, почему.

Позже, когда она уже закаливала макияж, готовясь к обеду, в дверь тихо постучали. Сердце у нее бешено забилося.

- Войдите.

К счастью, в дверях показалось доброе лицо Кристины, и, сутулясь, она подошла к мраморному столику, за которым сидела Рия.

- Простите, я не очень хорошая хозяйка, дорогая. - В мягком голосе звучало извинение. - Боюсь, что это тот случай, когда душа желает, а тело не может.

- Все в порядке, - тепло ответила Рия, подхватила легкое кресло, стоявшее около кровати, и предложила Кристине сесть. - Не беспокойтесь обо мне.

- Надеюсь, Димитриос заботится о вас? - Тон у нее был легкий, но внимательные голубые глаза не оставляли лица Рии и не упустили предательскую краску, залившую ей щеки.

Девушка не ответила, и Кристина наклонилась вперед. Лицо у нее было серьезным.

- Дорогая, я чувствую, что обязана рассказать вам кое-что о нашей семье, чтобы избежать недопонимания. Обычно я этого не делаю и прошу у вас терпения, если мои объяснения будут несколько путаны.

- Ну что вы, в этом нет никакой необходимости... - начала было Рия, но Кристина сделала ей знак замолчать и горестно опустила голову.

- Сейчас вы все поймете. - Она откинулась в кресле, дыхание ее было затруднено. - Я не могла не заметить, что у вас напряженные отношения с моим братом, Поппи. Боюсь, он относится к вам несколько враждебно.

Рия посмотрела на нее с опаской - что еще увидели эти пронизательные глаза?

- Чтобы понять Димитриоса и - как это говорят в Англии? - понять, что заставляет его суетиться, - она коротко улыбнулась, - надо вернуться на несколько лет назад. Наша мать - англичанка. Вы, вероятно, уже заметили, что мы так же свободно говорим по-английски, как и по-гречески.

Рия кивнула, про себя отметив, что это объясняет и голубые глаза.

- Мать умерла при родах Димитриоса. Я тогда только что вышла замуж, мне было двадцать лет. После меня у матери было несколько выкидышей и другие осложнения, но отец требовал сына. Наш отец был очень властным человеком. Он нанял Димитриосу кормилицу, но мальчик все время болел. А когда отец погиб в автомобильной катастрофе, Димитриосу было всего девять месяцев от роду. Мы с мужем взяли его к себе и воспитывали его, как нашего собственного ребенка. По закону мой брат унаследовал дом отца, и мы продали наш и переехали сюда. Мой муж был хороший, добрый человек. Кристина замолчала, теребя золотой браслет на левой руке.

- В течение многих лет у нас не было детей, и все шло к тому, что Димитриос останется нашим единственным ребенком - я унаследовала болезни матери, вы понимаете? Но когда Димитриосу было уже пятнадцать, у нас родился Никое. Ах, какие это были годы!

Ее худощавое лицо осветилось давними воспоминаниями, и Рии показалось, что она вновь видит молодую Кристину, счастливую, живущую полнокровной жизнью.

- У моей матери в Англии осталась младшая сестра, у которой была дочь того же возраста, что и Димитриос. Когда Никосу исполнилось семь лет, они вдруг приехали к нам погостить на лето. Она очень хорошо поладила с Димитриосом. - Голос у Кристины дрогнул. - Я буду всю

жизнь клясть себя за то, что не сразу поняла, насколько хорошо. Андреас и я, мы были целиком поглощены нашими семейными делами – Никое в это время требовал много внимания. Но мне следовало бы присмотреться к тому, что происходит у нас в доме. Как-то вечером мы с Андреасом вернулись домой раньше обычного и вдруг увидели... Как бы это получше сказать? Они были словно муж и жена. Рии стало плохо, будто кто-то нанес ей сильный удар в живот. Впервые в жизни она испытала ослепляющую, горячую ревность. Что со мной происходит? – с ужасом подумала она. Ясно же, что у него было много женщин. Очень много, он сам мне об этом говорил. И нечего о нем думать! Но какой-то тайный голос не давал ей покоя, не позволял ей дольше дурачить себя. Ты любишь его, шептал он, ты любишь его...

– Это оказалось настоящим шоком для моего мужа, – продолжала Кристина, не заметив состояния Рии. – Подобное не должно случаться до замужества. Моя кузина, да еще и гостья, находившаяся на нашем попечении! Для Андреаса это стало глубоким потрясением.

Кристина замолчала, провела рукой по губам. Рассказ ей давался нелегко.

– Димитриос был сильно влюблен в Каролину и тут же попросил ее руки.

– (Внутри у Рии все оборвалось.) – Но она посмотрела на него и рассмеялась. Она смеялась над ним в нашем присутствии. – Кристина даже поморщилась от неприятных воспоминаний. – Она заявила, что уже обручена в Англии с молодым человеком из своего университета. Димитриос же был для нее лишь приятным летним развлечением.

Она повернулась к Рии и сжала ее руку.

– Постарайтесь понять: в Греции девушки не вступают с мужчиной в такие отношения до замужества. Так себя ведут только женщины определенного рода. Для Димитриоса было загадкой, как Каролина, девушка из хорошей семьи, могла себя так вести. Он считал, что она испытывает к нему такие же чувства, что и он к ней. Он был очень молод и наивен.

Рия глубоко вздохнула. К чему, собственно, она все это ей рассказывает?

– Мы со скандалом отправили Каролину домой. Через три дня у мужа случился обширный инфаркт, и он умер у меня на руках. – Глазами, полными боли, она посмотрела на Рию. – Димитриос страшно казнил себя за это. Возможно, он казнит себя, и сейчас. Вскрытие показало, что болезнь началась уже много лет назад, но Димитриос по-прежнему винил себя. Он считал, что Андреас умер именно из-за истории с Каролиной.

Кристина медленно встала, тяжело опираясь на мраморный туалетный столик.

– Все дело в том, Поппи, что вы как две капли воды похожи на Каролину.

У Рии глаза расширились от ужаса.

– У нее волосы столь же необычного цвета, как у вас, и такая же стройная фигурка. Вот только глаза голубые, а не серые, и она чуть выше, но вас вполне можно принять за ее сестру. Когда я вас увидела в первый раз, мне даже стало нехорошо.

Так вот в чем дело! У нее нет никаких шансов. С самой первой минуты он винит ее за свою старую трагедию. Он смотрит на нее, а видит Каролину, и то, как Поппи обошлась с Никосом, только подлило масла в огонь.

– Постарайтесь понять его, – умоляюще сказала Кристина, заметив ее "бледность". – Мне бы не

хотелось, чтобы это повлияло на отношения между вами и моим сыном. Я уверена, когда Димитриос узнает вас поближе, он поймет, что у вас с Каролиной нет ничего общего. Просто сейчас ему еще трудновато. Он вообще все очень остро переживает.

- Понимаю. - Рия, пораженная, осмысливала только что услышанное. Кристина Легонько потрепала ее по плечу, и Рия чуть было не рассказала ей всю правду. Но какой-то непонятный страх удержал ее. Стоит только Димитриосу понять, что его обманули, во второй раз выставили на посмешище, как все его подозрения получают самое реальное подтверждение. Если уж он ненавидит ее сейчас, то что будет тогда? Она съежилась. Надо бежать отсюда, пока он ничего не знает...

Кристина вышла, осторожно закрыв за собой дверь.

- Но ведь я люблю его, - пробормотала Рия в пустоту. - Как я могу любить человека, который меня ненавидит?

Ответа не было. Она села и уставилась на свое отражение в зеркале, всем сердцем сожалея, что не родилась уродиной. Слезы ручьями текли у нее по щекам.

Глава 4

Обед прошел в напряженной обстановке. Они сидели втроем за огромным полированным столом, и каждый думал о своем. Рия едва притронулась к еде из страха подавиться.

- Вы случайно не на диете? - осуждающе спросил Димитриос. - Я слышал, что манекенщицы держат себя в черном теле, но если вы будете так продолжать, то просто сойдете на нет.

Он бросил пренебрежительный взгляд на ее точеные плечики.

- Димитриос! - воскликнула Кристина, перехватив его взгляд и заметив, как Рия покраснела.

- Нет, я просто не голодна, - поторопилась разрядить обстановку Рия.

- Все очень вкусно.

Она сказала правду. Роза была прекрасной кулинаркой. После фруктов под винно-медовым соусом она принесла великолепное блюдо из риса и сочных креветок и чесночный хлеб. Затем настал черед зеленого салата с маленькими картофельными шариками и тонко нарезанных ломтиков телятины в сливочном соусе.

Заметив на себе обиженный взгляд служанки, Рия заставила себя съесть кусочек липкого медового пудинга с орехами и запила глотком красного ароматного вина.

- Кофе мы будем пить в саду, Роза, - распорядилась Кристина после обеда, поднялась с помощью Димитриоса на ноги и медленно вышла в благоухающую темноту, тяжело опираясь на руку брата. Рия неуверенно последовала за ними. Димитриос с нежностью усадил Кристину в кресло и укрыл ей колени легким ковриком. Лицо его осветилось любовью. Вдруг она поняла, что не выдержит дольше этого испытания вежливым разговором под его враждебным взглядом.

- Вы не будете возражать, если я сегодня пораньше лягу? - спросила она у Кристины. - У меня что-то голова побаливает.

Она не погрешила против истины. После всего, что произошло за этот день, кровь пульсировала у нее в затылке и глаза слипались.

- Ну конечно, - сказала Кристина, и в глазах ее появилось беспокойство, но Димитриос не дал ей договорить, с угрозой глядя на Рию поверх ее головы.

- Чашка кофе поможет вам, а свежий воздух очень скоро разгонит головную боль. - Он явно не верил ей, и в голубых глазах его сверкали молнии. - Сестра упрекнула меня в том, что я пренебрегаю обязанностями хозяина, - продолжал он. - Она предлагает, чтобы мы поехали завтра по окрестностям, если вы будете хорошо себя чувствовать.

На его лице было издевательское выражение - он прекрасно знал, как она отнесется к такому предложению.

Рия понимала, что Кристина желает ей только добра, откуда было Кристине знать, что присутствие Димитриоса мучит ее? Но на сердце у нее стало тревожно.

- С удовольствием, - тихо сказала она и, признавая свое поражение, села за стол рядом с Кристиной с жалким выражением на лице.

Она всей кожей чувствовала присутствие Димитриоса, сидевшего, как ястреб, справа от нее. Из раскрытого ворота его белой рубашки виднелась мощная загорелая грудь, а простые черные брюки обтягивали ноги, как вторая кожа. Она бы не удивилась, если бы воздух вокруг него стал искрить. Около часа они болтали о том о сем. Потом Кристина поднялась - в слабом освещении лицо ее казалось уставшим и изможденным.

- Нет-нет, - возразила она, когда Рия опять сказала, что хочет пораньше лечь спать. - Поговорите еще с Димитриосом. Вам надо поближе познакомиться.

Она заговорщически улыбнулась Рии и пошла в дом, не заметив панического выражения на лице девушки.

- Что бы вы хотели посмотреть завтра?

Когда сестра ушла, Димитриос вытянул длинные ноги и скрестил руки на груди, откинувшись на спинку кресла. В полутьме она не смогла прочитать выражение его лица, но у нее было такое ощущение, что он играет с ней в кошки-мышки.

- Мне все равно, - просто сказала она.

- Как вы податливы, - насмешливо произнес он. - Может, вы даже решили перестать со мной бороться?

В глазах у нее потемнело, и она глубоко вздохнула. То, что она сегодня узнала об этом холодном гордом человеке, сидевшем перед ней, делало общение с ним еще труднее.

- Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями.

- Просто друзьями? - В голосе его звучало подозрение, будто он ожидал какого-то подвоха.

- Просто друзьями.

Искренность, с какой это было сказано, видимо, тронула его - он неожиданно наклонился вперед и, взяв ее за маленький подбородок, поднял лицо и заглянул в самую глубину серых

глаз.

- Ну и ну. Такое впечатление, что вы искренни.

- Это на самом деле так, - кивнула она, и ее распущенные светлые волосы зашуршали, как шелк, по его руке. Он подхватил одну прядь и с задумчивым выражением смотрел на позолоченное серебро.

- Довольно редкий цвет волос, - сказал он как бы самому себе. - Как лунный свет в темноте.

- У моей матери были такие же, - сказала она, очарованная его близостью и забывая о предосторожности. - И у брата тоже.

- У брата? - сразу ухватился он. - Никое ничего мне не рассказывал про вашего брата.

- Он умер. - Слова эти прозвучали жестко. Впервые в жизни она говорила о Саймонс с посторонним человеком, если не считать Поппи. - Он умер совсем маленьким.

- Извините меня. Несчастный случай? - мягко спросил Димитриос, не сводя глаз с ее грустного лица.

- Да, мама погибла вместе с ним. Ему тогда был годик - А вам?

- Мне было семь лет.

Мертвую тишину нарушал лишь стрекот цикады в траве.

- Для вас это, наверное, был страшный удар.

Впервые за все время он говорил мягко, хотя подобные нотки она уже слышала в его голосе, когда он разговаривал с Кристиной. Ей вдруг страшно захотелось опустить голову на стол и разрыдаться...

- Ваш отец, наверное, сильно сетовал на судьбу, оставившую его одного с ребенком на руках. И из-за этого между вами такие напряженные отношения?

Она заколебалась, вспомнив, что выдает себя за другую. Выражение ее лица изменилось, и он тоже посуровел.

- Ну? - коротко напомнил он ей.

- Я не хочу об этом говорить.

Она попыталась отвернуться, однако он нежно, но крепко взял ее за руку.

- На сей раз вам это не удастся, Поппи. Мне нужно получить ответы на кое-какие вопросы.

- Я не могу дать вам никаких ответов. Отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, заставило его прищурить глаза.

- Почему? Потому, что лично я вам не нравлюсь, или потому, что вы вообще ни с кем не можете об этом говорить?

Глаза его, потемневшие при лунном свете, буравили ее, принуждая к чему-то. Он был красив,

как никогда.

- А вы?

Подсознательно она перешла в нападение, поддавшись первобытному инстинкту выживания.

- Я? Мы ведь говорим не обо мне, - удивленно и сухо возразил он.

- А может, стоило бы? - отчаянно настаивала она, не обращая внимания на предупреждение, прозвучавшее в его голосе. - Почему вы все время так враждебно ко мне настроены? Что довело вас до этого?

- Хватит. - Он быстро встал и направился к дому. - Поздравляю вас, бросил он через плечо, исчезая в доме. - Вам опять удалось все повернуть по-своему. Разговор окончен.

Поднявшись к себе в спальню, она быстро разделась, с удовольствием забралась между прохладными мягкими простынями и закрыла лицо руками. Как получилось, что всего за несколько дней жизнь ее так круто изменилась? Неужели то чувство, что она к нему испытывает, и есть любовь? Разве может любовь разрывать человека на части? Разве она повергает его в пропасть невыразимого отчаяния?

- Я больше не могу, - прошептала она в подушку, и из глаз у нее потекли слезы. От отчаяния она всхлипнула, но вскоре забылась сном, обхватив серебристую голову точеными руками. Она не слышала легкого стука в дверь, раздавшегося через час.

Высокий человек, подошедший к ее кровати, смахнул с ее ресниц слезинку, и она, глубоко вздохнув, слегка пошевелилась. Когда он вышел, она беспокойно заворочалась на огромной кровати.

Рано утром ее разбудил церковный колокол, звавший верующих к заутрене. Рия нежилась в полудреме, временами поглядывая сквозь ресницы на розовато-лиловые тени, стоящие по углам. Пока она спала, кто-то открыл балконную дверь, и слабый солоноватый ветерок обдувал и освежал ее.

Ей очень захотелось выйти на улицу в это свежее утро, и, быстро натянув на себя белые брюки и теплый свитер и тщательно расчесав волосы, пока они не засверкали, как расплавленное серебро, она потихоньку сбежала вниз.

Собак нигде не было, и она немного постояла в притихшем саду, впитывая в себя запахи южной природы. Птицы распевали гимн рассвету, небо постепенно розовело. Сильный сладковатый запах жимолости и жасмина, росших рядом с каменной стеной, опьянял ее, а пурпурные гибискусы и ярко-розовые олеандры приветствовали восход солнца, соревнуясь с ярко-красными и багряными цветами герани. Мягкие краски рассвета потихоньку таяли.

Далеко-далеко несколько лодочек раскачивались на волнах, сопровождая рыбацкое судно, возвращавшееся с ночным уловом.

- Мир и покой, верно?

Она резко обернулась - Димитриос стоял на дорожке сада. Он указал на две огромные плетеные корзины у своих ног. - Ночь была удачной.

- Вы рыбачили?

Рия не могла скрыть удивления. Грязная одежда и блестящая, просоленная кожа доказывали, что на рыбалке он не был простым наблюдателем. Впервые она видела Димитриоса небезупречным. И ей показалось, что теперь он даже более привлекателен, если такое вообще возможно. Он смотрел на нее, как всегда, непроницаемым взглядом, а собаки бешено носились между ними. Он щелкнул пальцами, и они послушно улеглись у его ног, вытянув вперед лапы и высунув языки.

- А вас это удивляет? Помимо всего прочего, я еще ем, сплю и делаю множество других вещей, как все нормальные люди.

Глаза у него были насмешливые.

Она быстро опустила голову, но он все же успел разглядеть, как она опять зарделась в ответ на его поддразнивания.

- С моей точки зрения, ловить рыбу в море вовсе не стандартное развлечение, - выдавила она с трудом и в ответ услышала, как он насмешливо фыркнул.

- Море под боком, - вдруг серьезно сказал он. - А чем, вы думаете, живет здесь большинство людей? Море - друг и хозяин.

- У вас есть лодка? - спросила Рия, пока он закидывал корзины себе на спину, напрягаясь всем телом.

- У меня есть флот, - коротко ответил он и, заметив ее удивление, продолжал: - Мой дед по линии отца много лет тому назад построил огромное рыбоперерабатывающее предприятие в городе. Дело пошло хорошо и быстро разрослось. Отец, унаследовав его, вложил деньги во множество других предприятий. Он был умным бизнесменом, насколько я понимаю. Теперь большую часть доходов мы получаем из других сфер, но рыбообработка по-прежнему рентабельна и дает людям возможность достойно жить. А это главное для таких маленьких общин, как наша.

- Понимаю.

Видимо, семья Кутсупис богаче, чем она вначале предполагала.

- Мне бы не хотелось, чтобы мои дети забыли о своих корнях, - сказал он, словно читая ее мысли.

- Ваши дети? - выдавила Рия с бьющимся сердцем, и он улыбнулся.

- Это на будущее, - мягко сказал он. - Пока на земле еще нет маленьких Димитриосов. Может, исправите положение? - Не глядя на нее, он продолжал подниматься по дорожке сада, согнувшись в три погибели под тяжестью корзин. - Вы не попросите Розу приготовить кофе и булочки и накрыть на стол здесь? Я очень проголодался, приму душ потом. Присоединяйтесь ко мне, если вы еще не завтракали.

Он исчез в небольшой пристройке, где работали огромные морозильные камеры. Накануне вечером Кристина объяснила, что они делают запасы раз в квартал, чтобы не суетиться каждый день.

Когда он вернулся, завтрак уже ждал его, и, сидя за горячим сладким кофе и мягкими булочками, Рия вдруг подумала, что они похожи на одну из тысяч молодых супружеских пар,

наслаждающихся несколькими минутами наедине перед началом рабочего дня. Солнце уже поднялось из-за гор, осветив разбросанные по склонам домики, и, точно огненный шар, катилось по ясному лазурному небу. Легкий бриз шевелил волосы Рии, и они переливались на солнце. День будет прекрасный, подумала она и вздохнула.

- Как будто вы всю ночь рыбачили, - с обидой заметил Димитриос. - А на самом деле ничто так живительно не действует на человека, как ночь в море.

- Боюсь, мне не очень нравится этот запах, - быстро парировала Рия, наморщив носик, и кивнула на засохшую кровь и грязь на его рубашке.

- Touche, спасибо, что были так терпимы ко мне. Я немедленно освобожу вас от своего грязного присутствия и позволю выпить последнюю чашку кофе в одиночестве. Вам хватит часа, чтобы собраться?

Он встал, потягиваясь.

Приглашение застало ее врасплох, хотя с самого утра она все ждала, когда же он его повторит. Она подняла на него огромные серые глаза, серьезные и тревожные.

- Обещаю, что буду сама добродетель, - сказал он насмешливо, и вокруг рта у него залегли складки. - Кристина расстроится, если мы не поедем. Она считает, что мы недостаточно вводим вас в греческую историю и культуру, - скучным голосом сказал он.

- Спасибо, часа вполне достаточно, - холодно ответила она, вновь чувствуя себя униженной.

Ему не нравится перспектива провести целый день в моей компании, это ясно. Но разве можно меня за это винить? - отчаянно думала она.

- Ну же, взбодритесь! - Голос у него звучал едко. - Никое скоро вернется, я в этом уверен, и он, без сомнения, будет счастлив плясать под любую из ваших дудок.

- Я вовсе не собираюсь дуть ни в какую дудку, - устало ответила она слегка дрожащим голосом.

- Вы в этом уверены? - Глаза у него были как у гипнотизера. - Вы уверены в том, что ни при каких обстоятельствах не хотите продолжать с ним отношения? Даже сейчас, когда вы знаете, как он живет и какие перед вами открываются возможности? - добавил он оскорбительным тоном.

Она гордо вскинула голову, и глаза ее были как два полных злости колодца.

- Совершенно уверена, - резко ответила она. - Что бы вы обо мне ни думали, могу вас заверить в одном: я не золотоискатель. Богатство или его отсутствие никоим образом не может повлиять на то, как я вижу ситуацию.

Голос ее дрожал от негодования, и он не усомнился в искренности ее слов. - А как вам видится ситуация?

В его интонации было что-то такое, что она не могла понять, но ей показалось, что он с нетерпением ждет ее ответа.

- Даже если бы Никое оказался единственным мужчиной на всей земле, мне бы он был не

нужен!.. Извините, - тут же добавила она, заметив, как он поморщился, - но вы сами спросили.

- Действительно, спросил.

Неожиданно для нее его глубокие голубые глаза вдруг засветились улыбкой вместо ожидаемой ею вспышки ярости. Предательское сердце начало таять под его взглядом.

- Пожалуй, я должен извиниться, - сказал он. И она уставилась на него, чуть не открыв рот от удивления. - Вчера вечером Кристина отчитала меня. В последнее время она не очень мной довольна.

Он вдруг показался ей маленьким школьником, которого отругал любимый учитель. И эта новая черточка в его сложной натуре показалась ей страшно привлекательной.

- Боюсь, что я позволил обстоятельствам взять верх над собой в суждении о некоторых вещах, - жестко сказал он. - Сегодня ночью у меня было время подумать, и я пришел к выводу, что вы с Никосом сами должны разобраться в том, что между вами происходит, без всякого вмешательства кого бы то ни было. Он уже не мальчик, и я не сомневаюсь, что во многом вина лежит и на Нем. Он говорил так, словно убеждал самого себя, и под бронзовым загаром лицо его потемнело от напряжения.

Рия вдруг поняла, что должна сказать ему всю правду, что если она не сделает этого сейчас же, то никогда больше не отважится.

- Димитриос...

Он заставил ее замолчать, подняв руку.

- Как бы то ни было, я не хочу, чтобы Кристина расстраивалась, поэтому прошу вас обоих пожить мирно несколько дней под этой крышей. Я переговорю с Никосом и посмотрю, что можно сделать. - На щеке у него задергался нерв. - Для Никоса все это будет нелегко, постарайтесь его понять. - Он тепло смотрел в ее смущенное лицо. - Вы очень красивая девушка.

Она взглянула на него широко раскрытыми глазами, и слова замерли у нее на губах. Она расскажет всю правду позже, только не сейчас. Нельзя допустить, чтобы нежность, вдруг промелькнувшая в его глазах, вновь уступила место холодной циничности, к которой она уже привыкла.

Он ушел неожиданно, не сказав больше ни слова, твердым шагом и с гордо поднятой головой. Странное, только им одним пробуждаемое чувство вновь овладело ею. Он все перевернул в ней вверх дном, ей казалось, что на земле существуют только они двое. Все, что не было связано с ним, не имело никакого значения.

Войдя в дом, она встретила Кристину, оживленную и отдохнувшую, а затем, переодевшись в более легкую одежду, сбегала по ступенькам вниз по лестнице, весело постукивая каблучками, и сердце у нее пело - они целый день проведут наедине!

Димитриос ждал ее в большом зале, но когда она подошла, то поняла, что он спит. Растянувшись на большой серой софе, он дышал ровно и глубоко. Вокруг глаз и рта у него белели тонкие морщинки - следы усталости. Рия, крадучись, подошла к нему поближе, не в состоянии отказать себе в удовольствии разглядеть его.

На нем были обычная джинсовая рубашка и джинсы, и в них он выглядел моложе, чем в костюме. Во сне лицо его потеряло свою обычную суровость, растаяла и холодная самонадеянность. Утром, когда он просыпается, он, наверное, всегда такой, подумала она, растроганная до глубины души. Поддавшись какому-то непреодолимому порыву, она дотронулась до его губ и осторожно откинула со лба курчавый локон черных и жестких, как стальная проволока, волос. Димитриос вдруг поднял веки в полусне, и одно долгое мгновение они смотрели друг другу в глаза, утопая в их глубине. Затем с болезненным, приглушенным стоном он привлек ее мягкое тело к себе так, что она легла поперек его мускулистой груди, и ее бешено бьющееся сердце спешило за ударами его сердца, точно эхо. Поцелуй был болезненно сладким, губы ее дрожали, и от пробуждающегося желания она вся затрепетала, совсем забыв о том, что была недотрогой.

- Ты сладкая, как мед, - пробормотал он возбужденно в ответ на горевший в ней огонь.

Ей стало невыразимо хорошо оттого, что он не может больше скрыть от нее своей страсти.

- Боже, помоги мне, что я делаю? - Он так резко сел, что она слетела на пол возле софы. - Ты, маленькая Иезабель. - Голос у него был ласковым, и он опять притянул ее к себе на грудь, увидев, как она испугалась. Нежно дотронувшись до нее, сказал: - Не бойся.

- Димитриос! - пробормотала она ему в грудь приглушенно.

Он осторожно отодвинул ее от себя и сказал с обычным непроницаемым видом:

- Пора ехать. Пойди посмотри, собрала ли нам Роза продуктов на дорогу.

- Что я сделала не так? - едва слышно пролепетала она.

Он наклонился вперед, рассеянно запустив дрожащие пальцы в черные курчавые волосы.

- Все так, - медленно сказал он, горько насмехаясь над самим собой. - Все чертовски так. - Резко повернувшись, он посмотрел ей прямо в глаза. - Давай-ка попридержим лошадей. Сначала тебе надо повидаться с Никосом. Вот оттуда и будем плясать.

- Плясать?

Сидя у его ног, она смотрела на его нахмуренное лицо, не зная о том, что огонь ее сердца отражается у нее в глазах и все ее чувства как на ладони.

Он испытующе на нее посмотрел. Слабая надежда боролась в нем с упорным недоверием. Наконец он издал глухой стон.

- Когда ты смотришь на меня так, я готов поверить в то, что черное это белое. - Он покачал головой. - Почему ты не осталась с Никосом и не облегчила всем нам жизнь? Мне это вовсе не нужно.

Он резко встал, опять холодный и отчужденный.

- Иди, поторопи Розу, будь умницей.

- Но... - начала было Рия.

Он поднял ее с пола. При этом лицо его ничего не выражало.

- Иди!

И Рия пошла.

Когда через несколько минут он присоединился к ней в безукоризненно чистой и полной солнечного света кухне, то вел себя так, будто между ними ничего не произошло. Он серьезно поблагодарил Розу за продукты, и та вдруг засуетилась, едва не выронила блюдо и покраснела, как клюква. Подняв на плечо корзину, он вывел Рию через боковую дверь на большую заасфальтированную стоянку. Напротив дома стояло несколько машин: белый «феррари», на котором они ехали из аэропорта, большой голубой «мерседес» и две небольшие спортивные машины – ярко-красного и ярко-желтого цвета. – Все эти машины – твои? – пораженная, спросила она Димитриоса, подошедшего к большому зеленому «лендроверу».

- Не все, – ответил он коротко, глянув в ее расширившиеся глаза. – "Mercedes" принадлежит Кристине, а желтый «MG» – гордость и радость Никоса. Неужели он не превозносил достоинств своей «Бетой»?

- Что-то не припомню, – осторожно ответила она, с большим трудом придавая своему лицу бесстрастное выражение.

- Странно. – Он задумчиво прищурил глаза. – Может, у вас просто не было времени поговорить о машинах?

Тон его снова был оскорбительным, и Рия осторожно на него посмотрела.

Опять он возводит вокруг себя стену!

Он помог ей забраться на высокое сиденье, покрытое толстым белым ковриком.

- Днем здесь внутри настоящее пекло, – спокойно объяснил он. – К полудню нам придется зашторивать окна.

Вскоре она поняла, почему Димитриос предпочел «лендровер», больше всего подходящий для путешествия по каменистой, петляющей вдоль побережья дороге. Как всегда непредсказуемый, Димитриос вдруг превратился в прекрасного, доброжелательного гида, решившего показать ей свою страну. Они бродили среди руин античных храмов, и Рия все пыталась представить себе жизнь давно ушедшей цивилизации. И наконец Димитриос вернул ее в настоящее.

Он показал ей замысловатые церквушки, сохранившиеся в отличном состоянии, ветряные мельницы с маленькими парусиновыми крыльями, головокружительно крутые аллеи и узкие дорожки, где седовласые женщины, одетые во все черное, сидя на ступеньках, продавали самодельные корзины и прекрасно вышитые шали и блузки.

В полдень они остановили «лендровер» в каком-то старинном городке и пошли бродить по лабиринту узеньких улочек, зашли в местную таверну и перекусили восхитительным сыром и свежим чесночным хлебом, запив все это сухим красным вином. «Kokkino», – проинформировал ее Димитриос и заставил повторять это слово бесчисленное количество раз, до тех пор, пока она не научилась правильно его произносить, и они вместе смеялись над тем, с каким трудом ей давался его язык. Ей так хотелось взять его за руку, чтобы весь окружающий мир понял, что они вместе, но застенчивость, смешанная с неуверенностью, удержала ее.

Уже ближе к вечеру, когда стало невыносимо жарко и они устали, Димитриос выехал на

пустынный пляж и направил машину к маленькому укрытому заливчику, не видному с дороги.

- Я хотел показать тебе это место, - лаконично сказал он. - Мне здесь очень нравится.

Она повернулась к нему с горящими глазами и увидела, что он внимательно наблюдает за ее реакцией.

- Чудесное место, - с чувством сказала она. - В мире, наверное, мало подобных ему.

- За всю свою жизнь я привез сюда только одного человека, - тщательно подбирая слова, сказал он, вышел из машины и достал корзину. - Мало кто знает о существовании этой бухты, так что можно не волноваться.

Сердце ее упало, как только она представила себе молодого Димитриоса наедине со своей первой любовью среди идиллической природы.

- Боже, сделай так, чтобы это была не она, - прошептала Рия легкому ветерку, теревившему ее серебристые волосы. - Кто угодно, только не она. К воде можно было подойти лишь через узкую щель в скале, и когда они пробрались туда, то оказались отрезанными от всего мира, в окружении теплого, точно шелкового от ветра и воды, камня. Мягкий желтый песок и синее море были как нарисованные, и Рия почти уверовала в то, что они на необитаемом острове.

- Купаться?

Глубокий бас вывел ее из мечтательного состояния.

- Ой! - спохватилась она. - А я купальник не взяла.

- Выбирай любой, если уж тебе так нужен купальник, - сухо заметил он и бросил ей целую охапку бикини. - Я всегда вожу с собой несколько штук в машине вместе с полотенцами и ковриками. У Никоса есть дурная привычка сваливаться, как снег на голову, с толпой народу, так что всегда надо быть начеку.

- А у тебя плавки есть? - наивно спросила Рия, но заметив насмешливый блеск его глаз, быстро присела на горячий песок, роясь в малюсеньких кусочках материи, словно вся ее жизнь зависела теперь только от этого. Когда она подняла голову, то увидела, что Димитриос как ни в чем не бывало раздевается у кромки воды. Рубашка уже лежала на белом песке, и Рия, точно загипнотизированная, смотрела, как он расстегнул ремень и сбросил джинсы. Когда за этим последовали и плавки, обнажив все его мускулистое тело перед ее восхищенным взглядом, он обернулся и помахал ей рукой. Она резко опустила голову, и он фыркнул насмешливо. Он специально все это делает, рассердилась она. Просто хочет вывести меня из равновесия. И ему это здорово удастся! - прошептал надоедливый голосок, с которым ей не всегда удавалось совладать.

Повернувшись к нему спиной, она выбрала такое бикини, в котором было больше всего материи, и, завернувшись в огромное пляжное полотенце, быстро переделась. Узкая полоска черной ткани едва прикрыла ее высокую грудь, а плавки придали бедрам особую соблазнительность.

- Что ж, - пробормотала она в отчаянии, чувствуя себя совершенно обнаженной, - по крайней мере, это лучшее из всей охапки. Винить меня за недостаток одежды он не может.

Димитриос уже плыл, с силой разрезая грудью лазурную воду. Она шла по кромке моря,

чувствуя себя очень неловко под его одобрительным взглядом. – Что-то не припомню, чтобы кто-нибудь выглядел столь же привлекательно в этом купальнике, – засмеялся он, хотя глаза его горели.

Она поторопилась броситься в холодную воду, думая только о том, как бы спрятаться от его взгляда в синих глубинах. Когда вода обволокла ее разгоряченное тело, у нее даже перехватило дыхание. Она поплыла в море и, поднырнув под волну, вынырнула прямо возле улыбающегося Димитриоса.

– О'кей?

Она кивнула, пораженная белизной его зубов на смуглом лице и переливами капель на бронзовой коже.

Рия опять нырнула, углубляясь в другой мир, где жили маленькие цветные рыбки и раскачивались экзотические растения. Солнечные лучи освещали поверхность воды, и она переливалась, словно состояла из маленьких алмазиков. Когда она всплыла, чтобы вдохнуть, Димитриос опять оказался около нее, без малейшего усилия рассекая небольшие волны сильными руками.

– Ну чем не сирена?

Как ни смешно, но ей вдруг стало очень хорошо от этой похвалы, и она улыбнулась ему такой ослепительной улыбкой, что он даже прищурил глаза. – Поосторожнее, – протянул он насмешливо, – только один человек может это выдержать, однако у него сегодня был тяжелый день.

Не совсем понимая, что он хочет сказать, да и не особенно об этом думая, она опять нырнула, плавая и качаясь на волнах до тех пор, пока не почувствовала приятную усталость.

Боюсь, что более счастливых минут у меня уже никогда не будет, с тоской подумала она, глядя в яркое голубое небо и качаясь на спине. Но, осознав до конца смысл этой тоски, она сразу отрезвела, и ей даже стало холодно перед лицом враждебного, неизвестного будущего.

Резкая, как от лезвия бритвы, боль в правом бедре застала ее врасплох. Вскрикнув, она в испуге подняла сразу обе руки над водой и тут же пошла ко дну, наглотавшись отвратительной горькой воды. Она отчаянно попыталась выплыть, и ей удалось крикнуть, прежде чем острая боль свернула все ее тело в один комок, который стал медленно погружаться в холодную голубую глубину. Ее охватила слепая паника.

Ей не хватало воздуха, и она открыла рот, но только глотнула еще морской воды. В ушах звенел колокол смерти. Она тонет!

За несколько мгновений до того, как ее тело обмякло, она вспомнила мать, взывая к помощи сверху. Она не хочет умирать! Только не сейчас, только не так! Вокруг нее сгустилась тьма, в ушах зазвенело с новой силой. Что-то, с чем она не могла бороться, потянуло ее вниз, вниз, и безжалостная, всепоглощающая боль пронзила ее тело.

Глава 5

Как только Рия почувствовала на себе твердые и цепкие руки Димитриоса, она стала инстинктивно бороться за жизнь: судорожно втягивала воздух в разрывающиеся легкие, кашляла, отплевывала воду, изгибаясь от острой, как нож, боли в ногах. Ничего не соображая,

она панически хваталась за него.

Он осторожно освободился от ее рук, подержал ее несколько секунд лицом вверх, а затем дал сильную пощечину.

- Успокойся, я с тобой. - Голос у него был негромкий и ровный. - Не дергайся, и тогда я смогу взять твой вес на себя, а то ты еще утопишь нас обоих.

Она всхлипывала от пережитого ужаса, крепко цепляясь за его шею, но поскольку он постепенно продвигался вперед, разговаривая с ней терпеливо и совершенно спокойно, она расслабилась, хотя временами все еще вздрагивала от боли и ужаса и беспомощно кашляла. Страх постепенно отступал.

- Ну, вот и молодец, - сказал он успокаивающе и поплыл к далекому берегу. - Ты в полной безопасности и ведешь себя прекрасно.

Разрезая воду мощными руками, без труда неся ее к твердой земле, он продолжал свой успокаивающий монолог. Когда они добрались до берега, Димитриос поднял ее на руки, с тревогой глядя на белое, как мел, лицо и бескровные губы. Она опять сморщилась от раздирающей боли в ногах.

- Судороги? - коротко спросил он, и она слабо кивнула.

Он быстро понес ее к коврикам, осторожно положил и завернул ее, точно кокон. Ей стало тепло. Опустившись рядом с ней на колени, он стал энергично массировать ей ноги, и когда сжатые в комок мускулы расслабились, Рия вдруг расплакалась и из ее глаз, ушей и рта потекла вода.

- Все в порядке, малышка, поплачь, тебе станет легче.

Димитриос прижал ее к своей мокрой груди и стал укачивать ее, точно маленького ребенка. Он нашептывал ей нежные слова, прижимаясь губами к ее спутанным волосам, то и дело сбиваясь на свой родной язык, и голос его был мягким и нежным. Рия не знала, сколько времени они так просидели, но когда успокоилась, ей стало немного стыдно за свою слабость и не по себе от близости большого обнаженного мужского тела.

Ее разгоряченная влажная щека лежала на его широкой груди, и темные завитушки его волос щекотали ее. Она отпустила его сильную шею, и по его телу вдруг пробежала дрожь. Он положил ее на песок и перекатился на живот в нескольких футах от нее.

- Ну что, тебе уже лучше?

Его глубокий голос дрожал, и она стеснительно кивнула, увидев воочию, как он желает ее, - она была потрясена его мужской красотой!

- Я думаю, мне не помешает некий эквивалент холодного душа, - заметил он, не глядя на нее. Поднялся с кошачьей грацией, пошел к воде и тут же скрылся в пенящихся волнах.

Она лежала на спине, завернутая в коврики. Боль в ногах постепенно стихала. Вечернее солнце ласкало ее своими теплыми лучами, и с легким вздохом она отдалась его вечной терапии, чувствуя себя слишком уставшей и слишком потрясенной, чтобы пошевелить хоть пальцем.

Димитриос бросился рядом с ней на песок, и она очнулась от короткого забытья. Он уже был в рубашке и джинсах, но босой.

- Вставай, бесстыжая девчонка, прикрой свою наготу, - весело сказал он. - Не знаю, как ты, но я умираю от голода.

Завернувшись в огромное одеяло, она с трудом влезла в узкую юбку и блузку, всей кожей чувствуя каждое движение Димитриоса, пока он отыскивал корзину и налил два стакана пенящегося белого вина.

- Выпей. Это тебе поможет, - коротко приказал он, когда она подошла к нему, и Рия вдруг сообразила, что лицо у нее заплаканное, а волосы спутаны. Руки ее непроизвольно поднялись к мокрым волосам, и глаза его потеплели. Он передал ей тяжелый хрустальный бокал.

- Ты выглядишь как бедный маленький беспризорник.

Голос его звучал невероятно нежно.

Она торжественно посмотрела на него, и на бледном лице серые глаза показались ему огромными.

- Я еще не поблагодарила тебя за то, что ты спас мне жизнь. Если бы не ты, я бы утонула.

- Забудь об этом, - мягко возразил он, скользя большой бронзовой ладонью по гладкой коже ее руки. - Выручать девиц из беды - мое хобби. Только обещаю тебе, что никогда не будешь купаться одна, - продолжил он вдруг серьезно. - То, что случилось один раз, может повториться.

Она послушно кивнула и быстро выпила стакан вина. Ее мучила жажда.

- Эй, не так быстро! - Он с удивлением посмотрел на ее пустой бокал.

- Если бы я знал, что ты проглотишь половину океана, я бы привез ящик лимонада. Тебе надо поесть. Если ты напьешься, боюсь, ты станешь невыносимой. Пьянчужка...

Роза приготовила им настоящий банкет, и Рия вдруг почувствовала страшный голод. В большой пластмассовой коробке лежали свежие розовые креветки в густом сливочном соусе, в другой - мясное ассорти, малюсенькие пирожки с мясом и хрустящий зеленый салат. Там же были поджаристые чесночные булочки, две баночки с овощным соусом и несколько сортов сыра. А на десерт - целая коллекция тонко нарезанных фруктов. Такого пикника у Рии еще не было. Холодильная сумка сохранила все это в прекрасном состоянии, и они жадно набросились на еду. Пока не опустошили все, оба не произнесли ни слова.

- Что-то сверхъестественное, - блаженно сказала Рия, белоснежной салфеткой вытирая с губ креветочный соус и чувствуя себя намного уверенней. - Вы всегда так едите?

- Конечно. - В голосе у него зазвучало высокомерие, словно он боялся, что она осуждает его. - Я много работаю, много двигаюсь и заслуживаю того, чтобы у меня было все лучшее.

- Ты и получаешь все лучшее, - мягко заметила она, думая о том, что он может быть колючим, как ежик.

- Не все. - Он наклонился вперед и налил ей вина, стараясь не прикасаться к ней.

Откинувшись на коврик, закрыл глаза, ослепленный розовым золотом засыпающего солнца. Он полностью владел собой. Почему же ей это никак не удастся? Он лежал, растянувшись, как леопард, внешне совершенно расслабленный, и она вспомнила, как блестело на солнце его мускулистое тело. На шее у нее забился сосуд, и она мысленно отругала себя, заставила сосредоточиться на корзине, куда собирала посуду. Затем подошла к воде, глядя, как быстро угасает день.

- Земля богов. Она вздрогнула: Димитриос бесшумно подошел к ней сзади и накинул ей на плечи одеяло. Поднялся свежий бриз, и море заиграло сказочным блеском, а по небу потекли мириады огненных рек. Одинокая птица пролетела у них над головами, и ее хриплый крик нарушил мерное перешептывание волн. - Ищет своего друга.

Она повернулась и натолкнулась на пристальный взгляд его голубых глаз.

- Узнаю родственную душу. - Он долго смотрел ей в глаза, словно что-то искал в них. - Готова? - вдруг спросил он деловито, и она почувствовала себя странно разочарованной, словно то, что должно было произойти, так и не произошло.

- Кажется, да. Прекрасный был день.

Она собралась идти, но он поймал ее руку и развернул ее к себе лицом, угрюмо глядя на нее сверху вниз.

- Зачем тебе надо было со всеми спать?

- Что? - Он застал ее врасплох, и в ее серых глазах отразилось недоумение.

- Сколько их у тебя было? Трое, четверо? - Вопрос был просто диким. Почему ты не дождалась? Как может такая хрупкая и такая внешне невинная девочка вести себя таким образом?

Она съежилась, лицо ее потемнело от страха.

- Пожалуйста, Димитриос... - прошептала она.

- Зачем ты это делаешь? - Его холодные глаза словно влезали ей в душу, и голос его звучал горько, вымученно, будто в нем происходила какая-то страшная, адская борьба. - Как могу я поверить тому, что мне говорят твои глаза и тело? Рядом с тобой Никое почувствовал себя так, будто он единственный мужчина на всей земле. Откуда мне знать, не ведешь ли ты опять свою хитрую игру? Просто трюк, чтобы потом сорваться с крючка. - Ты делаешь мне больно.

Он крепко сжимал ей локоть, и она попыталась вырваться, но он не ослаблял железной хватки.

- Мне бы этого очень хотелось. - Он слегка встряхнул ее. - Мне бы хотелось проникнуть в эту голову и посмотреть, что же там происходит на самом деле. Ты как два человека в одном теле, и оба такие разные. То чистая и застенчивая, то... - В голубых глазах его полыхнул огонь. - Кто из них настоящий?

Дрожа, она опустила голову, спрятав за густыми светлыми волосами бледное лицо, не в состоянии больше выносить его ястребиного взора.

- Ты не понимаешь. - Голос ее дрожал, и он опять встряхнул ее, сдавливая, как тисками, ей руку.

- Так помоги мне понять. Расскажи мне что сделало тебя такой, какая ты есть? Объясни, как ты можешь заставить мужчину забыть, что он у тебя не первый, а может, и не последний? Говори, убеждай меня.

Это была настоящая мольба.

- Не здесь и не так.

Она не могла говорить с ним об этом одна, лицом к лицу. Она нуждалась в помощи Кристины, чтобы отвести от себя горячую, как раскаленное железо, ярость, когда он узнает, что его вновь обманула маленькая англичанка с серебристыми волосами.

Он глубоко вздохнул, с трудом сдерживаясь, и разжал руку, покачав головой.

- Я, видимо, сошел с ума. - Он говорил скорее сам с собой, чем с ней.

- Дважды подставлять себя под молнию...

Рия понимала, что он страшно зол на нее, или на себя, или на нее и на себя одновременно. Он гордо откинул назад черноволосую голову, глубоко засунул руки в карманы джинсов. - Не знаю, что лучше: то ли выкинуть тебя из дома, как требует проверенное временем правило, то ли дожидаться Никоса - может, он прольет какой-нибудь свет и поможет мне разгадать твою загадку?

Она смотрела на него молча, боясь пошевелиться и пробудить в нем зверя.

- Там, на вилле, ты говорил...

- Ну-ну? - подбодрил он ее своим уже обычным издевательским тоном. Что я там такое говорил?

- Ты сказал, что надо дожидаться возвращения Никоса. Чтобы все встало на свои места.

- Не знаю, хочу ли я, чтобы «все» встало на свои места, - резко ответил он, и скулы его покраснели. - Впервые в жизни я не знаю, чего хочу, хотя, может быть, и знаю. Только уже слишком поздно. Поздно на трех или четырех мужчин... Да к черту все это!

Он развернулся и пошел вверх по берегу, оставив ее одну на ватных ногах.

По дороге домой они почти не разговаривали. Димитриос гнал быстро и яростно, легко управляясь с тяжелой машиной. Лицо его было суровым. Рия съежилась на своем сиденье, желая только одного - повернуть часы вспять к тому утру у себя в квартире, чтобы начать все сначала.

Ночь пришла быстро, окутав все вокруг своей черной парчой, и когда они подъехали к вилле, ей показалось, что все окна освещены.

- Только бы не гости, только не сегодня, - сквозь зубы процедил Димитриос, резко тормозя, так, что запахло резиной. Он заглушил двигатель, и в этот момент тяжелая застекленная дверь открылась. На пороге выросли две фигуры и рука об руку бросились вниз по ступенькам прямо к «лендроверу».

- Поппи! - удивленно воскликнула Рия одновременно с Димитриосом, приветствовавшим своего племянника. Он успел взглянуть на нее с беспокойством, но уже в следующее

мгновение парочка обрушилась прямо на них, и возбужденные голоса смешались с яростным лаем собак.

Рия заметила согбенную, тяжело опирающуюся на палку фигуру Кристины в проеме освещенной двери. Она выглядела так, будто с утра прошло целых десять лет.

Последующий час навсегда врезался ей в память. Поначалу Никое и Поппи не замечали едва сдерживаемой ярости Димитриоса, и они все смеялись и смеялись, рассказывая наперебой, и никак не замолкали. Рия уже готова была накричать на них. Всем своим существом она ощущала присутствие высокой неподвижной фигуры – Димитриос стоял поодаль и не спускал с нее прищуренного взгляда. Как во сне, она присела рядом с Кристиной на софе с видом пленника, приговоренного к смерти и ожидающего исполнения приговора. Наконец все умолкли, и в комнате установилась такая тишина, что даже собаки притихли.

- Ты, маленькая лгунья, обманщица!

Когда шторм разразился, он оказался настолько ужасен, что все тут же вскочили на ноги, кроме той, из-за кого он возник. Димитриос был точно сам дьявол, явившийся из преисподней: глаза его сверкали такой яростью, что, казалось, извергали огонь, вокруг рта образовались глубокие складки. Он пересек комнату и встал, возвышаясь как башня над ее согбенной фигуркой. Руки его были сжаты в кулаки.

- Как ты посмела обманывать меня? – прорычал он глубоким гортанным голосом. – Все это время, с самого первого момента, только ложь и обман. – Прости, – прошептала Рия, застыв от ужаса и не отваживаясь поднять на него глаза. Кристина протиснулась между ними.

- Такое предательство – и только «прости»?! – Слова были похожи на пули, на первые крупные капли проливного дождя.

И вот уже ливень едких обвинений обрушился на ее голову. Димитриос перешел на греческий, но смысл его речи был ясен и так.

- Никогда еще не приходилось мне просить кого бы то ни было из моих гостей оставить этот дом, но тебе я говорю: ты улетишь первым же самолетом.

Это прозвучало как приговор. Он сказал все.

Наконец Рия подняла на него влажные глаза и в его взгляде увидела столько ненависти, что кровь застыла у нее в жилах. Почему она не рассказала ему все раньше? Почему она такая трусиха? То, что все выяснилось при свидетелях, что его застали врасплох, вдвойне усилило обиду. Хуже не придумаешь...

Еще раз одарив ее взглядом, полным презрения, он повернулся к Никосу, который обнимал Поппи за талию. Их юные лица были бледны и полны ужаса. – А вас двоих я завтра жду у себя в кабинете в девять ноль-ноль, прорычал Димитриос сквозь зубы – Вам придется кое-что мне объяснить, и чем быстрее – тем лучше.

Когда он с каменным лицом вышел из комнаты, Кристина издала душераздирающий вопль и бросилась вслед за ним, обливаясь слезами.

Поднявшись к себе в комнату, Рия присела на край кровати и, застыв, как кусок льда, уставилась на свое бледное отражение в зеркале. Боль, которую она сейчас испытывала, была сродни той, что постигла ее много лет назад, когда молодая женщина из полиции, ласково

заглядывая ей в глаза, сообщила, что вся ее семья исчезла с лица земли в один миг. Тогда Рия все спрашивала и переспрашивала ее и в конце концов вынуждена была поверить в то, что они действительно все погибли в столкновении с машиной, за рулем которой сидел пьяный водитель. Тогда она поклялась себе, что никого никогда не будет любить так, как любила их, я сделает все, чтобы никто никогда не причинил ей такую же боль. И ей это удавалось довольно хорошо. Но вот однажды большой черноволосый смуглый человек грубо повалил ту башню из слоновой кости, возвести которую ей стоило такого труда.

- Я ненавижу его, - заявила она большеглазому привидению в зеркале, я действительно его ненавижу.

Но врать себе бессмысленно: она любила его всем сердцем и не представляла, как вернуться к обычной жизни и что делать, чтобы не рассыпаться на тысячи мелких осколков. Содрогнувшись, как от озноба, хотя ночь была теплой, она спрятала лицо в дрожащих руках, не в силах смотреть на свое странное отражение. Не переставая горько упрекать себя то в одном, то в другом, она довела себя до полного изнеможения и наконец, свернувшись калачиком, улеглась в постель, чувствуя себя маленьким зверенышем, который уже больше не может бежать от преследователей.

- Рия, Рия, открой! - разбудили ее настойчивые крики Поппи.

С удивлением она увидела, что уже утро. И сразу целый поток ужасных воспоминаний вчерашнего дня навалился на нее. Она содрогнулась всем телом. С трудом поднялась и, спотыкаясь, подошла к двери. Как ей хватило сил запереться?

Поппи держала поднос, на котором дымился кофе и лежало несколько тостов с маслом.

- Выглядишь ты ужасно, - весело заметила кузина, входя в комнату и решительно ставя поднос на столик.

Сердце у Рии екнуло - на подносе стояли две чашки. Видимо, предстоял сердечный разговор и прямые вопросы, а у нее просто не хватит сил. Такт и сдержанность никогда не были сильной стороной характера ее кузины.

- Что здесь произошло? - начала Поппи, верная себе. - Никое говорит, что никогда еще не видел своего дядю таким. Обычно он сам мистер Лед, но ты, кажется, здорово его достала.

- Поппи, прошу тебя...

Беззаботность кузины сильно действовала ей на нервы. Даже самый толстокожий человек давно бы уже понял, что дело не в простом недоразумении. Поппи задумчиво посмотрела в ее бледное лицо, и озорные огоньки потухли в карих глазах.

- Не может быть, Рия! Не могла же ты в него влюбиться! - воскликнула она обеспокоено. - Ты! Снежная королева!

- Я уже сказала, забудь об этом.

Но Поппи не унималась.

- Ну, ты и выбрала орешек для своих молочных зубок! Да он глотает женщин на закуску. Никое говорит, что они сами липнут к нему, точно мухи, а он всегда...

- Еще одно слово - и, ей Богу, Поппи, я тебя ударю! - Она говорила настолько серьезно, что Поппи пришлось получше всмотреться в ее горящее лицо, и тогда она впервые в жизни увидела во взгляде подруги обиду и даже неприязнь. - Почему ты считаешь себя вправе врваться в любое время и болтать все, что хочешь? - бушевала Рия. - Когда ты наконец поймешь: то, что ты делаешь и говоришь, может причинять людям боль? Сильную боль! Я влипла во всю эту историю только из-за тебя. Так что, будь добра, оставь меня в покое, если все, что ты можешь предложить, - это сплетни и насмешки.

- Я и не... - начала было Поппи, но Рия высказалась еще не до конца.

- За последние несколько дней мне задавали вопросы о таких вещах, о которых я и понятия не имею. Меня обвиняли в таком, о чем я и думать не хочу. Димитриос с первого мгновения поставил под вопрос мою порядочность. А с твоей помощью он только укрепился в плохом мнении о женщинах. - Я не просила, чтобы ты выдавала себя за меня, - хмуро возразила Поппи, гордо отбрасывая волосы назад.

- Не беспокойся. С сегодняшнего дня ты сама по себе, - сердито отрезала Рия, и взгляд ее затуманился. Она и забыла, насколько эгоцентрична ее красивая кузина.

- Пожалуйста, Рия, не надо со мной ссориться, - начала Поппи, быстро, как всегда, изменив тактику. - Мне очень, очень жаль, что я доставила тебе столько хлопот, я же тебя так люблю! Я знаю, ты сделала все это для меня, и я тебе благодарна, честное слово!

Рия посмотрела на нее устало, не в силах противостоять мольбе в ласковых карих глазах. Поппи и дядя - ее единственные родственники, и она им обязана всем.

Заметив перемену, Поппи схватила ее за руку и потащила на маленький балкончик. Когда на ее каштаново-рыжие волосы упали лучи солнца, то вокруг головы образовалась сверкающая аура.

- Давай присядем, и я тебе все объясню, пока мы завтракаем, - ласково заманивала она. - Мне необходима твоя поддержка, ведь скоро надо идти к Димитриосу.

Рия полной грудью вдохнула свежий утренний воздух. Было еще очень рано, и золотистая дымка окутывала сад, смазывая контуры. В воздухе стоял приятный запах свежего хлеба, который Роза жарила на кухне к завтраку, аромат только что сваренного кофе щекотал ноздри. И жизнь вдруг показалась не такой уж безнадежной. Все, что она сделала, она сделала ради Поппи. Когда у него будет время подумать, он наверняка ее поймет, и даже если не простит, то, по крайней мере, оценит. Спина у нее невольно выпрямилась, и она подняла голову. Как бы то ни было, дело сделано. Все мячи теперь на его половине. Больше ей не придется ни лгать, ни притворяться.

- Ты давно знаешь Никоса? - поплотнее запахивая махровый халат, спросила она у кухни, когда они сели на балкончике. Утро только-только нарождалось, и воздух был еще довольно прохладный.

- Тыщу лет! - воскликнула Поппи и, заметив, что Рия подняла брови, смущенно рассмеялась. - Четыре месяца - для меня это целая вечность. Ты же меня знаешь.

- И еще как, - с чувством заметила Рия, все еще сердясь. Она не собиралась так быстро капитулировать.

- Он приехал в Англию по делам Димитриоса, - продолжала Поппи, жуя тост. У Рии не было

аппетита, но она с удовольствием выпила горячий сладкий кофе. – И я сразу поняла, что он совершенно особенный. Честное слово! – добавила она, заметив недоверие в глазах Рии.

– Ну, если так, из-за чего весь сыр-бор? – спросила Рия, сбита с толку.

Впервые Поппи не смогла поднять на нее глаз. Быстро и грациозно поднявшись – привычка, приобретенная на работе, – подошла к перилам балкончика и, перегнувшись через них, посмотрела на сад, как бы бросая Рии вызов. – Тебе это не понравится, – предупредила она вызывающе.

Сердце у Рии заняло. Что еще натворила эта бедовая девчонка?

– У нас будет ребенок.

Рия ждала чего угодно, только не этого. Услышав возглас удивления, Поппи повернулась к ней, как разъяренная тигрица.

– Только не надо нравочений! Нам и так сегодня предстоит "приятный" разговор с нашим господином и повелителем!

В голове у Рии все смешалось. Однако, поразмыслив, она признала, что нельзя было исключить и подобного оборота событий.

– Это получилось случайно, – жалко промямлила Поппи. – Надо было быть поосторожней, а Никое совсем еще ребенок.

– Был, – сухо поправила ее Рия.

– Но он действительно не такой, как все, – серьезно настаивала Поппи.

– С ним так легко и хорошо! Он заставил меня почувствовать... ой, я не могу тебе объяснить, это просто фантастика!

Щеки у Рии слегка порозовели. Как могла она в чем-то обвинять свою кузину, если одного легкого прикосновения Димитриоса было достаточно, чтобы заставить ее забыть обо всем на свете? А если бы он ее любил, как Никое Поппи, разве смогла бы она ему в чем-нибудь отказать?

Она вздохнула с болью и тоской.

– А почему ты сбежала от него?

Поппи уныло облокотилась о перила.

– Я знаю, это глупо. Но когда я поняла, что беременна, у меня был шок, я просто с ума сошла на неделю или на две. Мне казалось, что я ко всему этому не готова. Никое поторопил меня с обручением, и где-то в глубине души я надеялась, что в любой момент смогу дать обратный ход. Но ребенок! – Голос у нее задрожал. – Мне просто надо было обдумать все в одиночестве, прежде чем кому-то что-то говорить, даже Никосу.

– То есть ты не сказала ему о ребенке? – спросила Рия, потрясенная.

– Нет, – медленно подтвердила Поппи. – Я просто сказала ему, что все кончено. Одна из моих подруг разрешила мне пожить у нее, и я там спряталась. Когда же я решила сохранить

ребенка, то тут же позвонила Никосу, и он мгновенно примчался в Англию. – Лицо ее озарилось. – Он был так растроган, что даже трудно в это поверить. Я его действительно люблю, Рия.

– Ой ли? – Голос Рии звучал резко. – Ты уверена, Поппи? Нельзя играть жизнью других людей. Через несколько месяцев тебе придется считаться не только с собой и Никосом, но и с очень маленьким человечком, который будет полностью от тебя зависеть. Если ты недостаточно любишь Никоса, чтобы прожить с ним всю жизнь, никакие деньги не сделают твоего ребенка счастливым. Уж лучше взять кого-нибудь на воспитание. Ты должна быть уверена.

– Я уверена, – угрюмо заявила Поппи, покраснев до корней волос.

– Что ж, тогда вам обоим – и тебе, и Никосу – придется очень много потрудиться над вашими отношениями. Не ждите молочных рек в кисельных берегах. Их культура очень отличается от нашей, и он не готов к английскому образу жизни. Вам обоим придется подстраиваться друг под друга.

– Очень умно!

Обе девушки вздрогнули и повернулись к двери, из которой раздался этот строгий голос. Димитриос с непроницаемым лицом вошел в комнату. Стоило ему сесть на один из маленьких стульчиков, вытянув вперед ноги и откинувшись на спинку, как балкон сразу же стал малюсеньким. Ворот его рубашки был расстегнут, на лоб спадало несколько черных локонов, еще влажных от утреннего душа.

– Насколько я понимаю, ты настраиваешь свою кухню остаться здесь? Прищурившись, он быстро оглядел их обеих, и сердце Рии бешено заколотилось. Он был так далек от нее, так жесток, так непохож на того человека, с которым она вчера провела целый день...

– Ошибаешься.

Она посмотрела ему прямо в глаза, не думая о том, что в бледном утреннем свете ее спутанные волосы, серебристыми каскадами спадающие на худенькие плечи, и лицо без косметики делают ее похожей на привидение.

– А то мне показалось... – Стальные глаза блеснули.

– Ничего странного. Тот, кто подслушивает чужие разговоры, не может рассчитывать на полноту повествования. – Ей самой стало жутко от своей дерзости. Краем глаза она видела, как изменилось лицо Поппи – от неприкрытого восхищения до полного испуга.

– Да ну?! – зло воскликнул он, поднимаясь с маленького стульчика и не сводя с нее хищного взгляда. – Не вам давать мне уроки морали!

Он резко обернулся к Поппи, отчего та даже подскочила на месте.

– Вниз, сейчас же! – приказал он. – Никое уже у меня в кабинете. Жди меня там же.

Поппи с облегчением вышла, даже не взглянув на Рию.

– Что касается тебя, – продолжал он тихо, – то ты дождешься моего возвращения. На сей раз, маленькая обманщица, готовься ответить на все мои вопросы, и даже богам не дано нам помешать.

Она с наслаждением смотрела на него, хотя обстоятельства вовсе к тому не располагали. В его власти было что-то настолько притягательное, что она просто не могла противиться. Если бы он, как обещал, отправил ее назад, в Англию, не повидав ее, она промучилась бы целый день и еще кошмарную ночь... От этой мысли ей стало не по себе.

Он повернулся, но, проходя мимо нее, задержался на секунду и дотронулся пальцем до лиловых кругов под ее глазами.

- "Какой клубок сплетаем мы, решив солгать впервые..."

Голос прозвучал холодно и насмешливо, но прикосновение было необычайно нежным, а голубые глаза - бездонными.

Рия помыла голову и приняла ароматную ванну, смывая с себя напряжение. Надев белое платье и слегка подкрасив глаза, распустила волосы по плечам, давая им просохнуть. Солнце выкатилось на середину неба, точно раскаленный белый шар, и вмиг покончило с мягкой утренней прохладой.

Она сидела на балконе, ожидая его возвращения, но думая только о том, как бы отыскать Кристину и все ей объяснить. Однако не тронулась с места, боясь, что Димитриос не застанет ее. Из сада поднимался сильный запах цветов. Вдоль стены стояли горшки с геранью, и ярко-красные цветы переливались в солнечном свете. Маленький разноцветный жучок бесцельно взбирался по керамическому горшку, а затем, раскрыв прозрачные крылья, взлетел к солнцу.

- Вот счастливец, - пробормотала она. - Просто может взять и улететь.

Через несколько минут она почувствовала, что Димитриос вошел в комнату, хотя он, как всегда, двигался бесшумно, точно леопард.

- Почему ты живешь одна в такой квартире?

Вопрос застал ее врасплох, и она тупо уставилась на него, не в состоянии собраться с мыслями. Она готовилась к более серьезному разговору, к циничным насмешкам, но этот спокойный тон выбил ее из колеи.

- Ты смотришь на меня так, будто насмерть перепугана. - Он говорил спокойно, но в голосе его уже стали появляться нотки раздражения. - Ну? Ты не ответила.

- Я думаю, мне просто хотелось чего-то, что было бы моим, - сказала наконец Рия слегка дрожащим голосом. - От родителей остались деньги, так что финансовых затруднений не было, и дядя, мой опекун, решил, что это хорошее вложение капитала.

- Поппи объяснила мне все обстоятельства, - спокойно сказал Димитриос. - Прошу прощения за поспешные выводы относительно квартиры, но ты тоже должна понять, как это выглядело в моих глазах. Насколько я понимаю, с твоим боссом у тебя просто деловые отношения? - продолжил он допрос, вглядываясь в каждую черточку ее лица.

- У нас хорошие отношения, и это все, - не вдаваясь в подробности, ответила она с прохладцей в голосе.

- Он твой друг? - поинтересовался Димитриос.

- Он мой работодатель, и мы давно работаем вместе. - Она посмотрела на него с вызовом. - Он

всегда был честен со мной.

- Славный Джулиан, - вкрадчиво произнес Димитриос. - Но я бы не сказал, что он осыпал тебя золотом. Вся жизнь на работе, и никаких социальных благ. Неужели тебе действительно нравится такое существование?

- Насколько я понимаю, ты цитируешь Поппи? - вопросом на вопрос ответила Рия, впервые за все утро по-настоящему рассердившись. - Если я не бросаюсь на шею первому встречному только ради того, чтобы получше жить, то это еще не означает, что я урод. Мне нравится моя работа, как ни странно. Она, конечно, не ослепительна и не подошла бы девяти из десяти девушек, но мне она доставляет удовольствие. Я много езжу, много вижу, встречаюсь с интересными людьми. А это все, что мне нужно.

Или все, что мне было нужно, поправила она себя мысленно, глядя прямо в его холодные глаза и безразличное лицо.

- Тогда ты можешь считать себя удачливой. - Его задушевный тон охладил ее пыл. - Мало кто сегодня доволен своей судьбой.

- Я думала, мы будем говорить о Никосе и Поппи, - быстро вставила Рия, испугавшись, что не сможет скрыть своих мыслей от этого компьютеризированного мозга.

- С чего ты взяла?

- Это то, что имеет значение. - Голос ее зазвучал устало. - Именно из-за их истории и заварилась вся эта каша.

- А, понятно. Так вот о чем речь. - В его лице появилось что-то новое, чего она не поняла, и это напугало ее. - А что мне делать? Поздравить их? Похвалить за хорошее поведение?

- Конечно, нет! - резко ответила Рия, задетая за живое его издевкой.

- Они повели себя глупо. Но мне казалось, что ты лучше, чем кто-либо, сможешь понять, насколько просто ошибиться в юности.

Она допустила серьезную ошибку. Задумчивое выражение исчезло с его лица, и он навис над ней, точно ястреб. Схватив ее за тонкие запястья, он резко и грубо заставил ее встать.

- Кто это тебе наплел? - угрожающе спросил он, и глаза его яростно заблестели. - Ты ничего в этом не смыслишь! Что может знать о жизни и любви такая неопытная девчонка? Ведь ты живешь & какой-то башне из слоновой кости, где есть только белое и черное. Настоящий мир вовсе не такой!

- Не рассказывай мне сказки про настоящий мир! - Он задел ее за живое, и голос ее даже сорвался. - Я достаточно хорошо знаю реальный мир, чтобы ненавидеть его! Мир, в котором пьяница может прикончить в один миг троих людей и преспокойненько выйти из тюрьмы уже через три месяца! - У нее перехватило дыхание. - По месяцу за жизнь! - Она говорила все громче и громче и ничего не могла с собой поделать. Она так долго молчала, что теперь должна была выговориться. - Но я все-таки еще верю в добро, а это много больше, чем то, на что способен ты! Мир, может быть, болен, но люди все же могут над ним подняться, им только нужен шанс. Сколько раз я могла сдать и стать таким же циником, как и ты, но я не сдалась. Я предпочла приспособиться к обстоятельствам по-своему. Прощать непросто, я знаю, но я также знаю, что если человек только и думает что о разрушении, то в конце концов

разрушится сам. На каждого дурного человека есть добрая сотня хороших...

Она замолчала, пораженная блеском его глаз, прикованных к ее взволнованному лицу и полыхающим глазам.

- Так ты считаешь, что все знаешь?

Слова были острыми, как нож.

- Нет, - сказала она устало, поняв, что стена непробиваема. - Я уже сказала, каждый из нас приспосабливается к обстоятельствам по-своему.

- В таком случае сделай одолжение и занимайся своими собственными делами, - холодно заметил он, - и попридержи свои теории при себе. Мои мысли - это мое дело. Но одной из них я все-таки с тобой поделюсь: мне кажется, что этот новый имидж не совсем тебе подходит. О чем вы там договорились с этой сладкой конфеткой, - он кивнул в сторону лестницы, - я не знаю, но не думайте, что вам удастся еще раз обвести меня вокруг пальца.

- Меня здесь не будет, и я не смогу водить тебя за нос, разве не так?

- упавшим голосом сказала Рия, отворачиваясь и глядя на далекие холмы. —Я оставлю тебя в покое при первой же возможности.

Если бы в этот момент она посмотрела на него, то заметила бы тень, скользнувшую по его лицу, и напрягшиеся губы.

- Может, Хочешь что-то от меня на память? - задумчиво спросил он и, прежде чем она догадалась о его намерениях, развернул ее к себе и прижался к ее губам в горячем, ослепляющем поцелуе. Знакомый запах его одеколona ударил ей в нос. Она сопротивлялась, напрягая все мышцы, но понимала, что борется прежде всего с собой.

- Ты не можешь Оттолкнуть меня, - пробормотал он, отпустив на секунду ее губы. - Что бы ты обо мне ни думала, ты хочешь меня - не так ли?

- Это было утверждением, а не вопросом. Он с силой прижал ее к себе, и она стала таять. Кровь застучала у нее в висках.

- Не надо! Оставь меня, - возмущенно зашептала она, но, почувствовав его губы на шее, на мочке уха, на закрытых веках, поняла, что проиграла. Когда он вновь припал к ее губам, она слегка застонала, и по телу ее пробежала дрожь. Его нарастающее желание передалось и ей, колени у нее задрожали, и, боясь потерять равновесие, она ухватилась за его широкую спину. Наслаждаясь сладким вкусом ее губ, он осторожно направлял ее в спальню.

Он перегнул ее в талии так, что она упала на мягкую кровать вместе с ним. Покрывая ее лицо обжигающими поцелуями, он гладил ее дрожащее тело, обращаясь с ней, как опытный музыкант со скрипкой.

Под его волшебными руками и губами она изгибалась, вскрикивая и задыхаясь от новых и новых обжигающих ощущений. Вдруг он замер, и в его прищуренных глазах, скользивших по ее телу в измятой одежде, появилось вопросительное выражение.

- Ты все еще хочешь уехать? - прошептал он в ее мягкие волосы, не прекращая ласкать ее. - Неужели ты думаешь, что кто-то другой может доставить тебе столько же удовольствия!

Рия содрогнулась от страсти. Единственной реальностью были его руки и губы. Жжение внутри все нарастало и нарастало, становилось учительным, и она бессознательно мотала головой из стороны в сторону.

Он опять припал к ее губам, и у нее перехватило дыхание. Ей казалось, что разгоревшийся внутри огонь вот-вот сожжет ее дотла, и когда он прижал ее к своему большому телу, она все повторяла и повторяла его имя, ища его губы.

Он слегка приподнялся на локте, и она даже застонала, глядя на него ничего не видящими глазами.

- Рия! - нежно прошептал он. - Мне надо знать. Я действительно буду первым? - Слова его с трудом пробивались сквозь поглотивший ее водоворот чувств. - Ответь мне: я буду первым?

Он настаивал, и она в оцепенении кивнула, чувствуя только свою ослепительную любовь к нему.

- Но разве могу я быть в этом уверен?

Он произнес эти слова как человек, ненавидящий самого себя, и, чертыхнувшись вполголоса, поднялся со смятой постели. Глубоко вздохнув, с кошачьей грацией он вышел на балкон.

Рия застыла, не веря, что он бросил ее, но когда трезвый рассудок вернулся к ней, принес с собой и отчаяние, она резко села на кровати и дрожащими руками поправила платье.

Какое холодное издевательство! Она вспомнила его вопросы, заданные шепотом, и сердце у нее остановилось. Он просто хотел убедиться, правду ли говорила Поппи о ее образе жизни и о том, что у нее не было мужчин. Но почему он не захотел получить главное доказательство? Щеки ее горели. Она понимала, что не смогла бы вовремя остановиться, в его руках она была как воск.

А может, она настолько неопытна, что представляет для него слишком легкую добычу, которой и гордиться-то нельзя по-настоящему? Какие мысли были в его холодной голове? Она посмотрела на темный силуэт за гонким тюлем и почувствовала себя настолько униженной, что ей хотелось лишь одного - чтобы земля разверзлась и поглотила ее. Он взял ее безропотную любовь и растоптал башмаками. Если он хотел наказать ее за обман, то добился такого успеха, какой не снился ей даже в кошмарном сне. Она оказалась настолько слабой, что сама зарядила ружье, из которого ее расстреляли.

Глава 6

Рии понадобилось все ее мужество, чтобы пересечь комнату и выйти к Димитриосу на балкон. Она была уверена, что выражение его лица будет презрительным и победоносным, но когда она с высоко поднятой головой и горящим лицом раздвинула занавески, то вдруг перехватила столь необычный для него - полный замешательства - взгляд. Димитриос быстро отвернулся. - Извини, - пробормотал он. - Это не было запланировано...

- Я не верю тебе, - сказала она срывающимся от боли голосом.

Подумать только, всего пару минут назад она чуть не отдалась этому грубому, жестокому человеку, который ненавидит ее всей душой! Да она, наверное, сошла с ума! Она не узнавала себя и опасалась, что стоит ему до нее дотронуться, как все повторится сначала.

- А что, ты думаешь, это было? - Он пронизательно на нее посмотрел. Какая-никакая месть за твою ложь.

- Рия зашлась краской, выдав себя с головой.

- Он нетерпеливо махнул рукой.

- Мне остается только сожалеть о том, что ты так плохо обо мне думаешь. Но, как бы тебе это ни показалось странным, сегодня я хотел познакомиться с тобой поближе. Теперь-то я понимаю, что все это бессмысленно, - горько сказал он. - Что касается Поппи, тут у меня нет выбора, придется принимать ее в свою семью, и я подумал, что, если мы расстанемся, не совсем разругавшись, нам будет легче в будущем. А это... - он кивнул в сторону спальни, - было злосчастной ошибкой.

Рия судорожно сглотнула. Ошибка, просто ошибка! Она ненавидела его. - Мне все это представляется в другом свете, - сказала она с болью в голосе.

- Черт побери! Ставки были не столь уж велики. Ничего не произошло. У тебя наверняка были сценки и погорячее.

Он словно чего-то ждал от нее с потухшим взглядом, но чего, она никак не могла понять.

- Так уж получилось, что со мной такое происходит впервые.

Эти слова дались ей с трудом. Его черные брови удивленно взметнулись вверх, и ей показалось, что он просто играет с ней в какую-то только ему известную игру.

- Ты хочешь сказать, что дожила до двадцати одного года - а ведь тебе двадцать один, хоть это правда? - (Она кивнула.) - Так значит, ты дожила до двадцати одного года, - продолжал он насмешливо, - сохранив все это очарование под покрывалом? Я не могу в это поверить.

- Мне все равно, веришь ты или нет, - с трудом выдавила она. - Я не обязана перед тобой оправдываться. Ты для меня - пустое место.

Она хотела сделать ему больно, чтобы увидеть хоть какой-то проблеск чувства на этом холодном, насмешливом лице, и когда смысл ее слов дошел до него, в глазах у него загорелись злые огоньки.

- Мне кажется, что чем быстрее ты уедешь, тем лучше будет и для тебя, и для меня, - сказал он с непроницаемым лицом. - Ты и так прошлась по нашим жизням, как ураган. Незачем... - Он оборвал себя на полуслове, увидев муку в ее мягких серых глазах. И выругался, шепотом, но от души. - Прекрати! - Димитриос взял ее за руки и слегка встряхнул: - Не смотри на меня так!

Он оттолкнул ее, будто она обжигала его, и выбежал из комнаты.

Рия стояла совершенно неподвижно, чувствуя, что уходит в небытие. Я больше этого не вынесу, горько подумала она. Он обращается со мной, как с игрушкой, подберет и бросит, где захочет. Надо уезжать.

Эта мысль не покидала ее все утро, длившееся целую вечность. После разговора с Димитриосом Никое и Поппи куда-то пропали, а Кристина дала Розе распоряжение не беспокоить ее. Димитриос тоже испарился, и она была ему за это чрезвычайно признательна.

Ей было бы очень трудно посмотреть ему в лицо после того, что произошло за последние двадцать четыре часа. Прогулявшись в одиночестве по пыльной, раскаленной от солнца скале, она вернулась около полудня. Роза подала ей ленч в комнату, и, перекусив, Рия решила немного отдохнуть. Видимо, она уснула и проснулась от легкого стука в дверь. К ее удивлению, в углах уже собирались вечерние тени.

- Войдите.

Она села на кровати, моргая от света. Дверь мягко открылась, и в комнату нерешительно вошла Кристина.

- Прошу прощения, я разбудила вас, дорогая. - Рия почувствовала облегчение оттого, что сестра Димитриоса еще разговаривает с ней. Ее даже удивило дружеское расположение Кристины. - Я сама недавно встала, вчерашний день оказался для меня значительно труднее, чем можно было ожидать.

Рия вскочила и сжала в ладонях холодную руку Кристины.

- Пожалуйста, поверьте, я никому не хотела причинить зла, - с тревогой произнесла она, чувствуя, что должна убедить Кристину в своих добрых намерениях. - Я просто хотела помочь Поппи, а в тот момент ничего лучшего мне на ум не пришло. Я понимаю, вы это считаете совершеннейшей глупостью, но мне действительно казалось, что так я облегчу ее положение.

- Димитриос уже объяснил мне цель своего визита в Англию, - медленно сказала Кристина с явным неодобрением. - Я считаю, что, несмотря на добрые побуждения, всю эту кашу заварил именно он. Он меня удивляет. Он, видимо, набросился на вас, стреляя из всех пушек сразу, простите за выражение.

Рия расстроено кивнула, и Кристина с явным раздражением покачала головой.

- Временами мне кажется, что отец наш еще жив, - еле слышно произнесла она. - Вообще он не тяжелый человек, что бы вы о нем ни думали. Где-то там, в глубине души, все еще живет тот Димитриос, которого мы когда-то знали. Но он заперт очень глубоко.

Рия безутешно на нее посмотрела.

- К сожалению, не мне суждено открыть этот волшебный ларчик. - Глаза у нее заблестели. - Мне кажется, он меня просто ненавидит.

- Не верьте этому, - живо возразила Кристина. - А вам бы хотелось открыть тот ларчик?

Вопрос был неожиданным, но Рия ответила не задумываясь, от всего сердца, не сводя глаз с изборожденного морщинами лица Кристины.

- Больше всего на свете... Но только не говорите ему об этом! - Разволновавшись, она схватила Кристину за руку. - Умоляю вас, Кристина, обещайте мне, что вы ему ничего не скажете!

- Ну, Рия. - Кристина покачала головой, и тут вдруг стало видно, что виски у нее седые. - Почему вы так переполошились?

- Вы должны мне это обещать, - настаивала Рия.

- Обещаю, - с неохотой сказала Кристина, и на лице у нее было написано сожаление. - Вы еще

такой ребенок, дорогая... Ваша кухня лучше приспособлена к жизни. Меня просто удивляет, что вы одного с ней возраста. Как бы то ни было, – она мягко сменила тему разговора, с пониманием и нежностью глядя на покрасневшие щеки Рии, – сегодня утром у меня с Димитриосом был долгий разговор. Я не одобряю того, что произошло, но ничего не поделаешь. Мой сын и ваша кухня должны пожениться как можно быстрее, насколько я понимаю.

Рия смотрела на нее обескуражено. Она ожидала, что Кристина будет потрясена, возмущена, а та говорила так, будто подобное случалось с ними каждую неделю.

– Не могли бы вы остаться здесь до свадьбы?

Рия растерялась. Остаться и жить бок о бок с Димитриосом?

– Н-не могу, – заикаясь, отказалась она. – Мне надо домой.

– Не хотелось бы нарушать ваши планы, но мне придется очень много сделать, и за очень короткое время. – В голосе Кристины слышалась просьба. – Если бы у меня был надежный помощник, с меня бы это сняло столько хлопот...

Рия вдруг вспомнила, зачем Димитриос приезжал в Лондон. Кристина больна. Конечно, одной ей будет очень трудно, а по собственному опыту Рия знала, что на помощь Поппи рассчитывать не приходится.

– Сколько это займет времени? – медленно спросила она, и Кристина с благодарностью и облегчением ей улыбнулась.

– Думаю, не больше месяца, – с надеждой в голосе проговорила она. Может быть, недель шесть.

Рия смиренно кивнула. Видимо, в ближайшем будущем ей отсюда не выбраться.

Обед прошел в натянутой обстановке. Поппи сидела с покрасневшими глазами, а Никое угрюмо молчал. Димитриос, как всегда, был не очень разговорчив, лениво переводя взгляд с одного лица на другое, и, только останавливаясь на Кристине, глаза его теплели. Кристина не дождалась кофе, сказав, что у нее болит голова. Рия тоже собралась встать из-за стола, но Димитриос остановил ее.

– Мне надо поговорить с тобой. – Его глаза медленно вобрали в себя ее лицо, задержавшись на мягких полураскрытых губах. – Пойдем в сад.

Как во сне, Рия послушно последовала за ним. Никое и Поппи остались за столом. От его взгляда губы ее горели, будто он поцеловал ее. Соберись, приказала она себе мысленно, раздраженная собственной слабостью.

– Для Кристины все это оказалось настоящим испытанием, хотя она и пытается это скрывать, – начал он без промедления, едва они уселись в бархатной темноте, все еще напоенной дневными запахами. – Мне бы не хотелось, чтобы она вконец себя извела. Ты не можешь остаться здесь на некоторое время и помочь ей?

Рия удивленно смотрела на него. В сумерках ее серые глаза казались огромными.

– Она тебе еще ничего не говорила?

- Что именно? - коротко спросил он с надменным видом.

- Сегодня вечером она уже просила меня помочь ей, - спокойно ответила Рия. - Я сказала, что останусь столько, сколько будет нужно.

На его щеке задергалась жилка, но больше ничто не выдало его волнения.

- Спасибо, - произнес он наконец довольно холодно. - Насколько я понимаю, на Поппи рассчитывать не приходится, - добавил он, слегка скривив губы.

- Что ты имеешь в виду? - осторожно спросила она, не отваживаясь показать ему, что он прав. - Со вчерашнего вечера очень многое прояснилось, скажем так, - холодно ответил он. - И теперь мне все понятно.

Рия догадывалась, куда он клонит. Она уже достаточно хорошо знала, что означает стальной блеск его глаз, и сразу вспомнила, в каком состоянии была ее кузина.

- С Поппи все в порядке, - слабо сказала она. - Временами несколько легкомысленна, но у нее доброе сердце.

- Так оно есть у нее? - насмешливо спросил Димитриос. - А когда нам будет дозволено взглянуть на этот феномен, хотя бы краешком глаза? - Она собралась было ответить, но он заставил ее замолчать, приблизившись к ней так, что ее предательское сердце тревожно забилося. - Есть такой порок - излишняя преданность, - спокойно сказал он, рассматривая ее лицо. - Мне казалось, что ты должна была бы уже об этом знать.

Рия, как загипнотизированная, смотрела на смуглое лицо над ней, не в состоянии произнести ни слова.

- Так ты pomoжешь Кристине?

На сей раз в его голосе не было приказа, только просьба и забота, и она тут же энергично закивала светловолосой головой, с трудом подавив желание дотронуться до смуглой загорелой щеки, где уже стала пробиваться черная щетина.

Он задумчиво погладил ее серебристые волосы, пропуская их сквозь пальцы. Как она ни старалась, ей не удалось сдержать дрожь - от его прикосновения она вся загорелась.

- Ты очень нежная.

Голос у него был с хрипотцой, и она не могла подавить в себе те странные ощущения, что он в ней вызывал. Он резко отодвинулся от нее и опустил руки.

- Как бы то ни было, на неделю я освобожу тебя от своего присутствия.

- Что? - не поняла она.

- Мне надо за границу по делам, - не вдаваясь в подробности, объяснил он. - Боюсь, что последние две недели за домашними делами я забыл о бизнесе. Больше я не могу откладывать.

Он повернулся к ней, и на его смуглом лице была ирония.

- Ты будешь скучать по мне? - Голос у него был язвительный, но с легким оттенком вопроса, который Рия не могла не заметить.

- Да, - просто сказала она, опуская глаза и страшась, что сказала слишком много.

Он прищурился.

- Нам надо кое-что выяснить, и мне, и тебе, - медленно произнес он с едва заметным блеском в глазах. - Но придется отложить это до моего возвращения. Пока же достаточно и этого.

Он склонился к ней, чего она, сама не отдавая себе отчета, так ждала все это время, и припал к ее губам в долгом поцелуе. Губы у него были твердые и теплые, он прижал ее к себе с такой сладкой нежностью, о существовании которой она и не подозревала. Этот поцелуй не был страстным. Просто обещание, вскружившее ей голову и тронувшее душу. Когда он оторвался от нее, она даже покачнулась и только тут заметила, что он держит руки в карманах, словно не доверяя себе самому.

- Я не хочу, чтобы ты меня боялась, - медленно произнес он, так тихо, что ей пришлось напрячь слух, чтобы не пропустить ни единого слова. Жемчужными зубками она прикусила нижнюю губу, и он задумчиво покачал головой, словно подтрунивая над самим собой.

- Невинность - дело серьезное, - сказал он вроде бы невпопад. Глаза ее округлились от удивления, и он слегка дотронулся до ее лица подрагивающими пальцами. Затем резко развернулся и, свистнув собакам, которые появились как из-под земли, пошел прочь.

Мне никогда не понять этого человека, с тоской подумала она. То он ненавидит меня, то вдруг...

- Это просто животное желание, - прошептала она в тихую ночь, подавляя в себе зарождающуюся надежду.

У него хороший аппетит, и он привык к тому, что любая женщина считает за честь, если он проглотит ее на закуску. Наверняка то, что сказала Поппи, правда, и ей уготована судьба лишь очередного развлечения. Единственное ее достоинство - некоторое сходство с его первой любовью.

- Заруби это себе на носу, дурочка, - прошептала она, изо всех сил стараясь удержать наворачивающиеся слезы. - Ты лишь новенькая в длинной цепи его романов. На следующее утро, когда она вошла в столовую, совсем не чувствуя себя отдохнувшей, Поппи, веселая и возбужденная, набросилась на нее:

- Привет, Рия! Давай, давай, соня, мы уже почти заканчиваем. Садись, завтракай. Здешний морской воздух пробуждает во мне волчий аппетит.

Рия взглянула на Никоса, снисходительно поглядывавшего на ее кузину.

Руки их были сплетены. Сегодня Поппи совершенно не походила на ту забитую, удрученную девчонку, какой была вчера. Причина ее радости очень скоро всплыла на поверхность.

- Димитриос сейчас повезет нас осматривать наш дом, - чирикала она радостно. - Это недалеко. Можешь поехать с нами, если хочешь.

Рия недоверчиво на нее посмотрела:

- Дом?

- Ну конечно! Не понимаешь? Четыре стены и крыша, чтобы можно было жить.

- Ты уверена, что вы можете позволить себе дом? – осторожно спросила Рия. – Может, квартира или...

- Это свадебный подарок!

Они вздрогнули, услышав знакомый рык, раздавшийся из соседней комнаты для отдыха. Рия перехватила взгляд Никоса.

- Он только лает, но не кусает, – тихо пояснил тот, пожимая плечами с некоторым недовольством.

- Но если укушу, будет больно, поверь мне.

Димитриос стоял в дверях, и на лице его не было и тени улыбки. В легком сером костюме и белоснежной рубашке, свежесбрившийся, загорелый, выглядел он умопомрачительно.

- Так ты поедешь, Рия? – равнодушно спросила Поппи, поднимаясь со стула, и Рия быстро покачала головой, чувствуя себя лишней. Они ведь явно собирались туда без нее.

- Конечно, поедет. Как вы думаете, кого я жду? – Димитриос явно хотел поставить кое-кого на место, и даже Поппи на этот раз все поняла. Покраснев, она уселась снова, а Димитриос продолжал: – После того как она позавтракает, конечно.

Сидя на высоком сиденье «лендровера» рядом с Димитриосом, Рия все смотрела и не могла наглядеться на поразительный здешний ландшафт и в то же время каждой клеточкой ощущала присутствие большого, спокойного и молчаливого человека рядом. Никое и Поппи пристроились на заднем сиденье, и Рия то и дело слышала приглушенные смешки и легкие вздохи. Она перехватила взгляд Димитриоса, и тот сухо улыбнулся.

- Может, попросим Никоса сесть за руль?

Она залилась густой краской, а когда он коротко хохотнул, окончательно смутилась. Опять! Ну почему так все время получается?

Под палящим солнцем зеленая трава уже начинала желтеть. Мимо неслись квадратные домики на коричнево-зеленых холмах. То и дело глаза ее ловили блеск спокойного, лазурного моря и белых пляжей, не обезображенных отвратительными небоскребами гостиниц. Она впитывала тепло и краски, счастливо вздыхая и потягиваясь, как маленький довольный котенок. Димитриос скосил на нее глаза и понимающе улыбнулся.

- Начинаешь радоваться жизни, – неторопливо сказал он с теплым блеском в глазах.

Через полчаса они остановились на окраине маленького цветущего городка. Через огромные деревянные арочные ворота вошли в сказочный дворик, вымощенный мозаикой из камней в традиционной изысканной греческой манере, и у Рии даже перехватило дыхание от восторга. Над двориком нависали виноград и бугенвиллеи, колючие груши протягивали к ним свои ветви. Старая каменная стена заросла лианами с яркими цветами, наполнявшими воздух экзотическим ароматом.

Димитриос открыл тяжелую деревянную дверь, и две маленькие пташки слетели на оконную раму и с любопытством принялись рассматривать пришельцев блестящими бусинками глаз.

- Неразлучники, - коротко прокомментировал Димитриос, заметив ее вопрошающий взгляд, и с насмешкой поглядел вслед Никосу и Поппи, заходившим в дом. - Как по заказу, да?

- Не понимаю, когда ты говоришь серьезно, а когда смеешься, - заметила Рия и пошла следом за молодой парой. Он остановил ее, осторожно прикоснувшись к ее руке.

- Я с удовольствием научу тебя, - предложил он, наблюдая, как краска заливает ее скулы. - Мне начинает казаться, что это возможно, - тихо прошептал он, скользя кончиком указательного пальца по ее гладкой щеке и дальше вниз, к горлу, где от его прикосновения забила жилка.

- Не надо, пожалуйста.

Ей было много труднее перенести его нежность, чем его жестокость. Когда он бывал нежен, ей казалось, будто она что-то потеряла, не успев приобрести.

Лицо его напряглось, и он тут же отстранился.

- Хорошенькое гнездышко, ты не находишь? - насмешливо спросил он. Здесь они смогут воевать вдали от посторонних глаз.

Его цинизм задел ее, и ей показалось, что именно этого он и хотел.

- Неужели тебя вообще ничего не трогает? - устало спросила она, жалея, что корка льда вокруг его сердца непробиваема. - Естественно, они будут ругаться иногда, но большую часть времени они будут счастливы. Неужели тебе самому не хочется жениться и иметь детей? Делиться всем с близким человеком?..

Что-то вспыхнуло в глубине его глаз, но тут же погасло, и, развернувшись, он пропустил ее вперед себя.

- Иди, - хрипло сказал он.

Когда Рия подошла к Никосу и Поппи, те просто места себе не находили от счастья, их молодые лица светились удовольствием. Совсем недавно дом был полностью отремонтирован, и вся отделка была светлая и современная. Маленькая, компактная, не полностью оборудованная кухня - веселая ванная в дальнем конце дома, а по двум крутым узким лестницам можно было подняться в две большие спальни, выдержанные в пастельных тонах; в одной из них стояла кровать на традиционно высокой платформе. Прямоугольный зал на первом этаже выходил в маленький садик с цветами и кустарниками в горшках ручной росписи. Дом дышал радостью.

- Нравится? - Димитриос посмотрел Поппи прямо в лицо. Она быстро развернулась, подняв руки, чтобы обнять его за шею, но внезапно замерла. Рия прекрасно понимала, что чувствует ее столь непосредственная кузина. Она и сама не знала, смогла бы приникнуть к нему без разрешения или нет. - Великолепно, - едва слышно произнесла Поппи. Никое тоже кивнул.

- Тогда пойду закончу формальности.

Димитриос вышел и по пыльной дороге направился к побеленным домам в отдалении. Рии он показался очень одиноким.

- Ты оскорбляешь его чувства, - сказал Никое неожиданно строго.

- Не будь дурачком, - возразила Поппи, защищаясь и глядя на Рию в ожидании поддержки. - Нет у него никаких чувств. - Поппи!

Слово это прозвучало как выстрел, и на какое-то мгновение Никое стал похож на своего дядю. Слезы тут же навернулись у Поппи на глаза, а Никое отошел к двери, глядя вдаль, где Димитриос разговаривал с маленькой согбенной старушкой в черном.

- Ты ничего о нем не знаешь, - медленно произнес Никос, не поворачиваясь. Рии показалось, что говорится это не только для Поппи. - Он как устрица: твердая оболочка, а внутри мякоть, в которой скрывается жемчуг. Поппи хихикнула.

- Ну что ты, Никки, - презрительно и резко сказала она. - Какая уж тут мякоть после вчерашнего разговора. За всю жизнь со мной еще никто так не разговаривал.

- Значит, давно было пора!

Рия выпалила это, не подумав, и тут же пожалела о сказанном: глаза у Поппи сузились, а губы сердито поджались.

Никое повернулся к Рии.

- Димитриос столько сделал для деревни! - Он говорил быстро, но приглушенно. - Построил аптеку и оплачивает врача, который приезжает сюда три раза в неделю из Марфоса. Во всех домах за его деньги сделали ванны...

- Меня незачем убеждать, - мягко остановила его Рия. - Я ему не враг. Никое покачал головой.

- Нет, ты послушай, я хочу, чтобы ты поняла! - За его спиной насмешливо фыркнула Поппи, но, бросив на свою невесту испепеляющий взгляд, Никое взял Рию за руку и вывел во двор, где в золотистом воздухе стоял аромат тысячи летних дней. Через открытую дверь они смотрели вслед Димитриосу, который шел за маленькой старушкой в ее дом. Никое усадил Рию рядом с собой на деревянную скамейку, стоявшую возле старой стены.

- Знаешь, откуда у нас столько собак? - неожиданно спросил он, и Рия удивленно подняла на него глаза. Какое отношение имеют собаки к тому, что ей следует знать о Димитриосе?

- Кроме маленьких вечно голодных дворняжек, рыскающих возле рыбацких лодок, других собак здесь не найдешь, - не торопясь продолжал Никое. - В Греции мало кто держит домашних животных. Несколько лет тому назад, когда я еще ходил в школу, сюда переехала француженка, старушка, и у нее был целый дом кошек и собак. Когда она умерла, явились ее родственники и продали дом, но о животных никто не подумал. Они бегали по округе в поисках пищи, и однажды самую большую собаку убили. Когда дядя об этом узнал, он собрал всех оставшихся и привез их домой.

Никое наморщил свой греческий нос.

- Мать была вне себя, но ей пришлось смириться. Теперь она возражает только тогда, когда какой-нибудь кошке взбрет в голову оставить ей на кровати подарочек в виде дохлой мыши.

Рию передернуло.

- Как-то она спросила Димитриоса, зачем он это сделал, и вы знаете, что он ответил?

Голубые глаза, столь похожие на глаза его дяди, словно гипнотизировали ее.

- Нет.

- Он сказал, что никого нельзя лишать надежды.

Рия смотрела на него остановившимся взглядом, и внутри у нее все переворачивалось, когда она думала о том, что стоит за этими словами...

- Она сейчас расплатится.

Бас был явно недовольный, и когда они обернулись, Рия заметила, что улыбка, играющая на губах Димитриоса, не освещает его глаза.

Никое неуверенно смотрел на дядю, явно смущенный. Но лицо Димитриоса вдруг потеплело.

- Иди скажи своей возлюбленной, что дело уже запущено и будет закончено через месяц. Женщина, которая присматривает за домом, говорит, что хозяева хотят оформить сделку как можно быстрее.

- Спасибо, Димитриос.

Никое говорил сдержанно, но глаза его светились от радости. Димитриос подошел к нему и потрепал по плечу.

- Постарайся быть счастливым, мой мальчик, - пробормотал он в его черные волосы и слегка подтолкнул к дому, словно стесняясь своих чувств. - Заканчивайте поскорее, - добавил он вслед уходящему Никосу. - У меня мало времени.

Он подошел к скамейке, где только что сидел Никое, и, с усталым вздохом опустившись рядом с Рией на теплое дерево, закрыл глаза. Все замерло. Из дома не доносилось ни единого звука, и только монотонное жужжание насекомых в листве нарушало сонную тишину. Рия отважилась взглянуть на него из-под опущенных век. Он сидел с закрытыми глазами, и его красивое лицо казалось уставшим, а вокруг рта и глаз белели морщинки.

Даже в этом безупречном костюме и туфлях ручной работы он был похож на разбойника. Рия без труда представила себе, точно в кино, как на вороном жеребце он врывается во главе своей шайки в поселок, чтобы все перевернуть там вверх дном...

- Ты одобряешь?

Низкий голос ворвался в ее мысли так неожиданно, что на мгновение ей показалось, будто он прочитал их, и она ужаснулась.

- Одобряю?..

Слава Богу, что эти пронизательные глаза не видят, как она опять залилась краской.

- Дом, - терпеливо пояснил он. - Тебе нравится?

- Как он может не понравиться? - Голос у нее был нежный. - Прекрасное гнездышко, Димитриос. Ты так добр к ним.

После разговора с Никосом она уже не сомневалась, что Димитриос очень одинок.

- Я не совсем лишен чувств, знаешь ли. - Голос его был сух, глаза открыты. - Счастье моего племянника для меня очень важно.

- А твое? - отважилась она, ожидая немедленного отпора. - Ты когда-нибудь думал об этом?

- Может, даже больше, чем следовало бы, особенно в последнее время. — Слова эти дались ему с явным трудом, и он заерзал на скамейке и случайно задел бедро Рии, отчего у нее мурашки побежали по коже. Он повернулся к ней с тем самым странным блеском в глазах, который она однажды уже видела. - Ты даже не представляешь себе, как может горечь перекорезить душу, малышка. Вчера ты была совершенно права, хотя и не подозревала об этом. Она может точить и точить человека изнутри до тех пор, пока что-то не исчезнет у него из души. То, что никогда уже больше не восстановится. Молодости - молодость.

Рии показалось, что она теряет нить разговора, упускает что-то жизненно важное. В его голосе было столько грусти, а она не знала, как ему помочь.

- Вчера мне следовало бы попросить у тебя прощения за тот вечер, когда объявились Никое и Поппи, - неожиданно сказал он. - Я, собственно, затем и шел к тебе, а потом...

Рия стала пунцовой, вспомнив свое жгучее желание и их объятия.

- Ничего страшного, не извиняйся, - быстро пролепетала она. - Я заслужила то, что получила. Да к тому же я не поняла и половины из того, что ты говорил.

Он внимательно на нее посмотрел, и в его взгляде было удивление, а потом тихо и с удовольствием рассмеялся.

- Ты хочешь сказать, что все мои усилия были напрасны?

Он опять подсмеивался над ней, но теперь это было неважно. Он повеселел, и это было все, что имело значение. Ох, как же я тебя люблю! - подумала Рия, опуская голову и пряча лицо за опустившимися волосами. Может, все-таки есть шанс? Она могла бы любить за них обоих...

- Не меняйся, Рия, - сказал он хриплым голосом, поцеловав ее в волосы и поднимаясь. - Я только-только поверил, что ты настоящая. Не меняйся. Он встал и посмотрел на часы - золотые часы на загорелом запястье.

- Черт побери, Никое, пошевеливайся! - громко позвал он, и от его нежности не осталось и следа. - Я уже должен быть на заводе.

Они забрались в «лендровер», и Димитриос не оторвал больше глаз от дороги, мчась во весь опор. Через десять минут они подъехали к массивным заводским воротам, за которыми тянулись длинные ряды строений. Вдоль восьмифутового забора из колючей проволоки ходили охранники с собаками. Солнце ослепительно блеснуло на воротах, и Димитриос остановил машину в клубах пыли. Быстро вытащил из-под сиденья черный кожаный портфель и ловко выскочил из машины.

- Забирай, - улыбнулся он Никосу, кивая на машину. - Если все будет в порядке, я вернусь через неделю в это же время.

Он обошел машину, и на мгновение Рии показалось, что он так и уйдет, не сказав ей ни слова на прощанье. Но он медленно открыл дверцу.

- Выйди на минутку. - Он протянул ей бронзовую руку и помог выйти.

Лицо у него было непроницаемо серьезным.

Она нетвердо ступила на землю, едва достав ему до плеча, и он отвел ее за машину, чтобы те двое не могли их видеть.

- Я слушаю.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и ветер слегка теребил ее серебристые волосы.

- Меня не будет неделю, - повторил он с хрипотцой в голосе.

Они смотрели друг на друга всего лишь мгновение, но оно показалось ей вечностью. Он бросил портфель на песок и обнял ее.

- Я не имею права тебя любить, ни малейшего, - пробормотал он нежно, едва касаясь ее губ. Почувствовав, как ее губы раскрылись, он припал к ней в поцелуе, нежно и крепко прижимая ее к себе.

В конце концов она полностью отдалась его власти. Она поднялась на цыпочки, чтобы обнять его за шею, и неожиданно он оторвал ее от земли, прижимая и прижимая к себе так, что она уже едва дышала.

- Я хочу тебя съесть, - простонал он. - Ты понимаешь, что ты со мной делаешь?

Слова эти заставили ее вздрогнуть, но тут же где-то в глубине души в ней заговорил осторожный голос: полегче, девушка, полегче. Всего лишь два дня назад он приказал тебе убираться из его жизни. Ну и что? - запальчиво ответила она. Ну и что? Я приму все, что он дает мне сейчас, а потом будь что будет.

Осторожный кашель напомнил им, что они не одни, и Димитриос с неохотой поставил ее на землю.

- Позаботься о Кристине.

Наклоняясь за портфелем, он еще раз украдкой поцеловал ее и, уходя, обернулся.

Едва он вошел в ворота, как вокруг него образовалась целая толпа. Он стал отдавать приказания, точно военный, и его твердый и ровный голос перекрывал все остальные, как клетот орла заглушает чириканье воробьев. Она стояла и смотрела и улыбалась своим мыслям, пока он не исчез из виду. Когда она в последний раз увидела его черноволосую голову, возвышавшуюся над остальными, к горлу ее подкатил ком, хотя она и сама не знала почему.

Будущее пока еще было в тумане. Он ничего ей не обещал, да, может, никогда и не пообещает. Но одно она знала наверняка: она останется здесь, в этой чужой для нее стране, рядом с любимым человеком до тех пор, пока он не прикажет ей уйти.

Глава 7

Следующие несколько дней прошли в беспрестанных хлопотах. Через два дня настойчивых уговоров Рии удалось уложить Кристину в постель. Ее напугали бледное лицо и дрожащие руки пожилой женщины, и она попыталась как можно точнее исполнить обещание, которое

мысленно дала Димитриосу.

- Инструкции вы можете давать и отсюда, - сказала она Кристине, укутывая ее в одеяло, словно ребенка. - Нам нужен человек с ясной головой, кто бы мог все координировать.

Позабывшись о Кристине, она целиком отдалась подготовке к свадьбе, так ей было проще пережить разлуку с Димитриосом. Вечерами она с облегчением бросалась в кровать, слишком измученная, чтобы о чем-либо думать. На третий день Димитриос позвонил Кристине вечером в ту редкую минуту, когда Рия позволила себе немного расслабиться и выпить с ней стакан вина. Золотистые лучи предзакатного солнца окрашивали комнату в янтарные тона.

Брат и сестра о чем-то быстро поговорили на своем языке, и уже под конец разговора Кристина упомянула Рию. Лицо у нее вытянулось, когда она положила трубку.

- Что я еще натворила? - спросила Рия полушутя-полусерьезно. Кристине едва заметно пожала плечами, явно не желая говорить.

- Вы сказали ему, что я у вас? - настаивала Рия, и когда пожилая женщина медленно кивнула, острая боль пронзила Рии грудь. Так, значит, он даже не захотел с ней поговорить? С глаз долой - из сердца вон?

- У него кто-то был, дорогая, - объяснила Кристина, расстроенная болью, промелькнувшей в глазах девушки. - Ему было неудобно говорить. Рия кивнула, пытаясь придать своему лицу обычное выражение, чтобы не расстраивать Кристину.

- Он очень занятой человек, - сказала Рия просто, сама удивляясь тому, как естественно звучит ее голос. Кристина с благодарностью согласилась, радуясь тому, что неприятный момент остался позади.

Дела вновь закружили Рию, и она постаралась не вспоминать о том случае. У нее и без того хватало забот. Тем не менее в ней все-таки зародилось какое-то сомнение.

Прошла неделя, и Поппи полностью доказала, что она только всем усложняет жизнь. В первые недели беременности она не очень хорошо себя чувствовала и цеплялась ко всем по любому поводу. Даже Никое начал сердиться, да и Рия несколько раз едва на нее не накричала.

Как-то перед обедом они сидели на веранде и пили аперитив, а собаки с недовольным видом лежали вокруг стола. Они ждали хозяина, и Рия их понимала. Она и сама чувствовала себя как побитая собака с опущенными ушами и поджатым хвостом.

- Пойдемте к заливу, выгуляем собак, - неожиданно предложил Никое, после того как Поппи трижды тяжело вздохнула на протяжении полминуты. —Взбодримся.

- Идите, - поддержала их Кристина. - До обеда еще целый час.

Вечернее небо посерело, как олово, пока они бродили по кромке воды, разговаривая и прислушиваясь к мягкому шелесту волн. Рия потихоньку расслаблялась. В последнее время она постоянно была на взводе. Может, с приездом Димитриоса все изменится? Никое и Поппи шли рука об руку, и Рия завидовала им, все вспоминая и вспоминая большого смуглокожего мужчину, которого она так и не научилась понимать.

Когда они уже подходили к вилле, потянул свежий ночной ветерок и на небе высыпали сотни маленьких алмазиков. Они вошли через садовые ворота, смеясь над какой-то шуткой Никоса.

Неожиданно собаки наострили уши и, вдруг залаяв, как сумасшедшие бросились вверх по саду.

- Димитриос вернулся, - сказал Никое, и Рия порадовалась тому, что темно и никто не увидел, как она вспыхнула. Сердце рвалось у нее из груди, и она почувствовала себя пятнадцатилетней школьницей, в страшном волнении идущей на первое свидание.

На какой-то миг, еще до того, как Димитриос появился в открытой двери, ею овладело какое-то роковое предчувствие, и она задержалась, не спеша за Никосом и Поппи, поднимавшимися по тропинке. Сначала она услышала его голос - он успокаивал собак, - а затем он и сам появился в арочной двери, придерживая за талию высокую стройную рыжеволосую девушку в плотно облегающем черном платье, выгодно подчеркивающим все ее достоинства.

- Кристи! - воскликнул Никое так, что даже Поппи остановилась. Когда Рия подошла к кухне. Никое уже кружил пронзительно визжавшую девушку.

- Кто это? - с трепетом спросила Поппи. - Посмотри на ее волосы и на ее ноги.

Рия посмотрела, и ей стало зябко на теплом ветерке. Кто бы она ни была, с Димитриосом она в отличных отношениях. Никое подхватил ее и понес к двери, а Димитриос смотрел на них со спокойной улыбкой.

- Веди себя прилично, Никое, - предупредил он, смеясь. - Тебе бы следовало знать, что Кристи может и врезать!

- Ну что ты! - надула она губки, и Никое пронес ее мимо Димитриоса прямо в дом.

- Познакомьтесь, это Кристи, - сказал Димитриос, задержав взгляд на Рии.

Поппи воспользовалась этим, чтобы прошествовать мимо него: губы ее были плотно сжаты, а плечи вызывающе расправлены. Из дома послышался визг. Когда Рия пошла следом, Димитриос взял ее за руку и заставил посмотреть на него.

- Спасибо за все, что ты сделала, - мягко сказал он. - Кристина говорит, что ты работала до упаду.

- Еще много осталось, - дрогнувшим голосом ответила Рия, взволнованная его взглядом и чувствуя себя карликом по сравнению с ним. Она уже и забыла, как он высок и мужествен.

- Время есть, - успокоил он. Крепко держа ее за руку, он еще что-то хотел сказать, но тут сочный женский голос с явным американским акцентом произнес:

- Димитриос... дорогой, ты так и не познакомил меня с твоей подружкой.

К дверям подплыла рыжеволосая красавица, ее зеленые глаза переливались радугой под лучами маленьких лампочек, развешанных по всему саду.

- Кристи, познакомься, это Рия. Рия, это Кристи, - кратко представил их Димитриос и повел в дом.

- Как поживаете? - устало улыбаясь, спросила Рия, встретившись с холодным взглядом зеленых глаз.

- Прекрасно, правда, дорогой? - рассмеялась Кристи, разворачиваясь перед Димитриосом так,

что ему пришлось подхватить ее. – Видите?

Взгляд, который она бросила на Рию, был вызовом, смысл которого могла понять только женщина, а Димитриос, не чувствуя подвоха, шлепнул ее по мягкому месту и осторожно поставил на ноги.

– Веди себя прилично, ты, развратная женщина, – пошутил он. – А то придется тобой заняться.

– Ой, займись, пожалуйста, – противно захныкала Кристи.

Изогнутые брови Поппи взметнулись вверх, и, увидев брезгливое выражение на лице кузины, Рия успокоилась. Но стоило Кристи властно взять Димитриоса и Никоса под руки и повести их в столовую, оставив Поппи и Рию позади, как она опять встревожилась.

– Ну и баба! – зло прошипела Поппи ей на ухо, когда они пошли вслед за всеми. – Кто это?

– Понятия не имею, – тоскливо ответила, так же шепотом, Рия, от всей души соглашаясь с характеристикой, данной ее кузиной, но сознавая, что эта Кристи чрезвычайно хороша собой. Она, видимо, старше, чем сначала показалось Рии, – лет двадцати пяти. Но кожа у нее безупречно белая, а зеленые глаза сверкают, как изумруды. Длинные вьющиеся рыжие волосы, спускающиеся чуть ниже плеч, лежат совершенно естественно, да и фигура что надо, со всеми нужными изгибами...

За стаканом отличного старого шерри выяснилось, что Кристи какая-то дальняя родственница Кутсуписов. – Седьмая вода на киселе, – заметила она, не спуская с Димитриоса многозначительного взгляда. – Мы узнали о существовании друг друга всего лишь несколько лет назад, так ведь, дорогой? – промурлыкала она, томно взмахнув рукой, усаженной сверкающими камнями.

– Я был в Америке по делам, – объяснил Димитриос Поппи и Рии, чувствуя себя не в своей тарелке – Кристи села так близко к нему на софе, что почти прижалась к нему коленями, да еще и поглаживала время от времени его руку легкими пальчиками. – Кристи тогда переживала не лучшие времена, и тетка попросила меня отыскать ее, – сказал он уклончиво. Кристи же не собиралась ничего утаивать.

– Мы ведь среди друзей, дорогой, – проворковала она сладко, настолько явно заигрывая с ним, что Поппи не удержалась и коротко фыркнула Рии в плечо. – Димитриос говорит о моем жутком разводе, а он тогда был как раз в самом разгаре, – объяснила она специально для Рии, цепко держа ее своим зеленым взглядом. – Мой бывший оказался очень тяжелым человеком, и мне нужно было плечо, на которое я могла бы опереться. Димитриос как раз мне такое плечо и подставил.

– Я сделал что мог, – сказал Димитриос, словно хотел положить конец этой теме.

Кристи игриво скосила глазки.

– И так хорошо-о... – промурлыкала она со столь откровенным подтекстом, что все смущенно потупились. Димитриос поторопился пригласить всех к столу.

– Я больше не могу, – пробормотала Поппи на ухо Рии. А Кристи тем временем полностью завладела разговором, умело выволакивая на свет Божий воспоминания, которые оставляли сестер вне общего разговора. – Прямо как вампир из старинного фильма ужасов!

- Кем бы она ни была, они ведь не возражают, - в отчаянии прошептала ей Рия, глядя на двух мужчин, снисходительно улыбававшихся какой-то шутке Кристи.

Было ясно, что умная и красивая американка в прошлом была для Димитриоса больше чем просто другом, а может, и сейчас еще таковой остается. Как знать?

Нескончаемый вечер тянулся очень медленно. Когда наконец стали прощаться у лестницы, Димитриос отвел Рию в сторону.

- Я сказал Кристине, чтобы завтра она не вставала. - (Рия кивнула.) Извини, сегодняшний вечер не был очень веселым.

- Все в порядке, - с прохладцей сказала Рия, решив не показывать ему, насколько ее ранило то, что он весь вечер провел с Кристи. - Я приехала сюда не развлекаться.

- Кристи всего на пару дней, - как бы извиняясь, сказал он, хотя глаза его чуть потемнели. - Она просто слишком возбуждена сегодня. Она не была у нас уже несколько месяцев. Вот мы и заболтались.

- Да? - с легкой иронией переспросила Рия, не понимая, как этот в обычной ситуации очень проникательный человек не замечает явного недоброжелательства по отношению к ней со стороны другой женщины. - Впрочем, меня это не касается.

Не в силах выдержать его взгляд, она отвернулась, стараясь придать лицу самое обыденное выражение. В это время раздался сладкий американский голосок:

- Спокойной ночи, Рия. Я была так рада с вами познакомиться. Завтра поболтаем и познакомимся поближе.

- Спокойной ночи, Кристи, - осторожно ответила Рия, заметив на себе ее любопытствующий взгляд. - Боюсь, что завтра я буду занята до самого вечера приготовлениями к свадьбе, но, если хотите, можете к нам присоединиться.

Зеленые глаза блеснули.

- Ничего страшного. - Голос был наигранно веселым. - Я не сомневаюсь, что мне удастся уговорить Димитриоса взять отгул и составить мне компанию. Какой смысл в деньгах, если не можешь ими воспользоваться, хотя бы иногда?

Димитриос хмуро покачал головой.

- Это невозможно, Кристи. Меня не было целую неделю, и тут накопилась уйма дел. Рия будет тебе благодарна за помощь. К тебе это тоже относится, Поппи. Пора и тебе немного поработать.

Поппи молча бросилась вверх по лестнице, всем своим видом давая понять, что она думает обо всем этом вечере. Кристи лишь с большим трудом удалось удержать на лице вежливую улыбку.

- Но ведь я и видела тебя всего лишь несколько часов, да и то в самолете, - запротестовала она с молящими нотками в голосе. - За целую неделю мог бы найти для меня пару часов. - Кристи, я был в Америке по делам, - терпеливо объяснил Димитриос. Я работал с семи утра до позднего вечера. У меня просто не было времени. - О'кей, дорогой, - капитулировала вдруг Кристи, с сияющей улыбкой взяла его под руку и потащила вверх по лестнице. - Я прощаю, но

придется тебе это компенсировать. Только работа и никакой жизни... – Она бросила на Рию хитрый, как у лисицы, взгляд. – Скажите Розе, что я буду завтракать у себя в комнате, хорошо, дорогая?

Всего за несколько часов она низвела меня до положения служанки, сердито подумала Рия, передавая просьбу Розе, которая явно не обрадовалась. Но эта женщина знает, что делает. Так ловко манипулировать людьми!.. Следующее утро задало тон всем последующим дням. Шокировав всех присутствующих, Кристи спустилась к завтраку в пеньюаре, но с прекрасным макияжем, а как только мужчины отправились на завод, она тоже пропала. В полдень она вновь объявилась, посидела с Кристиной за ленчем, а затем принялась бродить по саду и по дому, листать иллюстрированные журналы и совсем загоняла Розу, то и дело приказывая принести охлажденный напиток. Одета она была безупречно, ни один локон не выбивался из прически, и всякий раз, стоило ей увидеть стройную фигурку Рии, глаза ее начинали холодно блестеть.

Поппи и Кристи сразу пришли к молчаливому соглашению не замечать друг друга, но по какой-то причине Кристи не хотела оставлять в покое Рию. Враждебные зеленые глаза следовали за Рией повсюду, но особенно досаждали острый язык и «полезные» советы, произнесенные бархатным голоском.

– Думаю, вы должны быть страшно благодарны Димитриосу. Ведь он позволил вам отплатить ему за его щедрость, хотя бы немного, – протянула она в первый день, когда Рия, хмурая лоб над греческими названиями, ставила галочки в списке подарков к свадьбе.

– Что вы имеете в ВИДУ? – спокойно спросила Рия и медленно вдохнула, чтобы удержать себя в руках.

Кристи перегнулась к пепельнице через спинку канапе и, стряхивая пепел с сигареты в длинном мундштуке и одновременно любуясь своими тонкими пальцами с красными наманикюренными ногтями, произнесла злорадно:

– Я прекрасно понимаю, как ужасно вы себя чувствуете после того, как ваша маленькая кухня так ловко охмурила Никоса. Да потом еще задержаться здесь на бесконечный отпуск, неделя за неделей...

Все это было так далеко от истины, что Рия смотрела в красивое ехидное лицо совершенно безучастно.

– Совсем не так, – наконец выдавила она. – Никое и Поппи любят друг друга, и Димитриос попросил меня остаться, чтобы помочь.

– Да что вы? – Кристи уничижающе усмехнулась и опять принялась листать журнал, раздраженно переворачивая страницы.

Вечера были еще более несносными. Как только Димитриос возвращался домой, Кристи прилипла к нему и не отходила ни на шаг, обвиняя его, как вьюн, и, драматично вздыхая, разыгрывала невероятную усталость. После того первого памятного вечера Рия всячески избегала Димитриоса, укрываясь у себя в комнате сразу после ужина и не выходя по утрам до тех пор, пока во дворе не раздавался звук мотора его машины. После его возвращения она как оцепенела – срабатывал инстинкт самосохранения. Всю первую ночь она проплакала, с трудом заснув, а теперь существовала как бы в подвешенном состоянии. Она понимала, что тем самым только льет воду на мельницу Кристи, но ничего не могла с собой поделать.

Ей казалось, что он ничего не замечает, но на четвертый вечер, когда она уже собиралась спать, вдруг раздался легкий стук. Решив, что это Роза с обычным стаканом молока на ночь, на чем так настаивала Кристина, считавшая, что она слишком похудела, Рия набросила легкий халат прямо на голое тело и подбежала к двери. Димитриос стоял в угрожающей позе, руки на поясе.

- Мне надо с тобой поговорить.

Он прошел в комнату, и Рии почудилось, что его костюм пахнет духами Кристи. Она закрыла дверь.

- И так? - Он стоял лицом к ней, угрюмый и угрожающий, со скрещенными на груди руками и прищуренными глазами. - Сама расскажешь или мне надо вытягивать из тебя? Что, собственно, происходит?

- Не понимаю, о чем ты, - вызывающе солгала Рия, чувствуя, что ее подташнивает от тяжелого запаха духов. - В самом деле? - Его стальные глаза сердито смотрели на легкую фигурку девушки, стоявшей перед ним с высоко поднятым подбородком. - Значит, я все придумал? - Она молчала, и он нахмурился. - Послушайте, леди, я не уйду отсюда до тех пор, пока вы мне не расскажете, почему ретируетесь, как насмерть перепуганный кролик, всякий раз, когда меня видите. Рия сразу обиделась от нелестного сравнения.

- Кристи говорит, что ты слишком усердствуешь. Это правда?

- Нет, - сердито ответила Рия. - Почему бы ей не держать свое мнение при себе?

- А что ты так взбесилась? - Он провел рукой по черным волосам. - Она просто хочет помочь.

- Что ж, это ее первая помощь с тех пор, как она здесь объявилась! Произнеся эти слова, она тут же поняла, что только губит себя такой сварливостью.

- Послушай, я же вижу, что-то не дает тебе покоя, и я должен знать, что именно. - Терпение его явно истощалось, и голос начал вибрировать. - Когда я уезжал, мне казалось, что между нами все прекрасно, и вот я возвращаюсь и...

Едва он вспомнил о том времени, на которое она возлагала так много надежд, как весь ее бойцовский пыл тут же испарился. Она скорее умрет, чем сознается ему в том, что разрывается на части, когда видит его с Кристи. Никогда она не доставит ему такого удовольствия.

- Со мной все в порядке. - Голос ее звучал отчужденно. - Если я не хочу проводить каждую минуту своей жизни в твоей компании, то это еще не значит, что со мной что-то не так. Ты, конечно, неотразим, но не настолько.

- Ушам своим не верю! - Он был очень сердит и слегка сбит с толку. Да кто тебя заставляет проводить со мной каждую минуту?

- Уж ты-то - никогда, - бросила Рия, не заботясь о логике. Она понимала, что говорит глупости, но уже закусила удила. - А я бы и не согласилась, даже если бы ты и попросил!

- Точно?

Он иронично поджал губы и, прежде чем она разгадала его намерения, сгреб ее в охапку и со

всей страстью припал к ее губам. На какое-то время она была парализована, но потом ею овладела дикая ярость. Нет! Больше это не повторится! Да кто дал ему право целыми днями не обращать на нее внимания, а потом считать, что она с благодарностью бросится к нему в объятия, стоит ему только вспомнить о ее существовании?

Она пнула его ногой в голень, и он поморщился от боли, но только сильнее прижал ее к себе. Она продолжала бороться, стуча кулаками по его железной спине. Его губы раздирали ее губы, точно наказывая, и она даже почувствовала привкус крови.

Только когда он толкнул ее на мягкое покрывало кровати и встал подле нее на колени, неровно дыша и железной хваткой сведя ей руки над головой, она сообразила, что халат упал у нее с плеч. Его горящие глаза заскользили по лежавшему перед ним телу, и она зажмурилась, не желая видеть, что произойдет дальше. По щеке ее стекла одинокая слеза, но она не проронила ни звука, не собираясь унижаться до вымаливания пощады.

Прошло несколько бесконечных секунд, и он мучительно застонал, отпустив ее руки. Она свернулась калачиком, чтобы он не мог видеть ее наготу, не открывая глаз, и вдруг почувствовала, как он пальцем дотронулся до ее слезинки.

- Что ты со мной делаешь? - хрипло пролепетал он с такой ненавистью к себе, что она перестала понимать его.

Он завернул ее в халат, посадил на кровати и прижал ее голову к своей груди, и биение его сердца оглушило ее. От смущения и испуга она не сопротивлялась. Он встал и хмуро на нее посмотрел. Она была бледна как смерть, ее дрожащие губы кровоточили.

- Я не буду оскорблять тебя, извиняясь за такое поведение, - медленно сказал он полным боли голосом. - Я только могу сказать тебе, что я глубоко сожалею о происшедшем, и пообещать, что ничего подобного никогда больше не повторится. Если ты считаешь, что тебе лучше уехать в Англию, я могу заказать билет хоть на завтра.

Не поднимая головы и не открывая глаз, она пробормотала:

- Я сдержу слово и останусь до свадьбы.

Он ушел, и она открыла глаза. Комната была пуста, как и ее сердце, в котором когда-то жила любовь к нему. Она никогда не простит его, никогда.

На следующее утро, увидев ее распухшие губы и темно-фиолетовые круги под глазами, проступавшие даже из-под крем-пудры, Кристина не проронила ни слова. Но Рия поймала на себе ее озабоченный взгляд.

За завтраком она узнала, что рано утром Димитриос уехал на два дня на какой-то остров и забрал Кристи с собой.

- Неожиданное решение, - заметил Никое с явным неодобрением, а Поппи взяла Рию за руку, не скрывая тревоги. От этого Рии стало немного легче, но события прошедшей ночи так живо стояли у нее перед глазами, что она просто ни о чем больше не могла думать. Когда он уходил от нее, в голосе его была безнадежная тоска, о которой она вспомнила только теперь. Все ее надежды и мечты были разбиты, и осколки лежали у ее ног, а у нее не было сил, чтобы об этом пожалеть. Она даже радовалась оцепенению, овладевшему ею, поскольку оно, казалось, лишило ее рассудка. Она была как под наркозом.

- Постарайтесь выговориться, и вам станет легче, - предложила ей Кристина с явным беспокойством, когда они заканчивали просматривать списки оставшихся дел.

Рия смотрела на Кристину, не видя ее. Она не хотела говорить с Кристиной, она не хотела делать ничего, что могло бы растопить лед, образовавшийся вокруг ее сердца. Она не хотела опять чувствовать.

- Ну, Рия, - мягко уговаривала ее Кристина. - Да, я большую часть времени провожу в своей комнате, но я же не слепая. Вы сами не в себе с тех пор, как здесь появилась Кристи. Вам с ней трудно?

Беспокойство, сквозившее в словах Кристины, доконало ее. На глаза у нее стали наворачиваться предательские слезы, и она неуверенно поднялась на ноги, намереваясь выйти, но пожилая женщина тоже встала и, успокаивающе обняв ее за плечи, повела на балкон, куда незадолго до этого Роза принесла кофе.

- Правильно, давайте посмотрим в самый корень, - твердо сказала Кристина, налив две чашки дымящегося кофе и заставив Рию выпить пару глотков. - Вы не должны позволять Кристи выбивать себя из колеи, дорогая. Она ведет себя подобным образом со всеми привлекательными женщинами, если им меньше шестидесяти. Лично вы здесь ни при чем.

- Дело не только в ней.

Кристина была так добра, что Рия ничего не могла от нее утаить.

- Дело в Димитриосе? - печально спросила Кристина и, когда Рия подняла на нее свой измученный взгляд, едва заметно покачала головой. - Боюсь, он слишком вас торопит. Терпеливостью он никогда не обладал, с самого детства.

- Торопит?

- Ну, вы же знаете, какие чувства он к вам питает? - с некоторым раздражением спросила Кристина, но девушка не притворялась, для нее это было полной загадкой. Замешательство отразилось в ее широко раскрытых серых глазах, и Кристина не могла его не увидеть. - Неужели вы не знаете, что вы для него значите! - удивленно воскликнула она. - Неужели не замечаете, как он меняется в лице, едва вы появляетесь?.. Хотя, может, и не замечаете, - сказала она задумчиво, глядя в безучастное лицо Рии.

- Вы все не так поняли, - с волнением начала Рия. - С тех пор как здесь появилась Кристи, он совсем обо мне забыл, и вот теперь он поехал с ней вместе. Временами мне кажется, что он меня просто ненавидит.

Губы ее задрожали, она больше не могла себя сдерживать.

- От ненависти до любви - один шаг, - заметила Кристина. - Их очень легко спутать.

- Димитриос меня не любит, - грустно возразила Рия. - Сомневаюсь даже, что я ему нравлюсь. Я его привлекаю физически, потому что очень похожа на Каролину, но всякий раз, как мы остаемся вдвоем, начинается борьба.

- А вы? - Кристина внимательно на нее смотрела. - Что чувствуете вы?

Рия покраснела, затем побледнела, глядя в глаза, столь похожие на глаза Димитриоса. Так

было бы хорошо разделить с кем-нибудь свое бремя, с кем-нибудь, кому можно доверять!

- Я его очень люблю, - наконец с трудом, не своим голосом произнесла она, и ей стало страшно. - Но прошу вас, не говорите ему. Это только разозлит его, да и жалость его мне ни к чему.

- Конечно, я ему ничего не скажу, - заявила Кристина, - потому что вы сами это сделаете, как только он вернется.

- Не смогу, - с несчастным видом прошептала Рия, и в глазах у нее стояла боль. - Неужели вы не понимаете? Он взял с собой Кристи, они будут путешествовать вдвоем, только вдвоем, наедине!

- Откуда вы знаете, что они уехали вдвоем? - резонно спросила Кристина. - Он сам вам об этом сказал?

- Нет, конечно, - заикаясь, согласилась Рия. - Я просто предположила...

- Слишком уж много в последнее время было предположений, - твердо сказала Кристина, как настоящая англичанка. - Добавьте к этому небольшое усилие со стороны Кристи, и вот вам интрига. Поверьте мне, Рия, если бы она была ему нужна, он мог бы получить ее давным-давно. Я не стану утверждать, что поначалу они были просто друзьями, но он очень быстро потерял к ней всякий интерес. К несчастью, Кристи цепкая, как осьминог со своими присосками. У нее это наследственное, - закончила она сухо.

В темноте забрезжил луч надежды.

- Я пыталась ненавидеть его, - с надрывом прошептала Рия, - но все бесполезно. Даже когда он... - она покачала головой. - Я все равно люблю его.

- Тогда скажите ему. Он очень гордый человек, Рия, а однажды его сильно ударили. Второй раз он не выскажет своих чувств. Вы сами должны сказать ему о своих чувствах.

- Боюсь, я не смогу, - прошептала Рия.

Кристина задержала на ней долгий взгляд.

- Это вам решать. Все зависит от того, насколько он вам нужен.

День тянулся бесконечно. К вечеру Рия настолько устала от мучивших ее мыслей, что, отказавшись от обеда, поднялась к себе и тут же уснула глубоким сном без сновидений.

Проснулась она отдохнувшей, но вскоре ею овладело какое-то напряжение. Мысли стали разбегаться, и от малейшего усилия сердце учащенно билось. Ближе к вечеру она пошла погулять к заливу, где на легких волнах покачивались разноцветные рыбацкие лодки, поблескивая в предзакатном солнце. На тихое море набегали розовато-лиловые тени.

Назад к вилле она шла через сад. Сумерки были настояны на запахе шиповника и жимолости, пробивавшихся сквозь трещины в разошедшейся от солнца стене; одинокая птичка насвистывала свою песню, и ее сладкий голосок взвизывался к темнеющему небу. Рия замерла, прислушиваясь и склонив голову.

- Я так и думала, что найду вас здесь, - раздался слегка насмешливый голосок с американским

акцентом. Рия резко обернулась. – Кристи неспешно спускалась по дорожке, и ее белая кожа светилась, как янтарь.

– Да?

Сама того не замечая, Рия гордо вздернула подбородок и распрямила плечи, словно готовясь к схватке. Это, конечно же, не осталось незамеченным, пронизательные глаза Кристи источали холод, а уголки подкрашенных губ вздрагивали в усмешке.

– Димитриос сказал мне, что вы уезжаете сразу же после свадьбы. В Англии вас кто-то ждет?

Рия только пожала плечами. Фальшивое дружелюбие Кристи действовало ей на нервы.

Кристи прикрыла накрашенными ресницами чуть раскосые глаза, и Рия не успела рассмотреть, что там написано. Скользя по стене изящной рукой, Кристи сорвала маленький цветочек и задумчиво раздавила его пальцами.

– Дело в том, что у меня есть для вас кое-какие новости, я знаю, они вас не могут не заинтересовать. Но если вы уедете сразу же после свадьбы, то ничего не узнаете. Пока что это секрет, понимаете?

– Зачем же тогда делиться им со мной? – жестко спросила Рия, хотя от неприятного предчувствия по спине у нее побежали мурашки. В лице Кристи было злорадство, причину которого Рия пока не понимала.

Американка мило надула губки.

– Я понимаю, вы сочтете меня нехорошей, но я просто не могу удержаться, мне надо с кем-то поделиться. Да к тому же будет несправедливо, если вы узнаете об этом позже всех. Ведь когда ваша кузина выйдет замуж за Никоса, вы станете родственницей этой семьи.

Она улыбнулась, и взгляд зеленых глаз, острый, как бритва, полоснул Рию по сердцу. Но уже в следующее мгновение Кристи спрятала его под длинными ресницами.

– Димитриос требует, чтобы мы ничего не объявляли до свадьбы. Не хочет навредить счастливой парочке.

– Что объявляли?

Гордость помогла ей сказать это ровным голосом, но когда она посмотрела на улыбающуюся женщину перед собой, лицо ее побледнело.

– Вот вы уже и догадались. – Кристи весело рассмеялась, широко раскрыв глаза, как невинный ребенок. – Сегодня Димитриос попросил меня стать его женой.

Рия, не веря, смотрела на счастливую соперницу, а Кристи не умолкала. Она вытащила маленькую коробочку и, щелкнув, открыла крышку, под которой оказалось великолепное кольцо.

– Красивое, вы не находите? – мягко спросила Кристи. Увидев огромный изумруд в окружении алмазов, Рия окаменела. – Все уже давно ждут, когда мы поженимся, – шептала Кристи, – но Димитриос должен был уладить дела, чтобы оставить их потом на несколько лет, пока мы будем налаживать семейную жизнь. А сегодня мы решили, что хватит ждать.

Кристи пристально всмотрелась в белое, как снег, лицо Рии и, явно довольная произведенным эффектом, медленно пошла по неровной дорожке, покачиваясь на невероятно высоких каблуках и пряча коробочку в карман шелкового жакета.

- Только ни слова пока. Мне бы не хотелось омрачать счастье Поппи, добавила она, обернувшись.

Рия, как слепая, нащупала ближайшую скамейку. Значит, все-таки Кристина ошиблась. Это можно было предполагать. Все уж как-то очень гладко получалось. Зачем такому мужчине, как Димитриос, такая безликая девчонка? На какое-то время ее самоуважение упало в пропасть, подготовленную Кристи, но затем ощущение того, что она все-таки что-то значит, вновь вернулось к ней, и она, цепляясь изо всех сил, стала выкарабкиваться из мрачных глубин. Она не позволит себя растоптать. Она будет улыбаться и разговаривать и будет очень общительной в эти оставшиеся несколько дней, а потом уедет в Англию зализывать раны. Ведь жила же она как-то и без этого Димитриоса? Значит, проживет и дальше. Им ее не сломить.

Глава 8

- Привет, Рия.

Голос его, как всегда, был глубок и полон жизни, но небесно-голубые глаза казались потухшими. Димитриос смотрел на нее, как на незнакомку. Это был последний смертельный удар по всякой надежде, которую она еще питала.

После разговора с Кристи она, как во сне, поднялась по темному саду и вошла в освещенный дом. И только когда Поппи позвала ее из гостиной, где все сидели за аперитивом, Рия пришла в себя. Глаза кузины сразу же прищурились, едва она увидела бледное лицо Рии, но та смотрела лишь на Димитриоса, сидевшего рядом с Кристи на софе, - лицо его было холодным и далеким.

- Хорошо съездили? - осторожно спросила Рия, огромным усилием воли стараясь не выдать себя.

От нее не ускользнуло, что Кристи по-свойски держит его руку, прижавшись к нему, как холеная откормленная кошка.

- Продуктивно, - с готовностью ответил он, поворачивая голову к Кристи, что-то шептавшей ему на ухо. Поппи и Никое заерзали от неловкости. Лишь появление Кристины немного разрядило обстановку.

- Димитриос ездил не только с ней, - начала Поппи, поднимаясь вместе с Рией по округлой лестнице к себе в спальню. - Никое специально его спросил. Оказывается, он просто подвез ее, и она ходила по магазинам, а потом привез ее обратно. С ним все время было еще два человека. Он даже останавливался в другом отеле и...

- Это не имеет никакого значения.

Голос у Рии был потухшим, и Поппи, бросив на нее быстрый взгляд, замолчала. За весь вечер он даже не взглянул на нее, если не считать вынужденных случаев, но даже тогда его стального цвета глаза были пусты и ничего не выражали. Блеск желания, светившийся когда-то в их глубине, теперь потух.

Оказавшись у себя в комнате, она скинула босоножки и ступила на теплый пол балкона. Голова

у нее раскалывалась, и она чувствовала себя совершенно разбитой. Она неплохо сыграла и вот теперь расплачивалась за усилие.

Сидя в полном оцепенении в насыщенной ароматами темноте, она чувствовала, как постепенно напряжение и усталость оставляют ее. Прохладный воздух ласкал лицо. На веранде внизу раздался какой-то шум, показавшийся ей очень громким в тишине ночи. Это Димитриос, она знала. И замерла, едва дыша, чувствуя, что он тоже знает о ее присутствии.

Прошла целая вечность, прежде чем он угрюмо позвал собак, и через несколько минут «лендровер» умчал его в ночь. Значит, ему тоже не спится. От этой мысли ей стало немного легче, хотя она не могла бы сказать почему. Она легла, но несколько часов пролежала с открытыми глазами в настоянной на цветах темноте. И наконец все-таки уснула.

На следующее утро за завтраком Кристи получила телеграмму, и лицо ее сложилось в безобразную гримасу.

- Черт бы побрал!

- Что-то случилось?

Димитриос с отсутствующим видом посмотрел на нее из-за газеты, и она тут же сладко улыбнулась.

- У матери опять приступ. Она считает, что я должна немедленно бросить все дела, где бы я ни была, и мчаться к ней.

В ее голосе прозвучало столько злости, что даже Димитриос поднял на нее глаза. Кристи слегка покраснела и отвела взгляд.

- А я и не знала, что у Джоан не все в порядке со здоровьем. - Кристина с беспокойством взглянула на красивую Кристи, крошившую булочку длинными наманикюренными пальцами.

- Вы же знаете маму. Одно за другим! - Кристи, застигнутая врасплох, все никак не могла успокоиться и говорила сердито. - То у нее ангина, то вот что-то с сердечным клапаном. Ничего серьезного, как она надеется... - Кристи! - Голос Кристины был строгим. - За все время, что я знаю твою мать, она никогда не жаловалась на здоровье. Если ты ей нужна прямо сейчас, ты улетишь ближайшим самолетом. Димитриос, позаботься, пожалуйста, о билете.

Димитриос по-театральному отсалютовал.

Покраснев от гнева, Кристи сгорбилась на стуле, и на мгновение ее лицо стало страшным. Когда она вновь открыла рот, собираясь что-то сказать, Димитриос бросил на нее холодный взгляд.

- Ты полетишь сегодня же, Кристи.

Голос его не допускал возражений, и Кристи выглядела совершенно раздавленной. Рии даже стало ее почти жалко... почти.

- Ну, теперь она заткнется, хоть ненадолго, - довольно сказала Поппи, когда ближе к полудню Никое увез американку в аэропорт. - Старая корова! - Поппи! - Голос у Рии был осуждающим, но глаза смеялись - надо же, обзвать коровой такую элегантную красавицу!

- Может, слова и не очень для нее подходят, но со смыслом я согласна, - сухо заметила Кристина, заставив их вздрогнуть.

Пожилая женщина поманила Рию за собой на веранду, отпустив Поппи с царским безразличием. Отношения между Кристиной и ее будущей невесткой складываются не самым лучшим образом, грустно думала Рия, следуя за согбенной фигурой. Ей оставалось только надеяться, что со временем все уладится.

- Вы уже говорили с Димитриосом? - мягко спросила Кристина, когда они сели, и Рия удрученно покачала головой.

- Нет. Я решила, что лучше будет ни о чем с ним не говорить.

- Можно спросить, почему? - помолчав, спросила Кристина.

- Мне кажется, что это бессмысленно, - монотонно сказала Рия, не поднимая покрасневшегося лица под неодобрительным взглядом Кристины.

- Понятно.

- Кажется, все против нас. Боюсь, я не смогу построить наши отношения, - грустно сказала Рия. Ей очень не хотелось лгать, но, с другой стороны, она не могла сказать правду сестре Димитриоса. Она не могла сказать ей, что ее брат помолвлен, прежде чем он сам ей об этом объявит. - Я не согласна с вами, но выбор должны сделать вы сами. - Кристина говорила, как никогда, холодно, и Рия подняла на нее умоляющие, полные слез глаза и взяла ее за руку.

- Прошу вас, Кристина! Ничто не изменилось, я его очень люблю, но просто не могу...

- Почему же? - Кристина заметила ее состояние и ласково обняла за плечи. - Хорошо, больше не буду задавать вопросов. Извините, Рия. Просто мне так хотелось, чтобы вы вошли в нашу семью. Вы мне очень нравитесь и знаете это. Вы словно созданы друг для друга. Но я не имею права оказывать на вас давление. Временами я просто забываю, что вы еще очень молоды.

Шелковым носовым платком она вытерла Рии слезы.

- Мы больше не будем возвращаться к этой теме, дорогая, но если вам понадобится друг, знайте, что я рядом.

- Спасибо.

Как все усложняется! - в отчаянии подумала Рия. Неужели эта мука никогда не кончится?

После отъезда Кристи атмосфера улучшилась, но, когда Димитриос был дома, все чувствовали себя как на иголках. Он работал чуть не по двадцать часов в сутки, возвращаясь домой только к обеду, усталый и замкнутый. За столом он сидел молча, и всем становилось неловко, а затем тут же уходил к себе в кабинет с полным портфелем каких-то бумаг и работал до рассвета. Она вздрагивала всякий раз, как ловила на себе его угрюмый взгляд, хотя это случалось редко. От него исходил такой холод, что кровь стыла у нее в жилах.

Однажды утром, когда до свадьбы осталась всего лишь неделя, Рия, Никое и Поппи завтракали на освещенной солнцем веранде. Кристина не очень хорошо себя чувствовала и попросила, чтобы ей принесли завтрак в комнату, а Димитриос позавтракал раньше, как сказала им Роза, и решил прогуляться с собаками до наступления жары, от которой они просто таяли. Отдавая

должное восхитительному блюду из маленьких фруктовых шариков, которые всю ночь мариновались в красном вине. Никое вдруг ударил себя по лбу и виновато посмотрел на Поппи.

- Совсем забыл, Поппи, сегодня вернусь очень поздно. Не ждите нас к обеду.

- Почему? - заводясь, спросила Поппи. - Ты и так почти не бываешь дома.

- Что поделаешь, - миролюбиво сказал Никое. - После свадьбы Димитриос дает мне целый месяц. А потом, когда я опять начну работать, тебе все равно придется постоянно быть одной.

- Это совсем другое, ты прекрасно знаешь, - не сдавалась Поппи. - Почему ты сегодня поздно?

- Сегодня на заводе прием, - неуверенно сказал Никое, явно понимая, что его легкомысленной невесте это вовсе не понравится. - Димитриос очень долго работал над одной сделкой с американской стороной, и теперь они послали геологоразведочную экспедицию. Мы решили, что будет неплохо устроить коктейль для всех служащих и их семей на свежем воздухе. Американцы любят такие вещи, - закончил он тихо.

Поппи вскочила на ноги, страшно раздраженная, и ее золотисто-каштановые волосы взвились, как огонь.

- Ну и свинья! - сказала она с горящими глазами. - А я что, не твоя семья? А Рия - моя семья. Так почему же вы нас не приглашаете?

- Вы не были приглашены потому, что я велел Никосу не предупреждать вас о банкете.

Ледяной голос заставил замереть всех троих. Димитриос только что вошел в маленькие ворота в самом низу сада. Сердце у Рии зашло от его вида - воротник рубашки был расстегнут, а простые брюки, намоченные от морских брызг, подчеркивали каждую мышцу его длинных ног. Он подходил, и его сверкающие глаза были прикованы к Поппи. Однако та не сдавалась.

- Почему? - Она откинула голову, и в голосе ее слышалось задетое самолюбие. - Почему мне нельзя пойти?

- Для меня и Никоса это работа, а не просто вечеринка. У него не будет времени на твои причуды и капризы.

Настроение у него было явно не из лучших.

- Я и не хочу, чтобы Никое за мной присматривал, большое спасибо! упрямо ответила Поппи. - Я и сама в состоянии за собой присмотреть.

- В этом я ни минуты не сомневаюсь.

Бас его стал угрожающим, и Никое поднялся.

- Подожди секунду, Димитриос.

- Что же касается тебя... - Димитриос резко обернулся к своему племяннику, - я же говорил тебе, чтобы ты ни словом не обмолвился об этом. Неужели ты не можешь сделать так, как тебе велят?

Рия в ужасе вжалась в стул, пока они втроем смотрели друг на друга, как борцы перед схваткой. Скандал разгорелся так быстро, что она была просто обескуражена. Но потом она

стала догадываться: Димитриос, видимо, не хотел, чтобы Поппи привела с собой и Рию.

- Если ты боишься, что я буду мешать Никосу, то обещаю, что ни разу к нему не подойду за весь вечер. - Поппи была уверена, что лучшая защита нападение. - Со мной будет Рия, и мы прекрасно обойдемся вдвоем. Пожалуйста, Никое, - она повернулась к своему жениху со взглядом, полным мольбы, - я так давно никуда не выходила, а мне долго теперь не придется надевать красивые платья.

Никое повернулся к дяде, и Димитриос тихо чертыхнулся, глядя на Поппи.

- Нечего ко мне подлизываться, - холодно сказал он. - Я не поддаюсь на такие штучки. Если уж хочешь пойти, пошли. Но не думай, что там будет весело. И тебе придется ждать до конца, даже если очень устанешь.

Бросив еще один уничтожающий взгляд на своего племянника, он пошел прочь, а Поппи уселась на стул как ни в чем не бывало. Более того, подумала Рия, глядя на довольное лицо кузины, она чувствует себя победительницей. И Поппи сама это подтвердила.

- Что ж, мне доводилось получать более галантные приглашения, - снисходительно заметила она, - но и это сойдет. - И с легкой ухмылкой посмотрела на свою кузину, а затем с невинным лицом повернулась к Никосу, который все еще как оглушенный смотрел вслед Димитриосу.

Она обращается с Димитриосом более умело, чем я, тоскливо подумала Рия, завидуя непробиваемости Поппи.

- Ты пойдешь, Рия? - неожиданно спросила Поппи, вспомнив, что даже не узнала мнения своей кузины.

- После всего, что произошло, у меня нет выбора, - сухо заметила Рия, но в глазах у нее блеснул смех.

Она не могла скрыть восхищения простотой Поппи. Временами она жалела, что ей этого не дано.

Просматривая свой скудный гардероб, Рия просто не знала, что надеть. Конечно, ей приходилось бывать на подобных приемах, но, собираясь сюда, она совсем не рассчитывала на них. В конце концов она остановилась на открытом черном платье, купленном уже очень давно, в котором она до сих пор чувствовала себя свободно. Приталенное, с глубоким вырезом, оно выгодно подчеркивало достоинства ее фигуры, а сегодня ей очень нужно быть уверенной в себе.

Она до блеска расчесала длинные волосы и не стала забирать их в прическу, оставила свободно лежать на плечах. На их фоне серые глаза казались огромными. Макияж она делать не стала - солнце придало ее гладкой коже золотистый оттенок, лучше всякой косметики, - лишь слегка подкрасила густые темные ресницы и коснулась помадой губ. Затем надела открытые черные босоножки и спустилась по лестнице, нервно постукивая пальцами по перилам.

- Ого!

Поппи ждала ее внизу, молоденькая и привлекательная в лимонного цвета платье и таких же туфлях. Она даже слегка присвистнула, восхищенно глядя на кузину блестящими карими глазами.

- Ты сегодня произведешь фурор, детка! Если и это не заставит Димитриоса обратить на тебя внимание, то больше ничто не сможет.

- Поппи!

В голосе Рии слышалось предупреждение, и кузина протянула ей руку в знак примирения.

- Ладно, ладно. Я его не могу понять. Да и тебя тоже. Зачем он тебе нужен? У меня просто в голове не укладывается. Он пугает меня до смерти, он такой холодный и...

Поппи осеклась, заметив, что Рия с каменным лицом повернулась и собралась уйти назад в свою комнату.

- Обещаю, обещаю! Ни одно слово о нем больше не осквернит моих грешных губ.

Рия рассмеялась, и они пошли к такси.

Когда они приехали, прием уже был в разгаре, и, быстро представив их нескольким гостям, Никое растворился в толпе, оставив их стоять в нерешительности с бокалами вина в руках. Поначалу им показалось, что здесь, на огромной поляне за офисом, бродят сотни людей. Но прошло несколько минут, и они присмотрелись к гостям - их было человек шестьдесят-семьдесят, не считая детей разного возраста, прекрасно одетых и очень хорошо воспитанных.

Сумерки быстро сгущались, но на площадке было светло от сотен маленьких лампочек, раскачивавшихся в прохладном вечернем воздухе. Поппи завязала разговор с молодой беременной американкой, а Рия с задумчивым лицом встала возле небольшой группы гостей. Мысли ее были далеко.

- Ой-ой, да ведь это Рия! Дорогая, неужели это ты? - произнес какой-то мягкий голос с американским акцентом. Удивленно подняв глаза, она увидела высокого блондина и даже вскрикнула от радости:

- Фрэнк!

Он с улыбкой обнял ее, слегка оторвав от земли, и закружил так, что ее серебристые волосы закрыли им обоим лица. Она запросила пощады.

- Ты выглядишь совершенно сногшибательно, детка, - начал Фрэнк с широкой улыбкой на привлекательном лице. - Где ты пропадала последние недели?

- Нигде я не пропадала, - запротестовала она, слегка краснея под его одобрительным взглядом, заскользившим по ней с ног до головы. - Я здесь вместе с Поппи. Она помолвлена с Никосом. Свадьба уже через несколько дней. Так что у меня получилось что-то вроде затянувшегося отпуска. Ты знаешь Никоса?

- Конечно. У нас контракт с его дядей, и Никое присутствует на заседаниях. Прекрасный парень.

Рия улыбнулась. Фрэнк был чуть старше Никоса, а говорил, как сам Мафусаил.

- Почему же я не знал, что ты здесь? - печально спросил Фрэнк. Завтра мы уже улетаем.

Рия посмотрела на него - какой приятный, незакомплексованный человек!

И вдруг, неожиданно для себя самой, быстро чмокнула его в щеку. Радость, с какой он ее встретил, оказалась настоящим бальзамом для ее измученного сердца, к тому же Фрэнк ей всегда нравился. Она встретила его тогда, когда в финале своей карьеры манекенщицы участвовала в серии показов купальных костюмов, и его настолько поразила ее серебристая красота, что он стал появляться на всех ее выступлениях и ходил за ней, как собачка, до тех пор, пока она не сказала ему, что они могут быть только друзьями. – Когда мне удастся уговорить тебя еще на одно свидание? – спросил он, как всегда, пользуясь каждой возможностью, и она грустно улыбнулась, укоризненно притрагиваясь пальцем к его губам.

– Давай не будем начинать все сначала, – мягко сказала она, сожалея, что не может любить его, что вместо этого отдала свое сердце человеку, который с удовольствием топчет его башмаками.

– Не могу удержаться, – сказал он полусмеясь-полусерьезно, ласково глядя ей в лицо. – Так и проглотил бы тебя...

– Лучше попробуй шашлык, Фрэнк, меньше шансов получить несварение.

Эти колкие слова прервали изливания американца, и оба они резко повернулись. Рия – с опаской, а Фрэнк – несколько удивленный оскорбительным выражением на хмуром лице Димитриоса.

– Вы знакомы?

Он почему-то был страшно зол, хотя и сохранял внешнее спокойствие. Стоял, засунув руки в карманы серых брюк и поглядывая блестящими глазами на их соединенные ладони.

– Конечно, – подтвердил Фрэнк озадаченно. – Эта крошка – мой друг. Хотя последний раз, когда я тебя видел, ты была полураздета, – пошутил он, обращаясь уже к Рии в попытке разрядить обстановку. Однако эффект оказался прямо противоположным.

– Что ты хочешь этим сказать?

Прищуренные глаза Димитриоса сердито блестели; никогда еще он не выглядел так устрашающе. Ей даже показалось, что сейчас он ударит Фрэнка. Фрэнк тоже это почувствовал, и они сошлись, как два боксера на ринге.

– Димитриос! – Она втиснулась между ними, глядя снизу вверх в его потемневшее лицо и пытаясь удержать его за руки. – Пожалуйста, Димитриос, он просто пошутил.

– Ничего он не пошутил!

Слова эти были произнесены с такой яростью, что сразу несколько голов повернулись к ним и разговор вокруг поутих. Рия краем глаза видела Поппи где-то в толпе, мечтая только о том, чтобы ее кухне не пришло в голову вмешаться.

– Ты права. – Фрэнк тоже нахмурил брови. – Может быть, не очень удачная шутка, но я подумал, что если ты знаешь Рию, то все правильно поймешь.

– Однако я понял неправильно. Объясни.

Фрэнк открыл рот, но тут же закрыл его в явном замешательстве. И прежде чем он нашел нужные слова, заговорила Рия: быстро и складно, все еще изо всех сил удерживая

напряженную руку Димитриоса.

- Мы впервые встретились, когда я участвовала в показе купальных костюмов в Англии, два года назад. А когда мы виделись в последний раз, он предложил, просто чтобы вспомнить старые времена, провести день у его друзей, а у них - бассейн. И нам тогда показалось смешным, что на мне был один из тех купальников, что два года назад я показывала на сцене. Вот и все.

- Все?

Вопрос был адресован прямо Фрэнку, и он ответил в том же духе:

- Рия все объяснила. Но если ты хочешь спросить, нравится ли мне Рия, то мой ответ - да! Чертовски нравится! К несчастью, до настоящего момента это чувство было безответным, но я не сдаюсь.

Димитриос возвышался над ним, как башня. В сравнении с ним американец казался карликом, но это его вовсе не пугало, и Рия поставила ему пятерку за храбрость.

Несколько секунд они стояли не двигаясь, ведя какую-то только им понятную дуэль глазами. Димитриос вдруг сообразил, что они привлекают внимание, тут же взял себя в руки и, резко выдохнув, отступил на шаг. Рия отпустила его руку и тоже отступила в сторону.

- Это, естественно, твое право, - заметил Димитриос, уже с непроницаемым лицом. - Мы с тобой давно знакомы, Фрэнк, и мне бы не хотелось, чтобы мы расстались на такой неприятной ноте.

- Взаимно, - сухо ответил Фрэнк, с понимающим взглядом протягивая руку Димитриосу.

И когда Димитриос пожал ее, казалось, они о чем-то мгновенно договорились.

- Я долго ждал этого момента, - сказал Фрэнк с намеком и вроде бы ни к кому не обращаясь.

Димитриос вдруг покраснел, а Фрэнк язвительно улыбнулся и, повернувшись к Рии, коротко попрощался.

- Веди себя хорошо, ягодка, - сказал он мягко, и глаза у него были грустные.

Когда его светловолосая голова исчезла в толпе, общий разговор возобновился. Рия открыла было рот, но Димитриос взял ее за руку и приложил ей палец к губам.

- Сейчас я посажу тебя, и ты будешь сидеть тихо, как мышка, - сердито сказал он. - Ты не двинешься с места, даже если рядом разверзнется земля и упадут небеса. Ты больше ни с кем, я повторяю, ни с кем не будешь разговаривать и будешь молчать, как рыба.

Она сдержала запальчивый ответ, чувствуя, что находится под властью такой силы, с которой ей не совладать, и малейший отпор с ее стороны может оказаться последней каплей.

- Ты ведешь себя совершенно неразумно, - прошипела она, пока они, как полицейский и вор, пробирались сквозь гудящую толпу, которая, как по мановению волшебной палочки, расступалась перед ними. - Ради Бога, я не сделала ничего плохого. Фрэнк просто увидел меня и подошел поболтать. А ты вдруг все раздул до кошмарных размеров. Я ведь не могла знать, что он здесь будет.

- Все? - Он крепко держал ее за руку, а голое у него был глухим от бурливших в нем чувств, на щеке опять задергался нерв. - Ты что, не понимаешь, что устроила целый спектакль у всех на виду?

У Рии даже горло перехватило от такой несправедливости, но только она собралась остановиться и выразить свой протест, как хватка на ее руке стала настолько жесткой, что она чуть не закричала.

- Мне больно, - слабо сказала она, следуя за ним к старым кедром, где в уединении стояло несколько легких кресел.

- Поверь мне, это ничто по сравнению с тем, что бы мне хотелось с тобой сделать, - грубо ответил он, держась прямо, как каланча. - Вот, садись и не двигайся до тех пор, пока я не вернусь. Ты уже поела?

- Что? - не поняла она.

- Я спрашиваю, ты уже поела? - произнес он по слогам, точно разговаривал с ребенком, который страшно его раздражает.

- Нет, я еще не поела, - ответила она ему в тон, и веки сердитых голубых глазах что-то блеснуло, однако тут же погасло.

- Не испытывай судьбу, - коротко заметил он, отворачиваясь. - Сиди смирно, я сейчас вернусь.

Буквально через минуту он появился с подносом, на котором стояли тарелки с цыпленком табака, говядиной, ветчиной, зеленым салатом и маленькими вареными картофелинками, неоткупоренная бутылка вина и два бокала. Рия с облегчением отметила про себя, что лицо его смягчилось.

- Ешь! - приказал он, разворачивая большую салфетку у нее на коленях и подавая ей одну из тарелок с ножом и вилок. Поставив стакан с вином у ее ног, он уселся на стуле рядом, так близко, что она почувствовала терпкий запах его одеколона. Едва они остались наедине, появилась теплая, какая-то интимная атмосфера, и Рия даже поперхнулась ветчиной. Прекрати, дура! - твердо приказала она себе. Он уже помолвлен. Димитриос был совершенно спокоен и с удовольствием ел, не сводя глаз с танцоров, исполнявших традиционные греческие танцы. Их яркие костюмы и зажигательный ритм собрали целую толпу зрителей вокруг небольшой сцены. - Я же сказал: ешь!

Он не смотрел на нее, и она решила, что это намек - за последние несколько недель она потеряла несколько фунтов веса. Но ведь в этом был виноват он!

- Ты как заботливый папаша, - сказала она раньше, чем подумала, и тут же искоса глянула на него - не обиделся ли? Когда же она научится сначала думать, а потом говорить?

- Ну уж нет! - В голосе его была ирония и что-то еще. - Поверь мне, Рия, чувства, которые я к тебе питаю, далеко не отеческие.

- Да, но... - Она запуталась, и он знал это. Глаза его смеялись. - Ты же говорил, что тебе придется здесь работать! - пролепетала она первое, что пришло на ум. Он поджал губы, и блеск в его глазах потух.

- Надеюсь, мне позволено поужинать, или мое присутствие настолько для тебя отвратительно,

что ты хочешь, чтобы я немедленно избавил тебя от него?

Она заморгала, услышав этот ледяной тон, но все-таки нашлась что сказать:

- Я вовсе не это имела в виду. Ты настаивал на том, чтобы мы с Поппи сами позаботились о себе. Ты просто не хотел брать нас с собой.

- И насколько же я был прав! - сказал он со странным чувством, не спуская с нее глаз.

- Мне казалось, что этот вечер очень важен как деловое мероприятие, с трудом выдавила она, пытаясь скрыть боль, которую ей причинили его холодные слова.

- Есть вещи и поважнее, - ответил он с намеком. - К тому же если целью этой вечеринки было отметить договор, то я, видимо, с ним успешно покончил, тебе не кажется?

Она покраснела, и он медленно и осторожно приподнял ее лицо за подбородок.

- Не беспокойся, я больше не буду вести себя как юнец.

От его прикосновения она сразу растаяла. Но тут же отпрянула, боясь, что не сможет скрыть этого от его опытного взгляда.

- Ешь! - решительно сказал он. Он неправильно истолковал ее реакцию, в чем Рия убедилась уже в следующее мгновение. - Не смотри на меня так, словно я прямо сейчас тебя изнасилую, - прорычал он. - Здесь ты в полной безопасности, можешь мне поверить. Я нисколько не сомневаюсь, что бесподобный Фрэнк тут же бросится тебе на помощь, стоит мне только посмотреть на тебя не так. - Рия побагровела от воспоминаний, которые вызвали в ней его слова и которые она предпочла бы навсегда забыть. Он едко рассмеялся. - По крайней мере, это я еще могу делать, - пробормотал он, слегка дотрагиваясь до ее горячей щеки.

Долго после того, как он отвел пальцы и опять принялся за ужин, кожа ее горела. Она все не переставала удивляться власти, которую он над ней имеет. Даже зная, что он помолвлен, что он играет с ней, точно кошка с мышкой, она не могла ему противиться. И от этого ей стало горько и страшно. Она поймала себя на мысли, что не уважала бы такого человека, в какого постепенно превращалась сама. Надо как можно быстрее уехать из Греции и никогда, никогда больше сюда не возвращаться!

Глава 9

- Ты все еще меня боишься? - спросил он, нарушая молчание, длившееся уже несколько минут. Рия едва притронулась к еде. Димитриос налил по второму бокалу вина. - Я вообще-то не монстр какой-нибудь, просто человек, который иногда ошибается, такой же человек, как и ты.

Рия посмотрела на его суровое лицо в лунном свете. Губы у него почему-то были белые, а в глазах то и дело вспыхивали какие-то огоньки, будто там, в глубине, бушевал огонь, который он старательно пытался скрыть. - Ты меня не пугаешь, - солгала она, гордо задирая вверх подбородок, и он задумчиво улыбнулся, наклоняясь вперед и закидывая ногу на ногу.

- Оч-чень впечатляет. На сей раз ты меня не убедила. Меня до сих пор поражает, как тебе удалось так ловко обвести меня вокруг пальца.

- Ты даже не дал мне возможности высказаться. Мне кажется, ты и не хочешь понять мои мотивы.

- Возможно, - самонадеянно сказал он. - Я уже знаю, что в таких случаях лучше полагаться на собственные суждения.

- Или на отсутствие таковых. - Рия понимала, что нарывается на скандал, но ею руководили оскорбленная гордость и злость, и она не могла смолчать. - Временами мне кажется, что, когда речь заходит обо мне, сердце у тебя исчезает.

- Понятно, - хмуро сказал он. - Только, боюсь, тебе не понравится, если я отвечу той же монетой. - Он приблизил к ней свое лицо настолько, что она ощутила его дыхание. В лунном свете глаза его казались двумя холодными щелками. - Я уже попросил прощения за то, что произошло у тебя в комнате в ту ночь. Хотя я прекрасно понимаю, мне нет за это прощения. Его акцент стал очень заметным.

- Я уже забыла об этом.

Слова эти были сказаны так, что он поверил.

- Тогда в чем же дело? У меня такое впечатление, что ты на меня сердишься. С тех пор как я вернулся из Америки, к тебе просто не подступиться.

- А что, если ты мне просто не нравишься?

Надо во что бы то ни стало заставить его замолчать, а то она не выдержит и станет говорить ему, что он разбил ее сердце и растоптал ее хрупкие мечты, что она все знает о Кристи и об их планах совместной жизни. Он не шелухнулся, лицо его оставалось непроницаемым.

- Возможно, - согласился он вдруг. - А как бы это проверить?

Она зашла слишком далеко, но поняла это только тогда, когда он резко поставил ее на ноги и прижал спиной к стволу старого кедра, величественно возвышавшегося в полумраке и укрывавшего их от посторонних глаз.

- Так что ты говоришь? - спросил он хрипло, и она сжалась под неистовым блеском его глаз.

- Оставь меня в покое, - вяло пробормотала она. Грубая кора царапала ее обнаженную спину.

- Ты снова и снова испытываешь мое терпение, - едва слышно пробормотал он. - Ты не можешь не понимать, что ты со мной делаешь...

Она смотрела на его лицо. В голубых глазах не было ни мягкости, ни нежности. Они сцепились со взглядом ее серых глаз, не замечая испуганного выражения на ее лице.

- Прошу тебя, Димитриос, прекрати, - попросила она, слегка дотрагиваясь дрожащими пальцами до его щеки. Лицо у него мгновенно смягчилось, в глазах промелькнули странные огоньки, но он все смотрел и смотрел на ее легкую фигурку и прижимался к ее мягкому телу.

- Что мы делаем друг с другом? - пробормотал он, с тоской качая черноволосой головой. - Ты у меня уже в печенках сидишь.

Его нежность напугала ее даже больше, чем неукротимая страсть, она могла бороться с его неистовством, но эта соблазнительная нежность была сильнее ее хрупкой решимости.

- Я хочу тебя, - сказал он с каплей своей обычной самонадеянности. Ведь в этом нет ничего плохого?

Он прижал ее к своему напряженному телу, жадно ища ее губы и целуя ее, не в силах сдержаться.

Ее плоть отреагировала мгновенно, и когда его горящие губы заскользили по ее лицу и шее, тело само по себе, повинувшись извечному инстинкту, стало отвечать на его ласки. Чувствуя ее податливость, он оторвал ее от дерева. Теперь только его руки удерживали ее. Дыхание у него стало неровным, а пальцы скользили по ее гибкому стану.

- Мне кажется, что я бы смог научиться жить, даже если бы тебе не нравился, - с легкой насмешкой сказал он, и глаза у него мягко лучились. Она хотела отодвинуться от него, догадываясь, что он дает ей возможность бежать, но вместо этого еще крепче к нему прижалась, впитывая в себя его дурманящий запах и наслаждаясь близостью его большого тела.

- Ты понимаешь, что я чувствую? - неровным голосом спросил он. Утвердительно кивнув, она опустила голову и спрятала за переливающейся ширмой волос раскрасневшееся лицо.

- Но этого ведь недостаточно? - Голос ее дрожал, и она почувствовала, как он напрягся.

Опять всего лишь несколько украденных мгновений. Если уж она ему себя отдаст, то это будет на всю жизнь, а он уже обещал себя другой. Она хотела его целиком, а не только его тело.

- Послушай, Рия, - шепло пробормотал он, - я тебе кое-что должен объяснить. Что-то, что ты должна понять.

Произнося эти слова, он слегка отстранил ее от себя - и точно в прорубь опустил.

Мысли ее бешено закрутились. Сейчас он расскажет ей о Кристи. Только не это, она этого не перенесет.

- Нет! - выкрикнула она и отступила с выражением ужаса на лице. - Я не хочу этого слышать. Ничего из того, что ты можешь сказать, не имеет для меня значения. Слишком поздно.

- Понятно. - Он нахмурился. - Значит, я сам выставил себя дураком.

- Нет. - Она хотела было дотронуться до его руки, но что-то в гордо-холодном лице заставило ее остановиться. - На это ты неспособен.

- Не надо, Рия. - В голосе его звучало холодное предостережение. - Я никогда не был так близок к тому, чтобы взять женщину силой. Иди.

Сам он не шелохнулся.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, взбудораженная болью, прозвучавшей в его голосе.

- Димитриос, ты не понял...

- Я сказал, иди.

Они долго с тоской смотрели друг на друга, и шум банкета был где-то очень-очень далеко.

Она не двинулась с места, тогда он бросился мимо нее, пробормотав какое-то проклятье, и, не обернувшись, затерялся в толпе.

На ватных ногах Рия побрела вслед за ним, оставив темную уютную тень. Она была как в оцепенении, односложно отвечая на вопросы. Фрэнк тоже исчез, и она была этому рада. Его дружеское лицо могло оказаться последней каплей – нервы у нее и так были натянуты до предела.

Она и не знала, что Димитриос постоянно был где-то рядом, не выпуская из вида ее отсутствующее лицо.

Через несколько минут к ней подошла Поппи, казавшаяся очень усталой, особенно в ярком свете ламп.

- Где ты пропадала? – обеспокоено спросила кузина, не сводя с нее глаз. – Выглядишь ты ужасно. Что случилось?

- Ничего, – ответила Рия не своим голосом, и та недоверчиво фыркнула. – Ну да, ты пропадаешь больше чем на час с нашим уважаемым хозяином, а затем появляешься, как слегка подогретая смерть, и ничего не произошло?

- Прощу тебя, Поппи.

Всего три слова, но Поппи поняла, что Рия на пределе.

- Никое заказал нам такси. Я только хотела сказать, что тебе вовсе не обязательно ехать сейчас со мной, но теперь вижу, что, может, тебе все-таки поехать? – мягко спросила она.

- Да, пожалуйста.

Рия стала приходить в себя, только когда такси остановилось у виллы.

Как во сне, она услышала резкий лай собак.

- Ну так вот, – бесцеремонно заявила Поппи, препроводив ее в такую гостиную, едва освещенную маленькой лампой. – Мы отсюда не уйдем до тех пор, пока ты мне не расскажешь, что происходит. И не смей отвечать «ничего»!

Рия с легким вздохом откинулась на спинку стула, и одна из маленьких собачек прыгнула ей на колени, согревая ее холодные ноги. Рия в полумраке смотрела на кузину.

- Не смотри на меня так, – решительно заявила Поппи. – Я намерена довести дело до конца. Я должна знать, что происходит. Ну и вечерок! болтала она. – Для начала Димитриос прямо-таки набрасывается на одного из тех, для кого, собственно, и организовывал весь пир. Никое просто глазам своим не поверил. Он уверен, что его дядя потерял голову.

- Это был Фрэнк, – тихо сказала Рия, и Поппи раздраженно на нее посмотрела.

- Что же он натворил, если получил такое?

- Да ничего, в общем-то...

- Если ты еще хотя бы раз произнесешь это слово, я завизжу, – предупредила Поппи. – Никогда бы не поверила, что Димитриос способен на такое. Всем было так неудобно. Затем он куда-то препровождает тебя и смотрит на окружающих так, будто они совершили тяжкий грех. А затем ваша парочка исчезает с лица земли на битый час. И когда ты вновь появляешься... эх! Не находя слов, она возмущенно посмотрела на Рию.

- Ты была похожа на смерть, а он выглядел так, будто кто-то дал ему под ложечку. Так что же происходит, Рия? Только не смей говорить «ничего».

- Все как-то страшно запутано, - медленно прошептала Рия, начиная всхлипывать. - Все так запутано.

- Конечно, я не очень-то хороший родственник, но я у тебя одна, и я всегда на твоей стороне, права ты или нет. - На лице Поппи была написана неподдельная озабоченность. Точно добрая фея, она с любовью взяла за руку маленькую Золушку. - Ну же, что случилось?

- Обещаешь никому не говорить? - надтреснутым голосом спросила Рия. Кузина кивнула, и Рия устала в пустоту. - Димитриос женится на Кристи.

Жестокие слова на несколько секунд повисли в воздухе, прежде чем Поппи выпустила воздух из легких.

- Не верю, - твердо заявила она.

- Это правда, Поппи.

- Кто тебе сказал? Она?

Рия кивнула, и кузина вскочила на ноги и стала расхаживать перед ней взад и вперед.

- Ну, Рия, ты такая легковверная! Это неправда! Кристи бежит за ним уже очень давно, а когда появилась ты, она просто озверела. Никое говорит, что никогда не видел своего дядю таким. А уж если он это заметил, то можешь быть уверена - Кристи тоже.

- Ты не понимаешь, - устало сказала Рия. - Все совсем не так, как ты думаешь. Когда-то Димитриос был знаком с девушкой, которую звали Каролина. Она разбила его сердце, когда он был еще совсем молод. Как я теперь вижу, он до сих пор не простил ее. Может, он все еще любит ее, не знаю. Главное, что она очень на меня похожа. Теперь понимаешь? Он хочет меня только потому, что я похожа на нее, а не потому, что испытывает ко мне какие-то чувства!

- Черта с два! - с жаром воскликнула Поппи. - Димитриос не какой-нибудь мальчик, чтобы бежать за тобой только из-за твоей фигуры. И если ты так думаешь, то ты глупее, чем я тебя считала. Извини, Рия, - продолжала она, видя ее жалкое лицо, - но я просто не могу поверить, что он женится на Кристи. Ты его-то спрашивала?

Рия отчаянно замотала головой.

- Как, если Кристи рассказала мне это по секрету? Даже Кристина еще ничего не знает. Они объявят об этом после вашей свадьбы. Да я уже и кольцо видела. Оно стоит, наверное, не одну тысячу.

В глазах у Поппи засветились первые огоньки сомнения, но уже через секунду она опять упрямо дернула головой.

- На все должно быть какое-то объяснение. Я просто не верю, что эта притвора могла обвести Димитриоса вокруг пальца... Может, она попросила кольцо у кого-нибудь поносить?

- Ты что? - мягко возразила Рия. - Кто даст такую вещь? Ведь это целое состояние. Не надо обманывать себя, Поппи, она подходит ему больше, чем я.

Поппи посмотрела на нее с нарастающим беспокойством.

- Надо бороться, Рия. Ты же знаешь, что любишь его. Не позволяй всему этому распадаться.

- Я не так настойчива, как ты, - ответила Рия. - К тому же и драться-то не за что. Он уже сделал свой выбор. Может, это даже лучше для нас обоих.

Поппи с отвращением фыркнула.

- Рассказывай! Я никогда не видела тебя в таком ужасном состоянии. А если он попросил руки Кристи, то вряд ли это доставило ему массу удовольствия, тебе не кажется? Вы оба ходите как в воду опущенные.

- Забудь об этом, Поппи, - попросила Рия. - Через несколько дней я уеду, и тогда все вы преспокойненько заживете каждый своей жизнью, а я буду собирать то, что осталось от моей.

- И ты думаешь, что мне от этого легче? - Поппи едва не плакала. - Позволь мне спросить у него, Рия. Я как-нибудь так, осторожненько... Можно, а?

- Если ты скажешь кому-нибудь хоть слово, то обещаю тебе, я забуду о твоём существовании. - Голос у Рии был холоднее льда, и Поппи не решилась настаивать, обиженно поджав губы. Рия медленно поднялась и вышла. Она походила на старуху, и все в ней говорило о поражении.

На следующее утро Кристи объявилась вновь - с целой охапкой свадебных подарков, которые Поппи приняла у нее более чем угрюмо. Это не ускользнуло от пронизательных глаз рыжеволосой красотки, и она злорадно кивнула головой с тщательно уложенными волосами.

- Нервишки перед свадьбой? - медленно протянула она, не сводя с сердитого лица Поппи ядовито-зеленых глаз.

- Ничего подобного! - отрезала Поппи, мечая в нее искры.

Кристи мягко рассмеялась и вытащила еще одну коробку из своих многочисленных чемоданов, которые потный таксист поставил перед ней несколько минут назад.

- А это для Кристины, - сказала она безразлично, ни к кому не обращаясь. - Она у себя?

- Да. А мужчины на работе, - сказала Поппи полным ада голосом, но тут же слегка покраснела, перехватив сердитый взгляд Рии.

- Насколько я вижу, вы по-прежнему работаете, как пчелка, - насмешливо сказала Кристи, поворачиваясь к Рии.

Рия отвела глаза и не проронила ни слова.

- Сегодня вы чрезвычайно дружески ко мне расположены... - бросила Кристи через плечо и грациозно направилась к лестнице. - Мы так рады вас видеть, Кристи! Как вы долетели, Кристи?

- Чтоб ты сдохла, Кристи! - вполголоса пробормотала Поппи, когда рыжеволосая красавица, скользая рукой по полированному дереву резных перил, поплыла по залитой солнцем веранде в комнату Кристины.

По мере того как день подходил к концу, Рия все больше и больше нервничала. Холодные

зеленые глаза, как буравчики, сверлили ее лоб – так, что она была готова закричать. Поднимая глаза от работы, она постоянно ловила на себе пристальный взгляд Кристи, следившей за каждым ее шагом. Ее красивое лицо было холодным.

- Вы ненавидите меня, правда? – сказала Кристи таким голосом, словно просила чашку кофе.

- С чего мне вас ненавидеть?

Рия отвернулась и стала просматривать отпечатанные на машинке листочки бумаги, с внутренней дрожью предчувствуя схватку.

- Вы прекрасно знаете, почему, – надменно сказала Кристи, и слова ее падали, словно первые капли надвигающейся грозы. – Почему бы вам не отправиться восвояси, пока еще не вся ваша гордость растоптана? Честно говоря, я не ожидала увидеть вас здесь снова.

- Извините, что не оправдала ваших надежд, – сказала Рия. Ее спокойствие и безразличный голос явно раздражали оппонентку.

- Не думайте, что вам удастся обмануть меня этими вашими невинными штучками, – бросила Кристи, придвигаясь к ней ближе и глядя на нее злобными глазами. – Димитриоса ты еще могла бы обвести вокруг пальца, но я-то тебя сразу раскусила. Ты охотница за чужим богатством! Поверь мне, зря теряешь время. Ты вылетишь отсюда пробкой, как только они поженятся, так почему бы тебе не собрать свои чемоданчики прямо сейчас и не отправиться куда подальше?

- Я уеду, когда все будет готово, – отчеканила Рия, поднимая голову и твердо глядя в надменное лицо Кристи. Они несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и Кристи не выдержала. От ненависти лицо ее перекопилось. – Много я повидала таких, как ты. Но они приходили и уходили, – прошипела она через плечо, отворачиваясь и мечая зеленые искры. – Ну, протянешь ты еще месяц или два, но он быстро потеряет к тебе всякий интерес. А ко мне он все время возвращается, не забывай этого.

- У меня нет ни малейшего намерения тянуть сколько бы то ни было, холодно ответила Рия, а внутри у нее все оборвалось, и она не смогла скрыть этого. Направляясь к дверям, она сдержанно сказала: – Мне просто жалко Димитриоса, если у него будет такая жена. Мне жаль его от всего сердца.

- Оставь свои сожаления при себе! – издевательским тоном выкрикнула Кристи. А когда Рия вышла из комнаты, лицо Кристи озарилось торжествующей улыбкой. – Пожалей лучше себя. Это пригодится тебе в те длинные холодные ночи, когда ты будешь представлять его рядом с собой.

Рия каким-то чудом добралась до своей комнаты. Дрожа, она села на кровать. Жестокость Кристи выбила у нее почву из-под ног. Никогда еще ей не приходилось сталкиваться с такой открытой и яростной ненавистью. Может, действительно лучше уехать прямо сейчас? По крайней мере, в одном она могла быть уверена: Кристи сделает все, чтобы испортить ей последние дни.

Вечером, спускаясь к обеду, она уже все для себя решила. Гордость заставила ее одеться очень тщательно. Она собрала свои блестящие, как расплавленное серебро, густые волосы в нетугой узел на затылке, оставив несколько прядей свободно висеть вокруг шеи. Большие глаза были слегка подведены.

Все уже сидели за столом, и стоило ей увидеть Димитриоса, который мирно разговаривал с Кристи, по-хозяйски державшей его руку в своей, как знакомая уже боль пронзила ее. Она не видела его с того самого вечера, и сердце у нее екнуло, когда он нехотя поднял голову и с насмешливым одобрением осмотрел ее с ног до головы.

- Выпьешь чего-нибудь?

Низкий голос был мягок, и она вздрогнула.

- Спасибо. Сухой шерри, если можно.

Она не могла смотреть на Кристи, но знала, что ее гибкое стройное тело оторвалось от Димитриоса, когда тот поднялся, чтобы налить шерри. Даже Кристина заметила, как ловко Кристи опутывает Димитриоса своей паутиной. Она смотрела на брата с неодобрением, но когда, подав Рии бокал, он задержался возле нее, разговаривая со всеми сразу, она немного оттаяла. В этот вечер Рия не смогла отдать должное кулинарному таланту Розы.

Во рту у нее был привкус древесных опилок. Всем своим существом она ощущала с поразительной болью, что последний раз обедает за этим столом. Во время десерта она объявила о своем намерении, и эффект был подобен разрыву бомбы. Помогла ей Поппи, сама того не подозревая. Обернувшись к кухне, когда разговор немного стих, она положила руку ей на руку и спросила:

- Ты не поедешь со мной завтра в коттедж? Я хочу повесить там шторы и прибраться напоследок. Мне кажется, будет неплохо, если мы на денек уедем отсюда.

Говоря это, она хмуро глянула на Кристи, чьи глаза презрительно заблестели.

- Извини, Поппи. - Голос у Рии дрожал, но лицо было спокойным. Завтра я уезжаю. Я и так слишком задержалась. Джулиан не может держать мое место вечно.

Если бы она вдруг скинула с себя одежду и пошла танцевать нагишом, то эффект не был бы таким ошеломляющим.

Она чувствовала, что Поппи смотрит на нее с ужасом, а на лице Кристины появилось озабоченное выражение, но глаза ее были прикованы к Димитриосу - он так резко поднялся, что даже опрокинул стул.

- Что ты хочешь этим сказать? - Он пристально смотрел в ее побелевшее лицо. - Ты обещала остаться здесь до свадьбы. Не думал, что ты нарушишь свое слово.

- Я обещала остаться здесь до тех пор, пока все не будет готово к свадьбе. И вот теперь все готово, - спокойно поправила его Рия, не отводя взгляда от его бешеных глаз. - Я хочу домой.

В ее последних словах была такая мольба, что это не ускользнуло ни от кого, даже от рыжеволосой американки, самодовольно развалившейся около Димитриоса. Но когда он с побелевшим лицом наклонился вперед, упираясь руками в стол, Рия потупилась.

- Ты не уедешь! - рявкнул он, не замечая никого вокруг. - Я не отпущу тебя.

- Уеду, - ответила она, уже не пряча от него глаз. Он обошел вокруг стола и приблизился к ней. Рия побледнела, на лице у нее проступил испуг. - Встань!

Голос его звучал угрожающе спокойно. С легким восклицанием Кристина тоже подошла к Рии.

- Оставь девочку в покое, Димитриос. Если она хочет домой, ее следует отпустить.

Услышав голос сестры, Димитриос пришел в себя и посмотрел на нее потухшим взглядом.

- Я просто хочу поговорить с ней.

- А я не хочу с тобой говорить.

Как только она произнесла эти слова, в его суровых глазах проступила та же боль, что разрывала на части ее саму. Он медленно выпрямился и долгим взглядом посмотрел на нее, словно пытаясь проникнуть в ее мысли. - А Кристина? - спросил он наконец, довольный, что нашел предлог. Ты думаешь, что на свадьбе она без тебя обойдется?

- Я бы не уехала, если бы не была в этом уверена, - с трудом вымолвила Рия.

- Ну что ж, пусть будет по-твоему, - сказал он так, словно зачитывал смертный приговор. - Поезжай назад в Англию, Рия, поезжай и загнивай там.

- Димитриос!

Услышав протестующий возглас сестры, Димитриос резко обернулся. Лицо его потемнело, как туча.

- Я не хочу ее больше видеть в моем доме. Запомни это, если ты ценишь свою мирную жизнь.

Кристина в ужасе уставилась на него, а он с кривой ухмылкой, обезобразившей его лицо, щелкнул пальцами собакам, дремавшим на веранде, и не торопясь вышел через большие стеклянные двери в сад.

Кристина бросилась было за ним, но, услышав резкий окрик Кристины, упала на свой стул, мрачно поблескивая зелеными глазами.

- Не понимаю, из-за чего, собственно, сыр-бор, - пробормотала она еле слышно. - Ведь она уезжает всего на несколько дней раньше, чем было запланировано, она сама так сказала. Она оставалась здесь, только чтобы помочь в подготовке свадьбы.

- Заткнись! - Поппи вскочила со своего стула и нависла над Кристи, как разъяренный домовый. Ее маленькое личико горело от злости. - Ты и так уже сделала все, что могла.

- Поппи, - умоляюще произнесла Рия, и Кристи перевела прищуренные глазки с одной кухни на другую.

- Вот так, - протянула она насмешливо. - Кровь не водица, и весь этот вздор...

- Ты считаешь себя очень умной, да? - бросила ей Поппи, раздраженно стряхивая руку Никоса. - Что ж, в некотором смысле ты даже очень умная. Драная кошка!

- Поппи! - воскликнул теперь уже Никое, но в этот момент Кристина опустила на стул с посеревшим лицом, и на лбу у нее проступил пот. Все внимание переключилось на нее. Рия бросилась растирать ей руки, а Никое налил стакан бренди и поднес его к побелевшим губам матери. Поппи носилась между ними с перепуганным лицом.

Через несколько минут Кристина слабо улыбнулась.

- Я думаю, всем нам следует пойти спать, - медленно сказала она, ласково глядя на сокрушенное лицо Рии. - Могу я попросить вас о последней услуге, дорогая?

Рия неуверенно кивнула, и пожилая женщина положила руку ей на руку.

- Я понимаю, что не имею на это права, но, может, вы все-таки съездите завтра с Поппи и поможете ей закончить дела в доме? Мне будет спокойнее, если я буду знать, что все сделано. И мне бы не хотелось, чтобы Поппи в ее положении вытягивалась, как струнка, подвешивая занавеси. Обещаю, что сама закажу вам билет на первый самолет послезавтра. Пожалуйста, Рия.

Рия опять кивнула. Ей было очень больно, и она знала, что процесс заживления начнется только тогда, когда она выберется отсюда и уедет подальше от смуглокожего обитателя этого дома, но она не могла отказать Кристине еще в одном дне.

- Только один день, - согласилась она с болью, слегка вздрогнув, когда Кристи выпорхнула из комнаты с громким вздохом.

Кристина мягко улыбнулась, задержав на мгновение взгляд на Поппи и вновь переводя его на бледную девушку, склонившуюся над ней.

- Только один день, - повторила она. - Обещаю. К тому времени все прояснится.

Глава 10

Маленький домик, столь же привлекательный, каким его запомнила Рия, мирно дремал в утренней жаре. Никое открыл настежь все заново покрашенные окна, чтобы выветрить запах краски, и тут же уехал, предупредив, чтобы они не особенно усердствовали.

Рия приступила к работе немедленно, заставляя себя думать только о том, что делает.

Димитриос уехал на завод рано утром, пока все спали. За столом Роза сообщила, что он вообще не ложился. Никое быстро проглотил свой завтрак, нещадно подгоняя Поппи и Рию, чтобы не опоздать на работу, однако потом его мать на целых десять минут задержала Поппи у себя в комнате: она хотела сверить по списку, что осталось сделать.

- Я думал, уже все готово, - упрекнул он Поппи, когда та с покрасневшими щеками присоединилась к ним в машине. - Димитриос убьет меня за опоздание!

- Сомневаюсь, - почти весело успокоила его Поппи. - Кристина позвонит ему чуть позже - надо еще кое-что уточнить - и объяснит, что тебя задержали мы.

Повесив чудесные занавески в цветочек, Рия помогла Поппи переставить кое-какие мелочи на первом этаже. Димитриос был чрезвычайно щедр и позволил им покупать все, что им взбредет в голову, и Поппи потешила себя, выбирая самое лучшее. Часам к двум-трем домик стал точно картинка.

- Дядюшка Джон приедет? - спросила Рия, когда они уже заканчивали мыть маленькие окна, которые так хорошо вписывались в этот стиль.

- Нет, да мне бы и не хотелось, - ответила Поппи, явно не желая обсуждать эту тему.

- Ну что ты, Поппи, - мягко запротестовала Рия, но ее кузина не поддавалась на уговоры.

- У меня нет твоего дара подставлять другую щеку, - угрюмо заметила она. - Он до сих пор обо мне и не думал, так с чего бы вдруг сейчас?

Рия с сожалением пожала плечами - есть такие темы, которые лучше не поднимать.

К вечеру, совершенно измотанные, они уселись в шезлонгах в маленьком садике. Было жарко и душно, и посеревшее небо предвещало грозу. Как всегда, у Рии разболелась голова и нервы расходились, а сегодня было хуже, чем всегда, поскольку мысли ее постоянно кружили вокруг Димитриоса и того, что с ней произошло.

- Не может быть! У нас кончилась вода! - вдруг вспомнила Поппи. Продержимся до приезда Никоса?

- Я могу сходить в городок, может, что-нибудь еще открыто, - предложила Рия. - Время сиесты уже заканчивается, думаю, что смогу купить бутылку лимонада.

Закрывая через несколько минут за собой дверь, она услышала первые раскаты приближающейся грозы. Тяжелый влажный воздух давил, и она даже поежилась.

- Не будь ребенком, - сказала она себе громко, пытаясь побороть извечный страх перед громом и не смотреть в быстро темнеющее небо. В тот день, когда погибла вся ее семья, была очень сильная гроза, и до сих пор, несмотря на все попытки убедить себя, что это лишь явление природы, перед яростной силой грозы она всегда чувствовала себя перепуганной семилетней девочкой, прокручивающей назад все прошедшие с тех пор годы, словно они были одним мгновением.

Ей пришлось-таки побродить по дремлющему городку, прежде чем она нашла открытый магазин. Быстро сделав покупку, она вышла на улицу. Падали первые крупные капли дождя.

Она была уже на полпути к коттеджу, когда мир перевернулся. Яркие белые вспышки молний разрывали небо надвое с дикой жестокостью, а гром походил на взрывы бомб и едва не поднимал ее в воздух. За плотной стеной дождя улица показалась ей потусторонним миром. Струи заливали лицо, слепили, гром глушил, но она шла вперед, не видя ничего перед собой.

Она и не представляла, что гроза может быть такой неистовой. Когда гром разразился прямо над ней и словно пронзил ее насквозь, она выпустила бутылку из рук, инстинктивно заткнула уши и, не глядя под ноги, бросилась бежать посередине дороги, превратившейся в настоящую реку.

Когда она приблизилась к перекрестку недалеко от дома Поппи, ей почудилось, что какой-то высокий человек выкрикивает ее имя, но тут раздался такой оглушительный раскат грома, что Рия, до смерти перепугавшись, бросилась через перекресток.

Вдруг, на одно мгновение, застывшее в вечность, она увидела прямо перед собой огромный грузовик и раскрытый в ужасе рот водителя, а в следующее мгновение взлетела в воздух, как тряпичная кукла.

Земля понеслась ей навстречу, и миллион маленьких стрел пронзил ее тело, а затем все пропало, и остался только красный туман и дождь, хлеставший ее по лицу.

Какие-то бестелесные голоса все выкрикивали и выкрикивали ее имя, и вернулась боль, такая

острая, что она не могла даже вздохнуть. Она почувствовала, как две сильных руки приподняли ее голову, а чей-то хриплый обезумевший голос все звал и звал ее. Но постепенно боль и шум в голове стали проходить, и она начала падать в пропасть, вдруг разверзшуюся под ней.

Ее везли на машине «Скорой помощи», выла сирена, и кто-то сидел рядом и всхлипывал и гладил ее по голове, нежно повторяя ее имя. Ей было слишком больно оставаться на этой земле, и она обрадовалась, когда темное мягкое покрывало опустилось на нее и отгородило от всех.

Вдруг она почувствовала: что-то изменилось. Огонь, пожиривший ее и не дававший покоя, затух, и лицо ее теперь обдувал легкий ветерок. Она попыталась открыть глаза, но веки были слишком тяжелы. Они давили ее книзу и толкали назад, в обволакивающую мягкую перину.

Она услышала шорох, и что-то холодное легло ей на лоб.

- Рия! - позвал глубокий мужской голос в мучительном стоне. - Дорогая, борись, не сдавайся. Я люблю тебя, мой ангел. Открой глаза, Рия! Она попыталась, но боль в голове была нестерпимой, и ей захотелось опять укрыться в полной темноте. Она так устала, так смертельно устала...

Рия проснулась. В комнате стоял полумрак, а над кроватью горел маленький ночничок. Крайнее изнеможение, которое парализовало ее, ушло, и тело вновь принадлежало ей. Она осторожно осмотрелась. В голове стучало, но она смутно вспомнила, что до этого боль была сильнее.

В маленькой белоснежной палате стоял сильный запах антисептиков, и когда она попыталась пошевелиться, то вдруг с ужасом обнаружила, что ее ноги заключены в какую-то огромную металлическую штуковину, приделанную к узкой кровати, и в панике застонала.

- Все в порядке, не двигайся, любовь моя, все в полном порядке.

Димитриос вскочил с кресла, поставленного так, что она не могла его видеть, и упал на колени подле нее. Его смуглое лицо было покрыто густой черной щетиной, а голубые глаза тонули в фиолетовых кругах.

- Где я? - удивленно прошептала она, прислушиваясь к пульсирующей боли в голове.

- Ты в больнице, моя сладкая, - ответил он мягко, слегка дрожащим голосом, и она пристально на него посмотрела, пытаясь рассмотреть выражение его лица.

- Ах да, гроза, - пробормотала она, опять погружаясь в сон.

Когда она открыла глаза в следующий раз, за окном светало, а Димитриос все еще стоял перед ней на коленях. Он спал, положив голову на белое покрывало. Впервые за все время, что она его знала, одежда на нем была мятая, а на рубашке темнело пятно, похожее на засохшую кровь.

Она слегка пошевелилась, и он мгновенно проснулся. В глазах у него не было и тени сна.

- Рия!

- Извини, - прошептала она. - Мне кажется, что я причинила тебе много хлопот.

- Эта фраза - твое второе имя, каждый раз ты начинаешь с нее, - попытался пошутить Димитриос. - Как ты себя чувствуешь?

- Так, будто по мне проехал грузовик, - улыбнулась она. Взглянув ей в глаза, он хмыкнул, но казалось, что вот-вот разрыдается.

- Я боялся, что потерял тебя. - Он покрывал ее лицо нежными, как прикосновение перышка, поцелуями, повторяя и повторяя ее имя и осторожно прижимая ее к себе. - Ох, дорогая...

- Димитриос!

Она попыталась отодвинуться, чтобы получше рассмотреть его, но острая боль пронзила ей грудь, и она чуть не задохнулась. Он тут же позвонил.

- Не двигайся, - сказал он озабоченно, с невероятно нежным блеском в глазах.

В палате появился средних лет бородатый врач в белом халате и быстро подошел к Рии.

- Здравствуйте, леди.

У него был совершеннейший английский выговор. Улыбаясь, он смотрел на нее сверху вниз, подготавливая шприц.

- Надо, чтобы вы еще поспали хоть немножко, а когда проснетесь, то будете как огурчик.

Он уколол ее в руку, и Рия устало закрыла глаза. В голове у нее кружилась масса вопросов. - Она вне опасности, мистер Кутсупис, - спокойно продолжал голос, теперь пора и вам выполнять мои предписания. Вам надо отдохнуть. Разве можно вызывать меня из Лондона и в то же время игнорировать? С меня хватает и одного пациента.

Димитриос что-то ответил сердито, она не поняла, что именно, а затем все пропало...

Комната купалась в ярком солнечном свете. Проснувшись, Рия лежала, не шевелясь, довольно долго, а потом огляделась. Рядом никого не было, и она позвонила, пытаясь собраться с мыслями и понять, где действительность, а где безудержные мечты.

- Этого не может быть, - прошептала она золотистому лучу, упавшему ей на лицо, не веря своим воспоминаниям. - Неужели и правда он сказал, что любит меня?

Маленькая темноволосая сестра появилась почти мгновенно. Ее круглое личико светилось дружеским расположением, и она услужливо заполнила пробелы в памяти Рии.

- Мистер Кутсупис поднял на ноги всю больницу, когда вас сюда привезли, - весело рассказывала она на очень хорошем английском. - Он на всех кричал, все ему не нравились, и он не захотел от вас отходить, даже когда вас просвечивали. Ваша кухня ничего не могла с ним поделать, правда, она и сама была в истерике.

Рия улыбнулась своим мыслям. Очень похоже на Димитриоса.

- Он почему-то решил, что здесь нет ни одного достаточно квалифицированного врача, и обидел всех, вызвав из Англии доктора Николса, чтобы он лечил вас. Доктор Николс - непревзойденный авторитет в черепно-мозговых травмах.

Рия осторожно дотронулась до головы.

- Теперь уже все в порядке, - успокоила ее сестра, - сотрясение прошло, но в течение какого-то времени положение было критическим. Врачи просто не знали, что с вами происходит. - Она тепло улыбнулась Рии. - А теперь все, что осталось, - это сломанное ребро и ноги. Вам страшно повезло. Могло быть значительно хуже.

- Могло? - недоверчиво спросила Рия. У нее было такое ощущение, что все ее тело - сплошная рана.

- Пойду посмотрю, что там с обедом, - предложила сестра, причесав Рии волосы. - На ленч вы опоздали, но я раздобуду вам супу и булочек.

- Большое спасибо, мне бы не хотелось вас беспокоить, - быстро сказала Рия. - Я не очень голодна.

- Ну что вы, мы хотим, чтобы вам было хорошо, - сказала сестра, смягчив какой-то горький подтекст теплой улыбкой. - Мистер Кутсупис напугал нас всех до смерти.

Рия усмехнулась, но обе улыбки тут же замерли, так как в дверях послышался суровый бас:

- Спасибо, сестра. Вы свободны!

Сестра успела подмигнуть Рии, прежде чем на цыпочках вышла из палаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Димитриос стоял около двери, как всегда одетый безукоризненно. Однако морщины усталости и напряжения отчетливо виднелись на его смуглом лице, и в глазах стояло беспокойство.

- Привет, - сказала Рия, опуская глаза и чувствуя сильное смущение.

- Ты меня простила? - У него был густой, незнакомый ей голос. Он стоял недвижим - высокая фигура в белой, наполненной солнцем палате. - Я не имею на это права, но я встану перед тобой на колени, если это поможет тебе понять меня.

Она смотрела на его лицо с чувством, очень близким к ужасу.

- Я не хочу, чтобы ты становился на колени, - мягко сказала она, и в ответ он только простонал.

- Но я заставил тебя встать на колени, разве не так? Я не могу поверить, что был так слеп и так глуп! - Он сделал шаг, но вдруг с трудом сдержал себя, засунул руки в карманы. - Мне нужно поговорить с тобой, объяснить тебе, почему я вел себя именно так, а не иначе, но если я до тебя дотронусь, то все пропало.

- Я понимаю, - мягко сказала Рия. - Кристина рассказала мне все о Каролине и...

- Ты не понимаешь! - насупив брови, процедил он сквозь стиснутые зубы. - Когда я впервые увидел тебя, тогда, у тебя в квартире, ты действительно напомнила мне Каролину, а из всего того, что рассказал Никое, я сделал вывод, что судьба подбросила нам еще одну неразборчивую серебряноволосую сирену, чтобы она опять причиняла мне боль, ну, и того хуже... - Он глубоко вздохнул. Лицо его было белым. - Но ты не вписывалась в эту схему, и я никак не мог взять в толк, как эта выдержанная, нежная девушка, которую я до смерти напугал, может быть такой испорченной, какой мне описал ее Никое. Я знал, что Никое спал со своей подружкой, а когда я держал тебя в руках, ты отвечала мне так невинно, для тебя все

это явно было в новинку, и ты так старалась совладать со своими чувствами, совершенно новыми для тебя, что я уже не знал, во что верить.

Он отвернулся и подошел к окну, став к ней спиной, и его черные волосы отдавали синевой.

- Там, на берегу, я наконец решил, что мне на это наплевать. Ты была нужна мне, какой бы ты ни была. Я решил рискнуть и поверить сердцу, но сначала мне надо было посмотреть на тебя вместе с Никосом - убедиться, что между вами все кончено. Когда же я понял, что все это время ты водила меня за нос, что все мои страдания были напрасны... - Он растерянно покачал головой. - Мне кажется, на какое-то время я сошел с ума.

- Извини... - неуверенно начала Рия, и слезы побежали у нее по щекам, но он, не поворачиваясь, заставил ее замолчать.

- Нет, дай мне закончить. Я должен это высказать. - Голос его дрожал от полноты чувств. - Я сам во всем виноват, понимаешь? Еще до того, как все выяснилось, я знал, что ты не Поппи, что ты нежная и добрая, что я могу любить тебя до конца своих дней. После того первого шока я и забыл о Каролине. Если не считать вашего внешнего сходства, вы совершенно разные. В ней никогда не было ничего от твоей мягкости и чистоты. Но что-то, засевшее во мне очень глубоко, сдерживало меня. Я должен был еще и еще раз все проверить и перепроверить, хотя и знал, что делаю тебе больно, что разрушаю всякую надежду, которую еще мог питать.

Он повернулся к ней лицом, и глаза у него были полны горя.

- Я попросил тебя остаться и помочь со свадьбой, потому что просто не мог тебя отпустить. Я хотел, чтобы ты была рядом со мной, и все же никак не мог поверить, что ты меня любишь, что ты мне доверяешь после того, как я с тобой обошелся. Ты так щедро отдавала мне свою нежность раз за разом, а я швырял тебе ее в лицо...

Она протянула к нему руки, не в состоянии больше видеть его боль.

- Хватит, - прошептала она, и в глазах ее стояли слезы. - Пожалуйста, Димитриос, хватит.

- Как ты можешь любить меня? - Он не двигался. - Кристина рассказала мне, что тебе наплела Кристи. Меня не было на заводе, но когда я вернулся, она позвонила мне и все объяснила, и я тут же бросился в город. Я опоздал. - Лицо его исказилось гримасой. - Когда ты упала...

- Мне показалось, что и я тебя видела, - медленно сказала Рия, все еще протягивая к нему руки.

- Это все ложь, Рия, все, что тебе наговорила Кристи. Мы с ней друзья... были друзьями, не больше, - угрюмо пробормотал он. - Она призналась Кристине, что купила это кольцо. Деньги для нее ничего не значат, когда у нее есть цель. После развода она немало получила.

Димитриос неожиданно бросился к ней и с приглушенным восклицанием нежно обнял ее, жадно целуя, так что она едва переводила дыхание.

- Прости меня, я слишком груб, - шептал он. - Но ты даже не представляешь себе, как я об этом мечтал все последние дни. Ты простишь меня? Научишься любить меня?

- Мне не надо учиться. - Рия всхлипывала у него на груди. - Я полюбила тебя с первого взгляда, но я и не надеялась, что ты когда-нибудь тоже меня полюбишь...

Она вспомнила о его непредсказуемом поведении, и в глазах ее появились сомнения.

Он осторожно обхватил ладонями ее лицо. В глазах его было столько любви и надежды, что горло у нее сжало спазмом.

- Я никогда не смогу никого так любить, как тебя, - медленно произнес он, задыхаясь. - Ты мое солнце, ты моя луна, ты мои звезды. Я хочу, чтобы ты была моей женой, чтобы ты родила мне детей, чтобы мы вместе состарились. Если ты меня отвергнешь, у меня больше никого не будет и у меня ничего не останется в этой жизни.

Его настойчивость глубоко взволновала и даже напугала ее, и она притянула его к себе. Никогда, даже в самых своих сокровенных мечтах, не ждала она таких слов от холодного, самонадеянного мужчины, которого ей выпало полюбить.

С протяжным стоном он поймал ее губы, скользя руками по ее телу, но вдруг отстранился. Руки его дрожали.

- Ты не ответила мне, - сказал он. - Ты будешь моей женой?

- Навсегда, - прошептала она с любовью, - до тех пор, пока нас не разлучит смерть.

Он взял в ладони ее шелковые серебристые волосы.

- Такие красивые, и все мои, - сказал он торжествующе. - Надеюсь, ты скоро поправишься, любовь моя. Я нетерпелив. Рия посмотрела на него, не в силах скрыть своих чувств. - Ты простил меня за мой обман? - мягко спросила она, и лицо ее осветилось любовью.

- А что тут прощать? - Голос его был нежен. - Все, что ты сделала, ты сделала ради своей сестры. Я догадывался, я знал это с самого начала и потому еще больше тебя любил. Я сам заварил эту кашу, мне и расхлебывать, - улыбнулся Димитриос. - И за это я до конца своих дней буду благодарить Всевышнего.

Так он и сделал.